

Знакомьтесь:

4 Наталья ГЕОРГИЕВА	<i>От Тургенева – к Пушкину</i>
7 Светлана КОВАЛЁВА	<i>Между бизнесом и властью</i>
9 Валерий ПРОТАСОВ	<i>«И нежный мирт, и тёмный кипарис»</i>
14 Владимир САМАРИН	<i>Влечение жаждущей души</i>
16 Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ	<i>Ноктюрн</i>
18 Геннадий МАЙОРОВ	<i>Блеск и нищета...</i>
22 Евгений КРАСНИКОВ	<i>Метель</i>
24 Анатолий ЛЕСНЫХ	<i>Лёжа на проволоке</i>
28 Николай ПЕРОВСКИЙ	<i>Бывает острое прозреньё</i>
30 Валерий АНИШКИН	<i>Родное гнездо</i>
33 Алексей КОНДРАТЕНКО	<i>Он миру рассказал о Пушкине</i>
38 Татьяна ГРИБАНОВА	<i>С неба глядят образа</i>
40 Михаил КОНЬШИН	<i>Джумбо</i>
42 Анастасия АГОШКОВА	<i>И будет лето...</i>
44 Людмила ИВАНОВА	<i>Дорогой Алексей Афанасьевич!</i>
46 Валерий ЕВТУШЕНКО	<i>Мамины глаза</i>
48 Великие имена	<i>М.Ю. Лермонтов и Н.В. Гоголь</i>
50 Николай КАЛИНИН	<i>Чудеса в конверте</i>
52 Геннадий ФРОЛОВ	<i>...и нет нам прощенья</i>
54 Юрий КАЗАКОВ	<i>«Вы ещё увидите небо в алмазах!»</i>
60 Владимир МАРАХИН	<i>Гордиться землёй, на которой живём</i>
61 Николай УШАКОВ	<i>О том, что бесценно</i>
62 Валентина НОВОШИНСКАЯ	<i>Сказки Бежина луга</i>
64 Екатерина ОРЛОВА	<i>В гости к Тютчеву</i>

ISBN 978-5-86843-075-6

Альманах «Тургеневский бережок» № 2-2019

Учредитель и издатель: РИФ «З-е ИЮЛЯ»
(г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

тел. 8-910-305-91-73

Главный редактор – Михаил КОНЬШИН

Идея – Геннадий МАЙОРОВ

Дизайн, вёрстка: GM

16+

Подписано в печать: 28.04.2019 г. Выход в свет: с 05.05.2019 г.

Тираж 500 экз. опт. на базе издательства

«З-е ИЮЛЯ» в ПК Медиа Группа «Дворянское гнездо»
(г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Цена свободная Распространяется в ЦФО

Рассылка: Администрация Президента РФ,

Совет Федерации ФС РФ, Госдума РФ,

Министерство культуры РФ,

Министерство образования РФ,

Администрации Белгородской, Брянской, Владимирской,

Воронежской, Ивановской, Калужской, Курской, Липецкой,

Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской,

Тульской, Ярославской областей

Александр Сергеевич ПУШКИН

6 июня 1799 – 10 февраля 1837

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолётное виденье,

Как гений чистой красоты.

В томленьех грусти безнадежной,

В тревогах шумной суеты,

Звучал мне долго голос нежный

И снились милые черты.

Шли годы.

Бурь порыв мятежный

Рассеял прежние мечты,

И я забыл твой голос нежный,

Твой небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья

Тянулись тихо дни мои

Без божества, без вдохновенья,

Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:

И вот опять явилась ты,

Как мимолётное виденье,

Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упоенье,

И для него воскресли вновь

И божество, и вдохновенье,

И жизнь, и слёзы, и любовь.

1825

Андрей Евгеньевич КЛЫЧКОВ
губернатор Орловской области

Дорогие друзья!

Искренне рад приветствовать читателей специального выпуска альманаха «Тургеневский бережок», посвящённого 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Орловщина – уникальный край с замечательными духовно-патристическими и литературно-художественными традициями, необыкновенно богатый талантами. Жители области по праву гордятся плеядой своих знаменитых земляков – великих русских писателей и поэтов, прославивших малую родину на весь мир.

В 2018 году орловцы с воодушевлением восприняли решение руководства страны, которым наш регион был определён всероссийским центром празднования 200-летия со дня рождения А.С. Тургенева, и сделали всё, чтобы достойно встретить выходящий для отечественной и мировой культуры юбилей.

С орловской землёй связаны страницы биографий многих наших величайших соотечественников, в том числе и Александра Сергеевича Пушкина. Достаточно вспомнить его визит в Орёл к легендарному генералу А.П. Ермолову.

А.С. Пушкин по праву считается основоположником современного русского литературного языка. Своим творческим талантом он смог раскрыть всю его красоту и богатство. В произведениях нашего национального гения удивительно гармонично переплетены высокий стиль, патетика и элементы фольклора, раскрывающие всю глубину народной культуры и души русского человека.

Именно благодаря А.С. Пушкину русский язык сегодня – главное национальное достояние, отражающее всю уникальность и самобытность России.

Великие мастера слова заветали нам богатейшее историко-культурное наследие. И наша задача – сохранить и передать потомкам этот бесценный дар.

Хочу выразить уверенность, что сотрудничество правительства Орловской области и Орловского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз российских писателей» будет активно развиваться, проявляясь в новых совместных проектах, направленных на сохранение литературного наследия нашего народа.

Уважаемые читатели!

Это наш второй выход на широкую аудиторию. Первая встреча альманаха «Тургеневский бережок» была посвящена 200-летию нашего замечательного земляка Ивана Сергеевича Тургенева.

В этом году мы отмечаем 220-летие гения русской поэзии Александра Сергеевича Пушкина. Но не забываем, что 2019 год стал юбилейным и для других выдающихся и талантливых литераторов.

Напомню, что 27 января исполнилось бы 140 лет со дня рождения писателя П.П. Бажова (1879–1950). 13 февраля – 250 лет писателю и драматургу И.А. Крылову (1769–1844). 6 марта – 400 лет французскому писателю Сирано де Бержераку (1619–1655) и 90 лет писателю Ф.А. Искандеру (1929–2016). 1 апреля – 210 лет со дня рождения Н.В. Гоголя (1809–1852). 22 апреля – 120 лет писателю В.В. Набокову (1899–1977). 23 апреля – 455 лет английскому поэту и драматургу У. Шекспиру (1564–1616). 1 мая – 95 лет писателю В.П. Астафьеву (1924–2001). 9 мая – 95 лет поэту и драматургу Б.Ш. Окуджаве (1924–1997). 10 мая – 95 лет поэтессе Ю.В. Друниной (1924–1991). 20 мая – 220 лет со дня рождения французского писателя О. де Бальзака (1799–1850). 21 мая – 95 лет писателю Б.Л. Васильеву (1924–2013). 22 мая – 160 лет английскому писателю А. Конан Дойлу (1859–1930). 23 июня – 130 лет русской поэтессе А.А. Ахматовой (1889–1966). 1 июля – 215 лет французской писательнице Ж. Санд (1804–1876). 7 июля – 135 лет немецкому писателю Л. Фейхтвангеру (1884–1958). 20 июля – 715 лет итальянскому поэту Ф. Петрарке (1304–1374). 21 июля – 115 лет американскому писателю Э. Хемингуэю (1899–1961). 25 июля – 90 лет писателю, актёру и режиссёру В.М. Шукшину (1929–1974). 27 июля – 235 лет писателю и поэту Д.В. Давыдову (1784–1839) и 195 лет Александру Дюма-сыну (1824–1895). 28 августа – 270 лет немецкому писателю И.В. Гёте (1749–1832) и 120 лет русскому писателю А. Платонову (1899–1951). 31 августа – 270 лет писателю А.Н. Радищеву (1749–1802). 15 сентября – 230 лет американскому писателю Дж. Ф. Куперу (1789–1851). 15 октября – 210 лет русскому поэту А.В. Кольцову (1809–1842) и 205 лет русскому поэту и драматургу М.Ю. Лермонтову (1814–1841). 22 октября – 135 лет поэту Н.А. Клюеву (1884–1937)...

И это далеко не окончательный список. Для молодых читателей – огромный простор для познаний и открытий удивительного мира литературы. Приятного чтения!

Геннадий МАЙОРОВ,
председатель ОРО
«Союз российских
писателей»

Дорогие друзья!

Общий язык позволяет нам, таким разным, быть ближе друг к другу. Как, дыша, мы не замечаем воздуха – ведь его запасы кажутся неисчислимыми, так и обыденность жизни притупляет восприятие языка как ценности. На самом же деле язык – одно из главных сокровищ, данных Богом каждому народу.

Страдно осознавать, что именно наши земляки, орловские писатели и поэты, внесли в дело сбережения родной речи весомый вклад. Своим стихотворением «Русский язык» Иван Сергеевич Тургенев воплотил истинное отношение всех патриотов и литературных деятелей к своему родному языку. Важно отметить и то, что на страницах своих романов и повестей русские литераторы стремились показать жизнь человека в свете христианского идеала, когда духовное содержание становится основой личности. Поэтому лучшие педагоги и дальновидные родители настаивали и будут настаивать на максимально полном сохранении в школьной программе «золотого запаса» отечественной классики. Именно изучение языка, искусства, истории, философии позволяет расширить границы мира личности, осознать себя частью общности своего народа, поставить важные мировоззренческие вопросы.

Хотелось бы отметить, что сегодня Русская Православная Церковь вносит особый вклад в дело сохранения русского языка и литературы. В марте 2016 года было учреждено Общество русской словесности, призванное объединить усилия государства, исследователей, преподавателей, деятелей культуры и любителей словесности.

По предложению Президента России В.В. Путина Председателем Общества был избран Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Наши священнослужители активно участвуют во многих просветительских проектах, направленных на популяризацию грамотности – таких, к примеру, как «Тотальный диктант».

Великие писатели, поэты и учёные, вошедшие в историю, помогали русскому языку развиваться по своему уникальному пути. Мы воздаём дань уважения М.В. Ломоносову, Н.М. Карамзину, А.С. Пушкину, В.А. Далю и многим другим; сегодня их дело продолжают авторы настоящего сборника.

Выражаю особую благодарность Орловскому региональному отделению общероссийской общественной организации «Союз российских писателей», подарившему всем нам возможность соприкоснуться на страницах этого издания с современными мастерами слова, а также их преемниками – юными авторами. Желаю всем обогатиться содержащимися на его страницах крупицами мудрости, воздавая хвалу Богу – Первоисточнику всякой существующей в мире красоты.

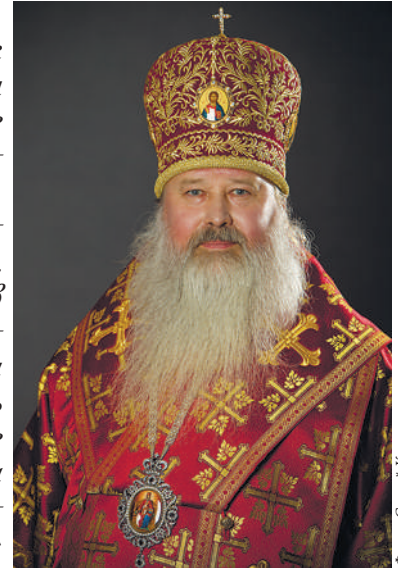

Фото - Сергей Красноухов

Высокопреосвященнейший
ТИХОН
митрополит Орловский
и Белгородский

Александр Сергеевич ПУШКИН

6 июня 1799 – 10 февраля 1837

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.
Ты небо недавно кругом облегла,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром,
И алчную землю поила дождём.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

ОТ ТУРГЕНЕВА К ПУШКИНУ

2019 год, так же, как и год предыдущий, будет насыщен на Орловщине множеством разнообразных событий в области культуры.

Рассказать о них мы попросили начальника областного управления культуры и архивного дела Наталью ГЕОРГИЕВУ.

– В самом деле, этот год и для учреждений культуры, и вообще для культурной среды всего региона можно назвать не менее знакомым, нежели прошлый. Кажется, совсем недавно мы праздновали 200-летний юбилей нашего великого земляка Ивана Сергеевича Тургенева, а впереди не менее славная дата, связанная с именем Александра Сергеевича Пушкина, которому 6 июня исполняется 220 лет. Конечно, в этой связи предстоит большая работа: уже подготовлена программа, посвящённая гению русской поэзии. Предусмотрены поэтические и литературные встречи, вечера, творческие конкурсы в школах, библиотеках, театрах и Домах культуры, флеш-мобы и прочтения произведений поэта, в том числе на открытых уличных площадках. Такая форма приобщения к литературе, творчеству, прежде всего молодёжи, была тепло принята жителями нашего города в дни тургеневского юбилея. И мы её продолжим.

– Наталья Петровна, надо полагать, юбилей Пушкина – всего лишь одна, хотя и важная составляющая работы управления культуры в этом году?

– Разумеется. Всего в нашей области на сегодняшний момент более 600 учреждений культуры. Даже любой отдалённый сельский клуб – это то место, которое мы

называем очагом культуры, той средой, куда человек приходит, чтобы посмотреть концерт, подготовленный к тому или иному событию силами своих самодеятельных коллективов, отдохнуть, получить положительные эмоции. В нашей области достаточное количество театров, студий, культурно-досуговых центров, школ, где работают многие сотни увлечённых талантливых людей, для кого дарить людям хорошее настроение – не просто работа, а призвание, если хотите, смысл жизни.

Назову в качестве примера областной Центр народного творчества, коллектив которого проводит огромную методическую и организационную работу со многими учреждениями культуры по всей области, инициирует проведение многочисленных фестивалей, конкурсов, выезжает в районы, в глубинку на просмотры, выявляя там лучшие коллективы и лучших участников творчества. Потом их привозят в Орёл для выступления на лучших театральных и досуговых площадках. Такие самобытные замечательные коллективы, которые пропагандируют истинные ценности, традиционную народную культуру, есть, например, в Болховском, Ливенском, Свердловском и многих других районах.

В течение года будут проходить и те мероприятия, которые уже стали традиционными и ко-

торые любят орловцы. В их числе «Троицкие хороводы», фестиваль «Хрустальный родник», литературный праздник на площадке Дворянского гнезда. При поддержке Министерства культуры и правительства региона пройдёт фестиваль под названием «Бархат кулис» самодеятельных любительских театров – они у нас в области тоже есть.

Как известно, Президент страны Владимир Путин 2019 год объявил Годом театра. В этом плане пройдёт немало мероприятий, скажем, несколько премьерных спектаклей в наших ведущих театрах, а также в театре кукол, который в конце марта отметил свой 75-й сезон. Кстати, в этом году также исполняется 70 лет с момента присвоения имени И.С. Тургенева нашему областному академическому театру. Министерство культуры поддержало нашу заявку на организацию фестиваля «Русская классика», который не проводился 10 лет. Театр получит грант на проведение фестиваля.

– С начала этого года в стране дан старт 12 национальным проектам, в их числе есть самостоятельный проект «Культура». Как в этом проекте участвует Орловская область?

– Проект, как известно, рассчитан на шесть лет, и он вбирает в себя много разных аспектов. В том числе, выделяются средства на ремонт и обновление материальной базы учреждений культуры. В этом году, к примеру, мы отремонтируем три Дома культуры: в Болховском, Кромском и Колпнянском районах. Поданы четыре заявки уже на следующий сезон, и до 2024 года такая работа будет вестись целенаправленно. Также в рамках национального проекта Орловский музыкальный колледж и 13 детских школ искусств в муниципальных районах, в том числе в городе Орле, получают денежные средства на приобретение музыкальных инстру-

ментов, оборудования, учебно-методической литературы. В цифрах всё это исчисляется миллионами рублей.

Кроме того, мы получаем федеральную поддержку на техническое оснащение детских театров. В этот перечень включены театр кукол и театр «Свободное пространство».

Замечу, что есть ещё, вне рамок национального проекта, комплексные субсидии, которые ежегодно выделяются на ремонт сельских Домов культуры, на выплату личных премий работникам культуры и премий лучшим учреждениям культуры. В области на протяжении нескольких лет реализуется проект «Местный дом культуры», проводимый при финансовой поддержке и под патронажем партии «Единая Россия».

– Не могу не задать традиционный для этого выпуска вопрос: что для вас имя и творчество Александра Пушкина?

– На эту тему можно говорить бесконечно. А если коротко – для меня это великолепное поэтическое наследие, это наша литература, которой мы не устаём гордиться, это, в конце концов, певучий русский язык, который оставил нам в наследство Александр Сергеевич.

Я росла в обычном селе, училась в обычной школе. И самой большой отдушиной, можно даже сказать, праздником были в годы моего детства книги. И среди них, особенно в младших классах, несомненно, любимыми были сказки Пушкина. Это настоящие шедевры, которые даже сквозь годы не могут не вызывать восторг. Помню, с каким упоением, до дрожи в руках листала я эти страницы пушкинских сказок. А теперь уже дети мои читают сказки о царе Салтане, о попе и работнике его Балде. И удивляются, и радуются тому, что прочитали, так же как это делала когда-то и я, их мама.

Михаил КОНЬШИН

Павел Александрович МЕРКУЛОВ,
директор Среднерусского института управления
(филиал РАНХиГС),
доктор исторических наук

Наш великий земляк Иван Сергеевич Тургенев, 200-летие которого мы отметили в прошлом году, очень точно заметил про Пушкина:

«Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признаётся даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого; он отозвался типическими образами, бессмертными звуками на все веяния русской жизни».

Александр Сергеевич Пушкин – наше национальное достояние. С рождения мы впитывали в себя его сказки, позднее – мелодичную поэзию, а в старших классах уже знакомились с его неповторимой прозой.

Пушкин всегда в нашем сердце. Он – как негаснущий ориентир не только в литературе, но и в жизни. Потому что русский язык во многом благодаря ему стал почитаем во всём мире.

Александр Сергеевич ПУШКИН

6 июня 1799 – 10 февраля 1837

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.
1829

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мёртвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нём? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...
1830

МЕЖДУ БИЗНЕСОМ И ВЛАСТЬЮ

Строит мосты взаимодействия Орловская торгово-промышленная палата

Светлана КОВАЛЁВА,
президент Орловской Торгово-промышленной палаты.
Трудовую деятельность начала в 1997 году.
С декабря 2016 года Президент Орловской ТПП,
Общественный представитель АСИ в Орловской области

Кооперация

– Главная задача Орловской ТПП заключается в развитии бизнеса её членов. На сегодняшний момент членами палаты являются 220 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей нашей области, в ближайшие месяцы это число возрастет до 230. Представлены все отрасли и категорий бизнеса: промышленность, торговля, сфера услуг, образование, медицина, большие и малые формы предприятий.

Мы поставили приоритетом развивать бизнес членов торгово-промышленной палаты посредством кооперативных связей. Такую работу начали ещё в прошлом году, на первом этапе – внутри региона. Сейчас создаём так называемую биржу контактов.

Закономерный вопрос: для чего это всё? Суть вопроса состоит в том, что зачастую мы не знаем, какие у нас в области работают предприятия, какую продукцию выпускают, какие оказывают услуги. Казалось бы, в наш-то информационный век?! Но это так.

Недавно ко мне приходили специалисты из некоей компании, которая ставит системы электронной очереди. Я удивилась, какой у них опыт и как он востребован... Только один пример: ребята смонтировали систему электронной очереди для правительства Санкт-Петербурга. Спрашиваю: а почему не в Орле? Оказывается, о них в нашем городе мало кто знает. А ведь такие системы необходимы повсюду: поликлиники, административные, коммунальные службы – словом, везде, где может быть очередь, и куда люди приходят на приём или за услугами. Получается, что мы приглашаем для выполнения каких-то работ компании или фирмы из других регионов, а наши, подобного профиля, наоборот, вынуждены искать заказы за пределами своей области.

Вот мы и поставили для себя задачу: с помощью биржи контактов наладить внутренние связи, знакомить наших производителей, предпринимателей друг с другом. Одним из элементов такой работы может служить формат «делового ужина», делового чаепития с ТПП, куда люди могут прийти и пообщаться в неформальной обстановке, рассказать о своей компании, своей продукции или услугах. Это может служить той самой связующей ниточкой, которая даст возможность расширить партнёрские связи, стать реальным звеном современных кооперационных цепочек. Опыт других регионов, я уже не говорю об опыте других стран, показывает, что всё это работает и даёт замечательные результаты.

Это один момент. Кроме того, совместно с областной администрацией организуем участие наших предпринимателей в престижных выставках в Москве, других регионах, бизнес-миссии за рубежом. Это очень важно для развития экспортных и межрегиональных связей. Сейчас на многие такие выставки, на участие в них. Нашим предпринимателям можно получить федеральную субсидию, которая проходит через Орловскую ТПП. То есть, по сути, принять участие в таком мероприятии по сути бесплатно. Могу сообщить, что мы практически обеспечили участие Орловской области, её коллективного стенда на международной выставке «ПродЭКСПО» в экс-

поцентре г. Москвы на Красной Пресне победой в проводившемся конкурсе.

Но есть и проблемы. Мешают, в первую очередь, остающийся высоким уровень недоверия в бизнес-среде, привычка немалого числа представителей делового сообщества оставаться, если хотите, в рамках привычного, вариться в собственном соку.

Аутсорсинг

Это направление кажется мне очень перспективным и нужным. В общих чертах схема выглядит так: есть предприятие, которому требуются те или иные услуги, и есть фирма, которая специализируется на оказании именно таких услуг. Обе стороны заключают с торгово-промышленной палатой соответствующий договор, мы оцениваем потребность одной стороны и уровень компетенции другой, выступая неким агрегатором взаимосвязи. На аутсорсинге можно получить целый спектр надёжной квалифицированной помощи: бухгалтерские, юридические, маркетинговые, логистические услуги, помощь в подборе кадров. В результате бизнес имеет большую экономию средств и времени, экономию по тем же налогам, численности штата и так далее.

Могу сказать с полной ответственностью: Орловская торгово-промышленная палата готова оказывать и уже оказывает весь перечисленный спектр услуг по самым высоким стандартам качества.

Проекты

Их на данный момент уже немало. Назову некоторые: участие в сопровождении федерального проекта в нашем регионе «Агро «За качество», который направлен на поддержку местных аграриев и переработчиков сельхозпродукции. Второй проект называется: «100 проектов», а проходит под патронажем президента РТПП. Из нашего региона в этот проект попали три предприятия, которым в течение года будем оказывать разнообразные меры поддержки.

Кроме того, участвуем в федеральном проекте по молодёжному предпринимательству, по развитию семейного предпринимательства, выполняем ряд больших задач, связанных с цифровой экономикой, совместно с уполномоченным по защите прав предпринимателей в Орловской области ведём проект «Деловое утро с ТПП» с участием руководителей области, представителей различных ведомств и служб.

От редакции: учитывая тематику альманаха, посвящённого 220-летию гения русской поэзии А.С. Пушкина, мы не могли не задать Светлане Александровне вопрос, связанный с именем поэта.

– Как и любой русский человек, очень люблю Александра Сергеевича. Мы все выросли на его замечательных сказках. Их сюжеты, необыкновенный язык, удивительные образы, сравнения не могут не вызывать восхищения, остаются с нами в любом возрасте.

Но для меня по мере моего взросления было очень интересно открыть Пушкина ещё и как прозаика. Его «Повести Белкина» – это ведь так здорово и современно, хотя с той поры прошло уже две сотни лет! Но это Пушкин, и этим всё сказано. Гений, он и есть гений.

Елена Ивановна НОВИКОВА,
президент компании «Услава»

www.uslada.org

Русский поэт-символист, переводчик и эссеист, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века Константин Бальмонт очень точно выразился:

«Пушкин был поистине солнцем русской поэзии, распространившим свои лучи на громадное расстояние и вызвавшим к жизни бесконечное количество больших и малых спутников. Он сосредоточил в себе свежесть молодой расы, наивную непосредственность и словоохотливость гениального здорового ребёнка, для которого всё ново, который на всё отзывается, в котором каждое соприкосновение с видимым миром будит целый строй мыслей, чувств и звуков».

Все мы воспитывались на замечательных пушкинских произведениях, и то, что Орловское региональное отделение Союза российских писателей проводит конкурс среди молодёжи с говорящим названием «Спасите пушкинский язык!», лишний раз свидетельствует о желании поднять на новый уровень планку отечественной культуры, которая, увы, в последнее время оставляет желать лучшего.

Надеюсь, что число любителей русской словесности будет расти с каждым годом, и юное поколение поймёт, как важно говорить и мыслить по-пушкински: красиво, понятно и одухотворённо.

Александр Сергеевич ПУШКИН

6 июня 1799 – 10 февраля 1837

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный, –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

Валерий ПРОТАСОВ

И «НЕЖНЫЙ МИРТ, И ТЁМНЫЙ КИПАРИС»

(в сокращении)

Погожим майским утром 1829 года на старом почтовом тракте, ведущем в губернский город, закружилась лёгкое облачко пыли. В неторопливо двигавшемся тёмном пятне постепенно проступали очертания пары лошадей, запряженных в довольно потрёпанную бричку с закрытым верхом, сидящего на козлах бородатого ямщика в высокой шляпе с пером. По всему видно, перекладные с ближайшей почтовой станции. Кони бежали не шибко, лёгкой трусцой, иногда и вовсе переходя на шаг. Возница изредка понукал их, причмокивая губами.

...Мысль о дальнем и долгом странствии к краю империи зародилась в душе давно. Он жил с этим тайным намерением не один год. Ждал, прислушивался: не пора ли? Задерживали надзор властей, журнальные дела, домашние заботы. Главной же причиной, по которой вояж откладывался, стали обстоятельства сватовства к юной красавице Наталье Николаевне Гончаровой. Он не был новичком в стране Эрота и Киприды. Его донжуанский список насчитывал более сотни имён. Он хорошо порезвился в рощах Вакха и Венеры. То, что он испытывал сейчас, было похоже и не похоже на всё прежнее. В этой новой влюблённости смешивались все известные ему оттенки, к которым добавлялось нечто новое, сулившее надежду на правильную семейную жизнь, на тихую гавань после всех сердечных скитаний. Временами он сомневался: не грех ли ему, обождённому огнём страстей, приближаться к этому юному, чистому созданию, но какой-то голос свыше говорил: "Остановись! Ничего другого не нужно и искать! Она молода, скромна, не испорчена ложью света, ты найдёшь в ней своей "Татьяны милый идеал", всё, что искал в других женщинах: и верную жену, и возлюбленную, и мать своих детей, и подругу на всех путях жизни твоей". Даже злые языки не могли бы утверждать, что он желает этого брака ради богатства. Большого приданого, он знал это, не будет. Ему придётся рассчитывать на себя самого. Это была любовь. Душа ангела смотрела на него невинно-прекрасными глазами его избранницы. Что в них было: обещание доселе неведомого безмятежного блаженства, девичье неведение, или то "вечно женственное", переходившее в равнодушие ко всему, кроме своего предназначения на земле? Он чувствовал, как душа его от одного созерцания её целомудренно-нежного лица, которое хотелось назвать ликом, очищается, делается лучше. Поистине, земные браки прежде венчания заключаются на небесах!

Небо благословило его выбор, но на земле возникли серьёзные препятствия. Самой невесте хоть и было лестно его ухаживание, но в сердце своём она пока не находила ответного чувства. В девичьих мечтах ей виделся стройный красавец-кавалергард. Колебались и её родители в ожидании лучшей партии. На предложение руки и сердца трижды следовал уклончивый ответ. Прямо ему не отказывали, быть может, щадя его самолюбие, следуя правилам хорошего тона, предписывающего избирать в подобных случаях расплывчатость выражений. Общее же мнение было таково: она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой непостоянный, такой безразличный.

"Полно, господа, – мысленно возражал он. – Поэту позволительно быть таким. Я не демон и не ангел. Мои недостатки – недостатки времени и общества, в котором я живу. В мои годы

люди, обыкновенно, женятся. Я поступаю как люди".

Получив в очередной раз ответ в этом роде, он в ту же ночь в каком-то приступе отчаяния бросился вон из Москвы. И швырнуло его почему-то к Калужской заставе, а оттуда – на старую дорогу, избитую копытами коней польских людишек, ведомых Гришкой Отрепьевым, полчищами Буонапарте, шайками каких-то таинственных разбойников-кудеев. Что так взманило его в этой глухой лесистой дикой стороне: смутная ли память о скитах Оптиной пустыни с её чудотворными старцами, след ли самозванца и Марины Мнишек, весенняя ли распутица?

Зима выдалась снежной, и реки в апреле разлились так, что затопили окрестные поля и дороги на много вёрст кругом. Не любил он эту пору ранней весны, ох, не любил! На земле грязь, в воздухе хмельная, будоражащая нервы свежесть, миазмы гнилой горячки, от которой недолго и занемочь, а то и вовсе отдать Богу душу, что едва не случилось с ним однажды. Слава Богу, болезненная пора весны прошла. Май развернулся роскошный, славный, радующий сердце и глаз цветами, зеленью деревьев и трав. Впереди много чудесных майских, июньских дней, когда солнце ласкает и греет, а не жжёт. Наступит и пройдёт жаркий июль, томительный август. Первые золотые листья лягут на землю опавшим ковром. Унылая пора дождей напоит сердце лёгкой печалью. За окном голо, сиром, а в доме светло и уютно. На сердце истома. Рука тянется к книге, перу, перо к бумаге: минута – и стихи свободно потекут. А там и первые морозы, царственной белизны снега, трепещущее в алмазном мареве солнце; пушистым искрящимся ковром стелется дорога под полёзьями саней.

Впрочем, до осени, тем более, до зимы далеко. Кто знает, что может случиться. Путь неблизкий, придётся ехать и днём, и ночью.

Отчего всё же выбрал калужскую дорогу? Разве она лучше серпуховской? Почти не сознавая того, он устремился на Калугу, томимый желанием проехать вблизи тех мест, где было имение Гончаровых "Полотняный завод". Там часто жила Наталья Николаевна. Воздух полей, зыбкие очертания усадьбы, видной с дороги, – всё было полно памятью о ней. Может быть, ещё не всё потеряно. Зачем судьба с таким упорством противится его счастью? Конечно, он уже немолод, некрасив, не имеет почти ничего, кроме таланта да гордости своей родословной. Но что такое талант для семейной жизни? И что значит в наши дни древность рода? Наворванное богатство откупщиков и выскочек, высокий чин, добытый правдами и неправдами, – вот путь в теперешнюю знать.

"Правнук арапа, купленного за бутылку рома", – шепчут за его спиной. Потомки царских денщиков, придворных интриганов, прыгнувшие в дворянство из холопов, мнящие себя аристократией. Что им до того, что этот "арап", не жалея жизни, сражался на суше и на море, добывая славу новому Отечеству!

Прочь от этих цепей, злых языков, низких душ! Скрыться, хотя бы на время, от "всевидающего ока", от приставленных агентов в мундирах и рясах. Туда, туда, в страну гор, где в людях ещё живёт благородство и можно встретить тех, в ком сохранился огонь дружества, воспоминания о днях, когда сердца

свободой горели, были живы для чести, для буйных пиров, для любви. Там край империи, граница. Хоть раз увидеть её, переступить, почувствовать, что власть севера где-нибудь кончается. Когда-то, в пору одесской ссылки, он хотел бежать морем за границу, сражаться, подобно Байрону, добровольцем в греческой армии за свободу славян и греков, может быть, погибнуть. Дважды подавал прошение с просьбой зачислить его в действующую армию, но оба раза получал отказ. Теперь, охлаждённый опытом, он смотрел на жизнь трезвее. Война уже не казалась ему романтическим приключением. Однако жажда подвига всё ещё жила в нём...

Хороши, волшебны короткие майские ночи! Но вот уже бледнеет небо. Предутренняя прохлада разливается в воздухе. Светлеет, розовеет восток. В разгоравшемся свете на самом краю окоёма рождается огненное светило. Вот зажглось его слепящее око. А вскоре и весь играющий пламенем шар всплыл над землёй, с каждой минутой поднимаясь всё выше.

Привстав, путешественник откидывает пружинистый верх и словно оказывается в океане вольного воздуха, напоённого росными запахами земли. Тянет лёгким, по-утреннему резким ветерком. Пёстрая сетка света и тени от редкой листвы придорожных раquit пробегает по крупам лошадей, по одежде и лицу седока. Обрамлённое тёмно-русскими бакенбардами, под надвинутой на лоб широкополой шляпой, в игре света и тени оно кажется то землисто-серым, то открывается глубинно-смуглой синевою. И из этой смуглости, преображая и освещая весь лик, с печальной задумчивостью смотрят светлые, как весеннее небо, глаза. Взгляд их обращён внутрь, но видит всё, что проплывает за окном: празднично убранные яркой первой зеленью луга, чернеющая вывороченная плугом пахота. По комьям её вперевалку, горделиво подняв головы с большущими клювами, расхаживают угольно-блестящие грачи, оглашая окрестности резким, хриплым граем. Яровые ещё не взошли, но оземь уже вмешала в сиротливую серость зяби нежно-лазурную поросль. Незачем бежать посреди этого детски-невинного покоя слома голову, греметь постромками, звякать железными частями, стучать колёсами. И лошади, понимая это, идут шагом. Приглушенное цоканье копыт, однообразное поскрипывание колёс не заглушают звуков просыпавшейся жизни. Где-то вдали гулко отсчитывает время кукушка, слышится тонкий переливчатый звон жаворонков, попискивают какие-то невидимые птицы.

В тени перелеска, близ тёмного, оставшегося от весеннего половодья озера, надрывно стонут пьяные от ночного радения лягушки. Вот пахнуло дымком, запахами жилья. На склоне лощины открылись побуревшие соломенные крыши, серые стены деревенских изб; низкий утробный рёв огласил воздух, резко выстрелил пастушечий кнут. И снова поля, перелески. Колёса то утопают в мягкой шелковистой пыли, то проваливаются в выбоины. Вдоль колеи зелёной лентой тянутся молоденькие листья подорожников.

Утренний туман понемногу рассеивается. Вдали на взгорьях проступают леса. Как прекрасен, загадочен мир! Манящие дымчатые дали словно прячут в просторах своих какую-то тайну, что-то древнее, былинное: историю ли о богатырях, защитниках Русской Земли, о спящей ли царевне... Вон там над зубчатыми верхушками елей в плывущих облаках вырастают очертания каких-то не то дворцов, не то замков; бородатый колдун несёт выхваченную прямо из-за свадебного княжеского стола девицу-красу...

Не этими ли дорогами ездили Илья Муромец, Соловей-разбойник, ратники князя Игоря?

Но полно ребячиться! Хороши просторы Отчизны! Да точно какое-то злое проклятье висит над ними. И год говорим, и другой, и третий, даже на бунт поднимались, а воз и ныне там. Ох, и долго в России лошадей запрягают. Зато ездят так, что колеса отскакивают. Тройка летит, чертя колёсами по земле замысловатые узоры. Ямщик, почуяв неладное, пытается осадить лоша-

дей. Да куда там! Закусив удила, роняя пену из оскаленных ртов, все в мыле, летят они, не чуя под собой земли, не признавая преград, пока утомлённые бегом, опрокинув повозку, остановятся. И долго ещё идёт жар от их разгорячённых тел, долго косят они налитым огнём глазом, ржут и фыркают, дрожат мелкой дрожью безумия. Чего они так испугались, отчего потеряли разум? Кто знает! Всё непредсказуемо в этой земле, всё внезапно.

Но кто же этот господин? Куда и по какой необходимости держит путь? В подорожной всё сказано, всё прописано. На каждой станции только и успевай ставить в книгу: "чиновник 10 класса по министерству внутренних дел Александр Пушкин", следует "в Тифлис по собственной надобности".

А какая такая надобность? Что на юге забыл? Ни имений, ни дел на Кавказе нет. Край немирный. Там теперь война с турками. Что его понесло в такую даль да ещё с немалой загогулиной в дороге? Не та ли болезнь, подобная русской хандре или английскому сплину, от которой излечивает только смена впечатлений?

"За вдохновением поехал, воспеть ратные подвиги соотечественников", – прошелестело в столицах. Искать вдохновения всегда казалось ему затеей смешной и жалкой. Вдохновения не сыщешь. Оно находит поэта само. Иногда его посещению предшествует такая тоска, какой не дай вам Бог изведать, господи. Когда находила на него "такая дрянь", как непочтительно называл он явление муз, целыми днями, как некогда Овидий, проводил он в постели с книгой или пером в руках, подобно сомнамбуле, уносясь воображением в неведомые миры.

Дорожная езда, впрочем, весьма способствует такому расположению души. Всё внешнее проплывает за окном как на волшебной ленте. Сознание дремлет, в забытие начинает струиться невидимая река; вдоль её берегов проступают неожиданные видения, из молчания рождаются звуки, из звуков – стройные ряды слов, заострённые рифмами, точно стрелы золотыми наконечниками. О чём они будут петь, неведомо и самому поэту? Воспевать же подвиги, служить какой-то цели – не его дело. Ни царю, ни народу он угождать не намерен. Вся цель поэзии — в ней самой: и упование, и горечь, и отрада. И вообще частная жизнь художника принадлежит ему одному. Едет – и баста! И незачем совать длинный приноживающийся нос в чужие дела.

Едет, того не зная, что вслед за ним, не успевая настигнуть, летят предписания начальникам губерний смотреть в оба, стараться узнать, куда и зачем, у царя не спросясь, летит опальный подданный. За его плечами ода "Вольность", "дело об афеизме", о несчастной "Гаврилади" – эротически-богохульной шутке молодости; две ссылки, одна на юг, другая в родовое поместье Михайловское Псковской губернии; сомнительные связи с бунтовщиками 14 декабря, да ещё это стихотворение об Андрее Шенье, страшное, кровавое, испугавшее и без того напуганные умы. И дерзкие, опрометчивые речи. Это уж потом, после холода северной ссылки, пришло понимание того, что первый признак умного человека знать, с кем говоришь.

Ему сказано сидеть на месте, на отлучки испрашивать разрешение, а он гуляет себе вольным молодцем, катит куда вздумается, к неизвестным пределам. Не останови вовремя, глядишь, и проскочит запретную полосу. Готовил же, как стало известно, побег из Михайловского за границу. Да кто прикажет сердцу поэта? Оно стихийно, как волна; свободно, как ветер, как дикий конь, не знающий узды. Плевать ему на ваши постромки. Языку можно поставить преграды, сердцу – нет.

Душно, господи, душно! После Михайловского сиденья, плодотворного, что и говорить, после золотой царской клетки на вольный воздух, в края иные, разогнать закисающую кровь.

В пути он вторые сутки. И, странное дело, чем дальше за спиной оставалась Москва, тем легче делалось на душе. Всё меньше было бегства, всё больше стремления к неизведанному. Что ж, он не любил город, в котором родился, древнюю столицу, при звуках имени которой по-особенному бьётся каждое рус-

ское сердце? О нет! Он чувствовал себя в Москве вполне дома, в родном воздухе. И разве мог забыть, как встретила Москва его возвращение из ссылки? Толпы народа ходили за ним на Новинских гуляниях. "Где он? Укажите, укажите нам его!" Это ли не слава, не любовь народная? Но и в ней была своя суета. И в московских гостиных, так же, как и в петербургских, царил скука, пустая болтовня, сплетня. То ли дело деревня! Свобода, покой, простор полей, где являлась ему муза. "Деревню простительно не любить институткам, едва выпорхнувшим из приюта, да молоденьким камер-юнкерам. Весь свет сошёлся для них на балах и приёмах. В Петербурге служат, в Москве женятся, и только в деревне живут полной жизнью", – подумал он, вспомнив счастливое лето 1825 года в Михайловском среди весёлой природы, улыбающихся лиц Тригорских соседок, внезапно снизошедшую благодать, "чудное мгновенье" пробудившейся от тяжёлого сна души. Снова оказаться там, да ещё бы с хозяйкой молодой, в любви и согласии – это ли не счастье! Впрочем, на свете счастья нет, но есть покой и воля. Однако для покоя, как видно, не наступило время. Волненья ещё колеблют струны души. Точно какой-то ветер гонит и гонит его по дорогам жизни. Сколько ещё гулять ему по свету? Не гонится ли он за призраками? В Москве несносно, в Петербурге слишком много казённости. Где же лучше? Где нас нет.

Впрочем, пока всё складывается хорошо. Лошади на первой же станции нашлись сразу. Некоторая запутанность маршрута даже придавала путешествию характер приключения. Ни чёрная кошка, ни заяц дорогу не перебегали, ни чёрный монах, ни баба с пустыми ведрами на глаза не попадалась. Дай-то Бог так и дальше! Под цокот копыт и стук колёс на пустынном шляхе, где лишь изредка пролетит лихая тройка или протащится запряженная цугом в десять лошадей помещичья карета с кибитками, гружёными поклажей, так сладко мечтать, грезя о будущем, повторяя картины прошлого.

Печальное волшебство заключено в иных воспоминаниях; в музыке слов плещется целый океан невысказанных чувств. За ними, может быть, вся тайна "Онегина", начатого как беседа с друзьями в духе непринуждённой болтовни, без всякого плана, по неясной причине, как-то тихим вечером в Феодосии десять лет назад. Сколько воды утекло с тех пор! Нет тех, для кого писалось "собрание пёстрых глав", – и сам роман сошёл на нет, иссяк, как иссякает беседа между уснувшими друзьями. Не для кого стало писать, не с кем спорить; осталось только прятать в намёках, в знаках шифра рассеянные тут и там беглые замечания, полные глубокого смысла, понятные только посвящённым. Друзей немного, и всё меньше, зато завистников и маленьких злодеев не счесть. В их лстивых речах плещется яд ненависти. Ушатами льётся грязь. Одни злы, другие и злы, и порочны...

– А что, любезный, далеко ли до губернского города? – спросил он возницу, прерывая свои размышления.

– Недалече. Вёрст с десять будет, – сиплым от утренней свежести голосом отвечал тот.

– Так, погоняй! Получишь на водку.

– Премного благодарны, ваше благородие! Ню! Пошли, родимые!

Ямщик встряхивает вожжами, грозит кнутовищем полудремлющим на ходу лошадям. Ухмыляется в бороду. Проезжий господин нравится ему. Прост, за словом в карман не лезет, ино и крепкой бранью обложит. Потом сам же прощенья просит, чаркой потчует. Горяч, да отходчив. Песен, говорит, давай! Чудён, право!

Дорога, взобравшись на гору, ползёт по крутому берегу над тихой неширокой рекой, ещё мутной от весеннего сора. Вот завиднелись городские окраины: полосатый шлагбаум, будка караульщика, приземистые домики за дощатыми заборами, кое-где следы пепла от старых пожаров. Глухи, пустынные улицы в такой ранний час. Воздух свеж, благоухает запахами зацветающих садов, свежей листвой берёз и лип. Солнце разгорается.

Нестерпимо яркое для глаз блеск воды. После беспокойной ночи так сладки объятья сна...

Он и забылся на четверть часа, а окончательно проснулся от толчка остановившейся коляски. "Тпру! – услышал он голос возницы. Перед путешественником были строения почтового двора. Густой крепкий запах лошадиного пота и навоза стоял в воздухе. Слышались голоса перекликавшихся ямщиков, к которым тотчас же присоединился и простуженный бас только что прибывшего их товарища. Он уже слез с облучка и примеривался закинуть вожжи на стойку, чтобы привязать лошадей.

– Барин, а барин, приехали! – проговорил он, видимо, радуясь концу пути и предвкушая трактирное чаепитие с чарочкой и закуской.

Город, в который въехала коляска, лежал в стороне от дороги, по которой надобно было следовать. Но здесь жил знаменитый генерал Ермолов, герой войны с Наполеоном, сражавшийся при Кульме и Бородине, гроза Кавказа, несбывшийся диктатор, которым представляли его заговорщики 1825 года, живая легенда. И, повинаясь никогда не оставлявшему его чувству стремиться навстречу всему замечательному, путешественник сделал двести вёрст крюку, чтобы увидеть великого человека.

Алексей Петрович Ермолов, известный своим твёрдым и суровым характером, был отставной генерал, до 1826 года командовавший русским военным корпусом на Кавказе. Менее через год после событий на Сенатской площади в разгар следствия и разбирательств, наведших страх на многих подданных нового царя, он был смещён со своего поста. Оставленный в сильном подозрении в связях с заговорщиками поселился в Орле, где жил его престарелый отец. Вблизи от города находилась небольшая усадьба Ермоловых.

Тот же ямщик, слегка поторговавшись, сетуя на усталость лошадей, отвёз его к жилищу генерала.

Дом Ермолова, двухэтажный, кирпичный, выкрашенный в желтоватую краску, с невысоким крыльцом в виде крохотного портика стоял на крутом берегу над речкой. Видно было по свежести всего его облика, что выстроен он совсем недавно. Забор тянулся по обеим сторонам. В занимавшемся розоватом яблоневом дыму кипел за ним сад, наполняя воздух сладостно-нежной кислинкой.

Приезжий поднялся на крыльцо, постучал. В доме произошло движение. В дверях показался человек в полинялом солдатском мундире.

– Можно ли видеть генерала Ермолова? – осведомился приезжий.

– Никак нет! – развёл тот руками. – С четверть часа, как отправились к отцу. Да вы не извольте беспокоиться, скоро будут.

– Алексей Петрович, кроме как у отца да в церкви, нигде не бывает. Пройдётся по улице – и домой. Кому до него нужна, приходи, препятствий никаких. Одних только городских чиновников не принимает, – желая показать свою осведомлённость в городских делах или просто по добродушной услужливости, поведал ямщик.

– Постой здесь, братец! – седок дотронулся до плеча ямщика набалдашником тяжёлой трости, с которой никогда не расставался. Её вес тяжелил руку, приученную к стрельбе. Он упражнялся в этой забаве при всяком удобном случае, чтобы быть готовым к дуэли, могущей случиться внезапно, почти на ровном месте из-за кособокого взгляда первого встречного дворянина.

Размяная затёкшие ноги, путешественник прошёлся вдоль дома. Краем глаза заметил мелькнувшие в окнах простоволосые женские головы. Об обыкновении генерала, привыкшего ещё с кавказских времён держать возле себя нескольких невенчанных жён, Пушкин слышал ещё в Москве, но обсуждать, тем более осуждать такого рода чужие привычки не имел обычая. Сплетни такого рода – удел лакейских.

...Генерал подходил к дому ровно в восемь. Время его утреннего моциона закончилось.

Незнакомый визитёр, приподняв шляпу, представился.

Тень удивления изобразилась на сумрачном лице Ермолова. Мыслями своими в этот час он был далеко от окружающего. Сегодняшняя церковная служба настроила его на особенный лад. Возвращаясь домой, он думал о непрочности всего земного, людской неблагодарности, тщете надежд и особенно об обманчивости славы. Перемену в судьбе переносил он с трудом. Как всякий человек, привыкший к деятельной жизни, тяготился праздностью. Отставка, хотя и с полным пенсионом и при ордене, казалась ему унижительной, да и была таковой. Ещё полный сил, готовый к службе со всеми её приятными и неприятными сторонами, он оказался отодвинутым в сторону людьми, не скрывавшими своей нелюбви к нему. Неудачное начало персидской кампании ускорило его падение. Между тем, у него были грандиозные, далеко идущие планы. Кавказ занимал в них промежуточное место. У ворот Азии шла большая игра между Россией и Англией. За горами Кавказа, Турции, Персии и Афганистана лежали долины Индии. Важны были не только военные успехи, но и знание противника, и умение смотреть вперёд. Между тем, нынешний командующий русской армией на Кавказе граф Паскевич, по мнению Ермолова, не обладал в достаточной степени ни тем, ни другим, ни третьим. Обо всём этом и думал он, предвидя скучный и однообразный день. И никак не ожидал подобной встречи. Вот уж точно, чего не чаешь, то и случается.

– Искренне рад знакомству! – приветствовал гостя генерал. – Благодарю, что нашли время посетить меня.

Глубоко сидящие серые глаза между тем быстро окинули всю фигуру приезжего с ног до головы, особенно задержавшись на его лице.

– Мог ли я поступить иначе? Ехать мимо и не увидеть Ермолова! Никогда бы себе этого не простил, – отвечал гость.

Звук его голоса, звонкий и приятный, понравился генералу. Он улыбнулся. Улыбка так не шла к застывшему выражению его лица, что казалась неестественной. Губы раздвигались, в то время как в глазах не было и намёка на весёлость. Но вот лицо его приняло обычное сурово-задумчивое выражение, обрело цельность и стало похоже на известный портрет Дау в галерее 1812 года.

Рад видеть у себя нашего знаменитого поэта, честь и славу России!

Солнечный луч улыбки мгновенно озарил доселе как будто заспанное лицо приезжего.

– Благодарю! Позвольте и мне выразить вам, уважаемый Алексей Петрович, чувство неподдельного восхищения, которое испытывает каждый русский при звуках вашего имени.

– Прошу в дом!

Движением руки хозяин пригласил гостя войти. Они ступили на крыльцо, прошли через темноватую гостиную и оказались в залитом утренним солнцем кабинете. Стены, увешанные шашками и кинжалами великолепной работы, с арабской вязью на рукоятках и ножнах, казалось, дышали вихрями грозных битв. Здесь же, видимо, помещалась и библиотека. Шкафы красного дерева были уставлены фолиантами в золочёных переплётах. Целые полки занимали русские и иностранные журналы в простых обложках. Это странное сочетание муз и клинков взволновало воображение поэта.

В проходе, ведущем в дальние комнаты, мелькнула женщина в русском платье.

– Не угодно ли закусить? – спросил генерал.

Он кликнул слугу. Это был тот самый старый солдат, встретивший гостя на крыльце. Служивший денщиком при генерале ещё с кавказских времен, он не оставил своего командира и теперь. Мундир как будто не слезал с его плеч.

Был подан лёгкий завтрак. Вслед за тем слуга внёс задыхающийся от обилия кипящей влаги самовар, на боках которого сверкали клейма медалей. Дышащий ароматами томно вспо-

тевший фарфоровый чайник, расписанный цветами, сидел на самом верху самовара, точно раджа в цветном халате на спине слона в сказках "Тысячи и одной ночи". Терпкий, манящий аромат разлился в воздухе. Поднимавшийся над чашками пар казался живым. В мареве его текущих, прихотливо меняющихся очертаний плыло что-то похожее на плантации с фигурками смуглых наёмниц в белых, голубых и розовых сари; видения плантаций сливались с ярко зелёными цветами на чашках и блюдах. Серебряная сахарница с неровными льдисто-белыми кусочками напоминала о прохладе горных вершин.

Вооружившись серебряными щипчиками, гость протянул руку к сахарнице. Ермолов не мог не заметить длинные ногти на маленькой крепкой руке. Символический смысл этого знака он хорошо понимал.

Хозяин поднёс чашку к губам. Гость последовал его примеру. При первых же глотках тёплая весёлая волна ласково согрела сердце, поднялась к голове. Мягкость, доброжелательная теплота проступили в выражении смуглого, оттенённого не то думой, не то заботой лица. Никто не мог бы назвать его красивым. В нём не было ни тонкости, ни правильности черт, заметно выдавались по-африкански толстые губы, но ясный глубокий взгляд внимательных синих глаз, принимавших то печально-мечтательное, то твёрдое выражение, большой выпуклый лоб говорили об одухотворённости высших способностей. Да, скульптурной античной отчётливости, соразмерной строгости в этих чертах не было, зато была жизнь во всей её бесконечной изменчивости.

Разговор сделался живее. Не скучно ли живётся в глуши человеку, привыкшему к движению, поинтересовался гость.

– Признаться сказать, да, – отвечал генерал. – Уж больно тут тихо. За два года Денис Давыдов да вы – единственные гости из столиц. В сущности, и живу здесь ради старика отца. С местной знатью не сошёлся. До балов и собраний не охотник. Разве что книги! С большим удовольствием читаю журналы с вашими сочинениями.

– Одобрение людей, подобных вам, способно вознаградить за равнодушие и недоброжелательство других, – с живостью откликнулся гость.

– Не смею принимать сей комплимент всерьёз, – сказал Ермолов. – Да, читать люблю. Бывало, и в походах с хорошей книгой не расставался...

Потеплевшим взглядом он окинул полки книжных шкафов.

– Переплётным делом от скуки занялся... Книги, как дети, нуждаются в уходе. Не терплю растрёпанных переплётов, измаранных страниц. У меня, изволите ли видеть, все журналы за год под одной обложкой обретаются.

Протянув руку к лежавшей подле трубке, предусмотрительно набитой табаком, раскурил её и продолжал:

– Выписываю газеты. Слежу за кавказскими событиями... Везёт графу Эриванскому. Стены крепостей падают перед ним, как перед Иисусом Навином от одного звука труб. Между тем, попадись Паскевичу не то чтобы умный, а просто упрямый паша, не видать бы графу побед. Я называю его не граф Эриванский, а граф Ерихонский.

Глаза его из-под густых бровей сверкнули, но тут же снова приобрели выражение спокойной и уверенной силы. Он вообще производил впечатление человека, внутри которого всплывает сдерживаемая вулканическая сила, способная в любую минуту вырваться наружу. Однако воинское самообладание сдерживало и охлаждало её огненный жар. Она уходила вниз и только тяжко вздыхала, словно ей виделись какие-то древние доисторические сны.

– Небезызвестный вам Толстой-Американец всюду расхваливает Паскевича, говоря, что умному человеку достаточно было действовать похуже в Персидскую компанию, чтобы отличиться от него, – с обычной светской непринуждённостью пересказал гость известный в петербургских и московских го-

стиных bonmot. (*bonmot* (бонмо), фр. – остроумное слово, высказывание.)

– Остроумное сравнение, – улыбнувшись, отвечал Ермолов.
– Однако похвалы явно преувеличены.

Улыбка сошла с его лица. Он нахмурился. По-видимому, имя как одного, так и другого, было ему неприятно. С Толстым-Американцем он не желал иметь ничего общего. Тот принадлежал к числу людей, не жаловавших Ермолова и, наоборот, всячески превозносивших Паскевича. Графа же Эриванского отставной генерал считал баловнем судьбы, незаконно занявшим место на вершине воинского Олимпа. Упоминание о Персидской кампании также не доставило ему удовольствия.

– Да... Многих потерь можно было избежать... сберечь людей и издержки... – неторопливо продолжал он. – Паскевич воображает себя великим полководцем, на самом же деле он больше царедворец, чем воин...

Он замолчал и не то задремал, не то задумался. Мысли его ушли куда-то в сторону. "Господи, господа, – может быть, думал он, вспоминая утреннюю церковную службу, – так ли мы живём, как должно? Ох, грехи, грехи наши тяжкие..."

Он покосился в сторону приоткрытой двери. На миг лицо его сделалось домашним, но в следующую секунду снова приобрело сурово-замкнутое выражение.

– Ну, да что! – через минуту вновь заговорил он. – Радуюсь всякому успеху русского оружия. Желая только одного: единства русских в помыслах и в действиях. Потрясения, братоубийства, гражданские смуты не идут на пользу Отечеству. Не говорит ли об этом вся наша история?

– Как нельзя более убедительно говорит, – согласился собеседник. – Как и о причинах, приводящих к смутам.

На несколько мгновений он задумался, словно собираясь с мыслями. Потом, внезапно оживился:

– Я далеко не в восторге от того, что вижу вокруг, – быстро заговорил он. – Многие ещё предстоит сделать. Главное, не потерять свою дорогу. Не дай Бог никакому человеку, никакому народу сойти с пути, ему предназначенного. Нет хуже и позорнее участи, чем потерять свое лицо, свой характер!

– Совершенно с вами согласен, – одобрительно заметил генерал. – Однако историю свою мы знаем плохо. Иностранцы изображают нам наше прошлое преимущественно в тёмных тонах, не понимая его. Свидетельства наших древних писателей часто тёмны. Для меня открытием были записки князя Курбского. В них много горькой правды. Но ведь было же и что-то светлое в нашем прошлом, не могло не быть. И я не очень доволен "Историей..." Карамзина за то, что в ней не изображён переход русского народа от ничтожества к славе и могуществу.

– Извинением сему может служить смерть автора, едва перешедшего к освещению царствования Алексея Михайловича. Думаю, его перо нашло бы яркие краски и для изображения славы отечества, – отвечал Пушкин. – И всё же труд сей – один из немногих в нашей словесности, коим мы можем гордиться. Во всём остальном наша литература так молода, что пока ещё может представить только два-три имени, в их числе – Грибоедова.

– Я... не большой ценитель стихов... – с задумчивостью произнёс генерал, – но о прозе скажу, что она даёт немало пищи для ума. Более всего привлекают меня исторические сочинения... Вот богатая почва для отечественных вальтер скоттов... О русской смуте и русской славе надо писать в назидание потомкам, дабы первое не повторилось, второе же вдохновляло. Что касается Грибоедова, то это... умнейший человек. Его "Горе от ума" сатира злая и верная, но читается тяжело. От чтения таких стихов скулы болят.

Резкая прямота последнего суждения вновь некстати напомнила гостю Толстого-Американца. И тот так же резко отзывался о комедии Грибоедова. Правда, у него на то была веская личная причина. В комедии находились стихи, метившие в него:

Ночной разбойник, дуэлист,

В Камчатку сослан был, вернулся алеутом

И крепко на руку нечист.

На списке "Горе от ума", сделанном для графа по его желанию, он поправил автора: "Сослан никогда не был, а просто чёрт носил". Строчку же "крепко на руку нечист" переписал: "в картишки на руку нечист", дабы не подумали, что ворует табакерки со стола.

Грибоедов был фигурой загадочной и странной. С людьми сходилась трудно и как будто не обнаруживал желания к сближению. Он был точно отделён от окружающих прозрачной ледяной стеной. Мнение поверхностно знавших его людей сводилось к следующему: не в меру горд, совершенно неуправляем, с некоторым перевесом холодно мыслительного начала над чувствами. Но какой блестящий ум! Немногие догадывались о сокровищах его сердца. Насчёт чувств молва могла заблуждаться. Ум на виду. Чувства же часто скрыты. Его едкая комедия вызвала в обществе разные толки, от самых восторженных до неприязненных. Отдавая должное достоинствам, Пушкин находил в ней существенные недостатки. Но это недостатки гения. В спор же вступать не стал. Однако не мог не сказать несколько сочувственных слов о трагически погибшем поэте, растерзанном тегеранской чернью.

– Я знал Грибоедова с 1817 года. Это был человек с сильными страстями. Дарования его долго оставались в тени. Его желчь во многом объясняется этим. Острые и блестящие умы, опережающие своё время, вызывают в современниках или восхищение или озлобление. Человек этот унес с собой много тайн. Жаль, что он не оставил своих записок. Замечательные люди исчезают у нас, не оставив следа. Тайны же порождают легенды и кривотолки.

– Вполне согласен с вами, – отозвался Ермолов. – Этого человека могло бы ждать великое будущее. Но он был неугоден при дворе. Его послали на верную смерть.

Разговор прервался. Несколько мгновений длилось молчание. Каждый думал о своём. Ермолов вспомнил, как в 1825 году предупредил находившегося в Тифлисе Грибоедова о начавшихся обысках и тот успел сжечь опасные бумаги. Не случись этого, звенеть бы ему кандалами в Сибири. Вскоре после этого оставленный в сильном подозрении он отбыл в Петербург, где пробыл в тюрьме под следствием четыре месяца. Больше они не встречались.

Пушкину же хотелось знать, не намерен ли "почтеннейший Алексей Петрович приступить к составлению записок о войне 1812 года"?

– Признаться сказать, подумывал, – проговорил генерал, – да вот беда, писать не обвык... да и к славе равнодушен.

Он поколотил погасшей трубкой о край пепельницы, выбивая остатки табака. Движения его были плавны, речь нетороплива. Полной противоположностью был его визави. Живость природы так и сказывалась во всех его движениях, в быстрой смене выражений лица и глаз. Все его чувства так и выплёскивались наружу. Вот и теперь при звуках последних слов он весь подался вперёд, словно желая коснуться рукой плеча генерала.

– Ваша слава принадлежит России и вы не вправе её утаивать, – нотки нетерпения слышались в его голосе. – Прошу вас удостоить меня чести быть вашим издателем. А если равнодушие к славе станет причиной вашего нежелания писать, то прошу позволить мне быть вашим историком.

– Весьма признателен! – поблагодарил генерал.

Часы в гостиной пробили десять. Гость поднялся.

– Позвольте откланяться, – сказал он. – Благодарю за радушный приём.

– Был рад повидаться, – отвечал хозяин.

Он вышел на крыльцо проводить отъезжающего. Постоял, слушая удалявшийся цокот копыт, звук колокольчика. Потом вздохнул и, глядя перед собой, о чём-то думая, медленно поднялся по ступенькам и вошёл в дом.

ВЛЕЧЕНИЕ ЖАЖДУЩЕЙ ДУШИ...

Владимир САМАРИН

Пушкинское поэтическое завещание Ирина Андреевна читала, небрежно попирая локтями «канцелярию» на своём директорском столе. Символичность этой непреднамеренной позы я расшифровал потом, возвращаясь из-под гостеприимных сводов Центральной городской библиотеки имени А.С. Пушкина: дух здесь царствует над вечным и преходящим, возвышенное – над окружающим бытием. Словно не за книгой сюда приходят, а подышать, напиться эфиром литературного высокогорья, отряхнуть от ног прах повседневности.

Завсегдатаи «Пушкинки» как бы имеют печать на лице своём, подобно светлости взоров предстоящих во храме. Не потому ли и сама их судьба связана с судьбой библиотеки куда теснее, чем это можно представить.

Читатели, они же и строители этого храма. Картины на пушкинские темы – из их тёплых рук, редкие книги, праотческие образцы мебели – тоже дарения. А чего стоят уроки прекрасного в литературной гостинице?

Говорят, что старшеклассники предпочитают уроки литературы именно в этих стенах. И уж, конечно, каждый из них посвящён в легенды библиотеки. Их немало, все – драматические и трогательные. Но незримый участник всегда – Пушкин. Одну из историй Ирина Андреевна Кузина в красках и лицах поведала и мне. О том, как появился в библиотеке бронзовый бюст Пушкина работы скульптора И.П. Витали.

Тридцать лет назад в запасниках фондов музея И.С. Тургенева Ирина Андреевна в буквальном смысле откопала завёрнутый в мешковину тяжеленный предмет. Это был поясной скульптурный портрет, в котором с трудом угадывались знакомые черты Пушкина. Неведомо почему лик поэта был покрыт несколькими слоями краски вперемешку с пылью. Сведущие люди сказали – бюст восстановлению не подлежит. Однако и в таком виде его ещё надо было заполучить библиотеке, обойти целую кучу чиновничьих преград и сугубых формальностей.

Над обезображенным бюстом колдовала целая добровольная бригада – Владимир Можин, Геннадий Рызанов, Анатолий Шмидт. По грамму, тончайшими инструментами счищали напластования. Потом столь же осторожно «обмывали» металл специально подготовленным химраствором. И снова по каждой завитушечке пушкинских волос проходились пальцы мастеров. И однажды бронзовый Пушкин засиял, и, как показалось, улыбнулся. Не помешала даже античная строгость стиля Витали. И занял своё место в литературной гостинице, как когда-то предрекал:

*...Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И долго слушая, скажите: это он:
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упысь... и, может быть, утешен буду я...*

В библиотеке, что в Гостиных рядах Орла, дух поэта уж точно получил не только утешение. Страницы его книг (академических изданий и скромных сборников) почти непрерывно – в соприкосновении с живым теплом потомков. Почти в каждом библиотечном формуляре его имя вписано не однажды. К нему возвращаются через годы, возмужав или одряхлев. Но всегда с предчувствием и ожиданием чуда. Во всяком случае так говорят об этих разлуках и встречах читатели «Пушкинки». Даже те, кто не знает всех легенд библиотеки, а только побывал в ней несколько вечеров.

Когда и где для нас начинался Пушкин? Мы, взрослые, пожалуй, забыли. Школьное, «программное», давно смешалось с прочитанным «для души». Обязательный классик Пушкин стал близким, сокровенным. И для каждого – особым. Но что-то осталось из той, детской, дали. Имя, например, легко, как облачко, летающее с туб: «Пу-уш-кин!» Всплывает это ощущение – и страстно хочется вернуться к первым открытиям его поэзии, к волшебным звукам, вызывавшим счастливое головокружение...

Я шёл к этому давнему, скрытому чередой многих лет Пушкину по скользким зимним орловским улицам. Где-то в подсознании тревожно всплывала мысль: а вдруг встреча не получится. «Новые песни придумала жизнь», да и само наше житие к лирике не располагает. Но вот и нужный дом. Лестница на второй этаж. Голоса, шум возни. Дети рыночной экономики смотрят на меня, как на учёного медведя. Мужчина в детском саду – экзотический гость: здесь Дедом Морозом всегда обряжают няню либо воспитательницу.

Воспользовавшись этой привилегией внимания, я сразу попросил у всей честной компании: «Расскажите мне о Пушкине...»

- Они защебетали, загалдели несогласным хором:
- Пушкин писал стихи...
- А мне бабушка читала про царя Салтана...
- Пушкин был чёрный и добрый...

Стихами они просто покорили. Многие читали наизусть не только хрестоматийную «Зимнюю дорогу» и пейзажные отрывки из неизвестного им пока «Евгения Онегина». Вытянув руки по швам, каким-то отрешён-

ным голосом шестилетний Денис начал декламировать «Птичку»:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны...*

А вслед ему хрипловатым детским баском уже вторил маленький философ Никита:

Прощай, свободная стихия...

Как они выбирали эти пушкинские перлы, нам не дано узнать. Но почему-то именно мотивы свободы, вольности и тоски по родине запали в детскую память. И, наверное, ассоциировались с заброшенным судьбой на безлюдный остров-Буян поэтом и с одиноким дубом на просторе.

В другой детсадовской группе ребята удивили меня приговором: «Как Пушкин – больше никто писать не умеет», а сказки его «лучше всяких мультиков». Маленький Костя был раздосадован тем, что «мама ремонт устроила и книги Пушкина не знаешь, где искать». Он легко пересказывал все пушкинские волшебные сюжеты и даже суть и мораль «Песни о вещем Олеге»: «Так на лбу у него было написано». Увидев в моих руках «толстый» том Пушкина, мальчик буквально затрепетал: «Приходите ещё, почитайте...»

Оказалось, что Пушкина ребятам читают бабушки или мамы – мужчины, увы, не снисходят до поэзии. Отсюда Пушкин в представлении детей добрый, ласковый, но слабый. «Женские черты» детсадовские девчонки подметили даже в портрете Александра Сергеевича: «Надо же – у него маникюр на ногтях!» Беда вот только – пушкинские книги есть не в каждом доме. Несколько малышек встретились с великим поэтом только благодаря детскому саду. Для таких ребят Пушкин – некий гость из постороннего мира. И воспитателям приходится прикладывать определённые усилия, чтобы для всех мальчишек и девчонок он стал домашним, своим.

Где читают сказки? У изголовья постели. Под мягким светом лампы с абажуром. А раньше, в пушкинские времена?

В детском саду с весёлым названием «Веснушки» всем показывают уголок русской избы с тёплой лежанкой и ткацким станом, с «самобраной» вышитой скатертью, с деревянными ложками-поварёшками на гостеприимном столе. Присаживайтесь, сейчас засветится огонь в печи, и потечёт тихим ручьём сказка. Возможно, самая любимая, пушкинская...

Как много потеряла Россия, водружая Пушкина (не его поэзию!) на недостижимо высокий пьедестал. Недостижимость эта все больше и больше переходила в отчуждение, в идолопоклонство, а живой, полный искромётной энергии творчества поэт отвердевал, иссушался в сшитых для него официозной критикой одеждах.

Слава Богу, в 30-х раздался из чужбины голос Марины Цветаевой. «Мой Пушкин!» – заявила она в проникновенном очерке-эссе, и её подспудное отношение к гениальному поэту получило право на существование.

Цветаевские работы о Пушкине, увы, не заняли подбавляющего им места в школьной программе, рядом с

Белинским и Гоголем. Пушкин по-прежнему смотрится из дали двух веков явлением, а не человеком. Но вот что любопытно: именно в начале пути, в школе, он приходит к каждому из нас своей походкой, со своим голосом, с особыми прелестями музыки. Приходит сообразно стоящему на дворе времени – то робко, то стремительно.

«Повзрослев, я столкнулась с реальной жизнью, была потрясена равнодушием, лицемерием и несправедливостью. Но Пушкин помог мне не ожесточиться...» Это слова из конкурсного сочинения семиклассницы Юлии Лизуновой. Её «взросление» к четырнадцати годам, возможно, и покажется кому-то преувеличением, однако наше время и Пушкин в нём удивительно точно определены.

Отдохновение, своего рода прибежище у Пушкина, но уже по иному поводу находит и школьница Лилия Егорова: «Бывают моменты, когда я устаю от каждодневной суеты, от нынешних разговоров, засоренных чуждыми и грубыми словами. В такие минуты я открываю сборник произведений Пушкина и наслаждаюсь живым и прекрасным пушкинским словом».

У жюри конкурса сочинений о Пушкине вполне могли возникнуть вопросы по авторству «влияний Пушкина» на семиклассниц: не водили ли юной рукой родители или того паче – нет ли здесь заимствований из книг пушкиноведов. Но все эти подозрения рассеиваются той первозданной откровенностью, которая характерна только для детей: «...Когда в мою жизнь вольно или невольно стали вторгаться светлые чувства любви, я поняла, что так проникновенно, страстно писать о сокровеннейшем мог только человек, прочувствовавший любовь в себе...» Наряду с этим Кристина Гросман наравне со взрослыми исследователями вступает за живого Пушкина: «С удивлением я прочитала в одной из книг, что директор лицея отзывался о Пушкине, как о человеке, «осквернённом всеми эротическими произведениями французской литературы». Да, у Пушкина немало стихов, которые можно назвать эротическими, но гению порою позволено больше, чем другим...»

Тема нежных чувств, пробуждаемых лирикой Пушкина, в школьных сочинениях звучит как постоянный рефрен не в последнюю очередь и потому, что именно юным девам адресовал чаще всего свою музу поэт. Нынешние Юлии и Кристины испытывают те же чудные мгновенья, что приходили вместе со стихами в альбомы пушкинских Лаис, Нимфодор, Лилей, Аделаид...

Приоткрыв врата сердец, Пушкин со временем входит в них во всём своём величии и драматизме. Входит загадкой, тайной. В сочинении Юлии Ермаченковой есть об этом такие строки: «Говорить о Пушкине невероятно трудно как раз по причине кажущейся лёгкости этой задачи. Казалось, что проще: кого же ты больше знаешь и любишь, чем Пушкина – с той ранней поры, когда слаще было слушать, как читают другие, чем читать самой... Но даже попытка робко сказать слово о нём вызывает такое волнение, будто выступаешь на сцене в его присутствии...»

Самая интересная характеристика гениального поэта принадлежит пятикласснице Наде Губиной: «Пушкин был одарённым мальчиком, но непослушным, и очень любил Россию...»

Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ

«В Россию можно только верить»
Ф.И. Тютчев.

Мы яблоки крали соседские –
эпоха была голодна.
Ты наше несветлое детство
прости нам, родная страна!..

А пафос орал: переплунуть
весь мир наша ярость должна.
Ты нашу осипшую юность
прости нам, родная страна!..

Мы лгали: живём, как хотелось,
и жизнь наша счастья полна.
Ты нашу сутулую зрелость
прости нам, родная страна!..

Дожили – свобода досталась!
Она оказалась странна.
Ты нашу убогую старость
прости нам, родная страна!..

Таинственна участь России,
но светлая вера дана,
что все наши беды спесивые
осилим, родная страна.

Моим друзьям

И вот тебе уже давно не сорок,
а жизни пыл не хочет затихать.
Ещё твоя строка без пробуксовок
способна, по велению стиха,
чеканными ступенями спуститься,
и звёздную монетой расплатиться
за свежераспускающийся сад –
чтоб утром вслед за пеленой парною
с востока появилось солнце снова,
свои священнодействия деля
с грозой, что, расплёскивая тучи,
вдруг мокрым брюхом ляжет на поля,
и, как щенок, вливаясь в вымя сучье,
её начнёт высасывать земля...
и чтобы пыл земли не затихал,
пульсируя, как ритм стиха.

2018

СМУТНЫЕ СЛОВА

Ивану Рыжову

Идёт возня вокруг регалий,
на мелких водах, на мели...
Друг друга сплетней обрыгали
принципиальные нули.

За кресло, что лишает сна,
и за брошюру в литиздате,
спешащую к дежурной дате,
идет священная грызня.

И чтоб достичь квазивысот,
торчат в парадных вестибюлях.
Прими спокойно весть любую,
как проигрыш по спортлото.

Врагов бессильем внешним теша,
безделием не осквернись,
пусть дни идут в работе, в спешке,
с дороги верной не сверни.

Не для признания и славы
(хотя к чему чураться их?!)
иди сквозь смрад хулы и травли
за утвержденье слов своих.

1975

Год колоду дней тасует...
Солнечно. Дожливо.
Город. Сутолока судеб.
Лут, цветущий дивно.
Грозы вопреки прогнозам.
Путчи. Катаклизмы.
Выхолощенная проза
и стихов и жизни.
Ложь и выпренность суждений.
Споры слаще славы.
Ненависти продвижение.
Трусости бравада.
Страхолюдин пьяных космы.
Нищета. Убогость.
Гордецы. Полёты в космос.
Хрупкая дорога
к торжеству. Молитвы (всуге)
мирового плача...
Бог колоду лет тасует,
козырные прячет.

Ёлка плавная робкая.
А костёр – как гусар.
От шампанского пробка
взлетит в небеса...
Боги – пусть их – понюхают;
зависть им до икот.
Звёзды бродят под мухою
в Новый Год.

Пламя шатко, заманчиво.
Ты молчишь, не дуришь;
свою лёгкость шампанскую
никому не даришь.
Что с тобой? Этой полночью
взгляд свой прячешь куда?
Хоть улыбку на помощь мне
загадай.

Шишек хохот хлопушечный,
Пляшет бликами снег.
Что ресницы опущены?
Что твой голос несмел?
А бутыль отпечатана,
кончен пробки полёт...
Что сидишь опечалена
в Новый год?

Бродят по ночи, сонные вроде бы...
Ждут – луна опустится ниже
излучить для сонаты мелодию
или выплеснуть свет Куинджи.
В это время – трезвее кофейника
вещество, что таится под космами,
в это время увидел Коперник
в звёздной путанице – Космос...

Что же, милая, шаркнув ножкой,
попрощаемся перед дорожкой.
Промолчим: «не прав!», «не права!».
Скупы мы с тобой на слова.

...не костёр, но во взгляде – искорки,
и не страсть, а души порыв.
Мы ведь были с тобою искренни,
только грустно, что – до поры.

Да, не пламя. Но зрелая нежность.
И виски туманились, плыли...
Не причудилось. Не во сне же.
Это – мы с тобой. Вспомни, ведь были.

Вроде лето, а осенью веет,
вроде жарко, а холодом тянет.
И в любовь уже сердце не верит,
и на ненависть сил не достанет.

И теперь ничего нам не светит –
вот что время вдруг преподало.
И не встретимся больше на свете
мы на этом. На том – и давно.

Непоправимо буднично,
несуетно, непрошено,
казавшаяся в будущем,
жизнь проскользнула в прошлое.
Печальные и клёвые,
на грани понимания –
какая польза склеивать
клочки воспоминаний?!
Ведь даже та, любимая,
что радость мне дала, –
давно меня покинула...
Такие вот дела.

Помолчишь, остывая.
Обижаться – негоже...
Двух смертей не бывает.
Да и двух жизней – тоже.

Ноктюрн

Евгению Красникову

Тот причал, тот паранет
я припомнил...
Поначалу
колыхнулся лунный свет,
после –
песня зазвучала.
Были смутными слова
песни той,
но странной силой
за собой она звала.
Я заметил,
как красивы
очертанья тишины,
что стужалась надо мною,
были явственно слышны
даже камушки прибоя.
Были явственно видны
и утрюмо недвижимы
очертания войны
в силуэте равелина.
Но откуда же взялась
слов загадочная вязь?!
Может, пела эту песню
девушка за Херсонесом,
лунным обликом пленясь?
Или может?... погоди...
может, у меня в груди
эта песня родилась? –
о надежде, о сомнениях...
И звучало откровенье
в том напеве,
в тех словах.
А когда, взъерошив бухту,
ветер утренний пронёсся,
и зарделось в поднебесье
облачко в косых лучах,
затихая, в безгололье
растворилась эта песня,
поблднев, луна потухла,
и пустынным стал причал.
Лишь прибой вовсю сопел,
Пеной пирс полосовал.

Я потом всю жизнь искал
тот напев
и те слова.

Геннадий МАЙОРОВ

БЛЕСК И НИЩЕТА...

(к 220-летию великого писателя Оноре Бальзака)

«Разве его жизнь не роман?
Он правил её в гранках»

Произведения, равно как и сама увлекательная жизнь незаурядного француза, в нашей стране по непонятным причинам отодвигаются в тень. Трудно вспомнить, когда у нас издавалось последний раз полное собрание сочинений классика. Не изучают должным образом его романы и в школе. Даже о приближающемся юбилее автора «Человеческой комедии» мало кто знает.

Андре Моруа, изучивший за свою жизнь творческий путь всех известных писателей, выделил в истории мировой литературы три имени: Лев Толстой, Бальзак, Шекспир.

1.

20 мая 1799 года в небольшом французском городке Туре, что на реке Луаре, родился мальчик, которого назвали Оноре. Его отец в детстве был пастухом, потом выбился в чиновники и всю жизнь заботился о своём положении в обществе. Мать Оноре происходила из семьи парижского торговца, она была много моложе супруга и пережила не только мужа, но и своего гениального сына.

В девять лет мальчика отдали в Вандомское училище, где управляли католические монахи. Порядки там были очень жёсткие. Свободолюбие подростка быстро пресекалось. Часть времени он вынужден был проводить в одиночестве в своей комнате, в дровяном сарае или карцере. Но, как ни странно, часы заточения не расстраивали пытливого отрока. Он много читал, особенно Руссо, Монтескье, Гольбаха. Не случайно, видимо, одну из первых своих рукописей Бальзак озаглавил «Трактат о воле». Её сжёг на глазах мальчика монах-надзиратель.

Когда семья переехала в Париж, родители отдали юношу в школу права, надеясь сделать из него преуспевающего нотариуса. Но всё свободное от учёбы и практики время Оноре проводил на лекциях по литературе в знаменитой Сорбонне.

Уже тогда Бальзак твёрдо решил стать писателем. Но родители были против, упирая на то, что «сочинительство не приносит доходов, что все писатели – нищие». Спор длился довольно долго, но всё же стороны выработали компромисс: если за два года Оноре не докажет, что способен литературным трудом заработать себе на жизнь, он займётся только юриспруденцией.

20-летний Бальзак поселился в мансарде, намереваясь стать отшельником и проводить время за письменным столом. Долго обдумывая сюжет своего первого произведения, Оноре останавливается

на исторической трагедии в стихах «Кромвель». Восемь месяцев он работал в холоде и сырости, экономия буквально на всём: три су в день за жильё, три су на масло для лампы, два су на уголь, два – на стирку, ещё два – на непредвиденные расходы. От недоедания стали выпадать зубы, здоровье пошатнулось.

Но Бальзак одержим. В апреле 1820 года он заканчивает «Кромвеля» и представляет его на суд семьи и их друзей. Вот как описывают биографы торжественный день дебюта писателя Бальзака:

«Все в сборе. За маленький столик садится, взволнованно перебирая листы рукописи, худощавый юноша небольшого роста; он то и дело встряхивает головой, отбрасывая назад густые чёрные волосы. Вначале его голос дрожит, но постепенно он овладевает собой и декламирует, отчеканивая строки, подчёркивая с таким трудом найденные рифмы, всё уверенней и уверенней. Читая, Оноре поглядывает на слушателей, стараясь по

выражению их лиц уловить, что они думают о его творении».

Его сестра Лоренс добавляет: «Энтузиазм чтеца постепенно охлаждается, когда он замечает, что впечатление плохое, а лица окружающих удивлённые, застывшие».

После небольшого совещания домочадцы решают показать рукопись профессору литературы Андриэ. Этот ничем не примечательный профессор попал в историю именно за то, что прочёл «Кромвеля» и направил матери Оноре письмо: «Я ни в коем случае не намерен отбить у вашего сына охоту писать, но думаю, что он может потратить своё время с большей пользой, чем сочинять трагедии...».

Оноре покидает мансарду и переселяется в более скромное жилище. С письменного стола он забирает с собой статуэтку Наполеона, на которой собственноручно пишет: «Что он не смог свершить мечом, я свершу пером».

Иллюстрация к роману «Шагреневая кожа»

Умерив гордыню, Бальзак вступает в союз с писателем-конъюнктурщиком д'Эгревиллем и в соавторстве с ним выпускает несколько бульварных романов. Бальзак плюётся, понимая, что пишет чушь на потребу толпе, но хороший гонорар умиряет его.

Наконец, накопив немного денег, Оноре решает самостоятельно пуститься в литературное плавание. В январе 1822 года он пишет роман «Клотильда Лузиньянская, или Красавец-еврей, – рукопись, найденная в архивах Прованса и обнаруженная лордом Р'ооном». Но, понимая несовершенство своего писательского пера, Оноре этот и последующий романы подписывает псевдонимом – Орас де Сент-Обен. Опубликовав за три года около десяти романов под псевдонимом и заработав несколько тысяч франков, Бальзак в дальнейшем отрёкся от этих произведений. Они нужны были ему только для материального благополучия. Точнее, для серьёзной работы над будущими шедеврами. «Он зарабатывал деньги для того, чтобы писать, а не писал, чтобы заработать деньги» (Андре Моруа).

Относительное благополучие притупило бдительность начинающего писателя. Он выкладывал около 10 тысяч франков (своих и занятых у родных) в авантюрное предприятие издателя Канеля, который задумал издать серию однотомных собраний сочинений французских классиков. Бальзаку одолжила деньги и его первая возлюбленная госпожа де Берни, у которой на счёте в банке лежало 200 тысяч франков.

Предприятие лопнуло, компаньоны выкрутились, подставив наивного Бальзака кредиторам.

У Бальзака всегда были огромные долги, он зарабатывал себе на жизнь каторжным трудом, и всё же из своих огромных средств он с готовностью оказывал щедрую помощь находившимся в нужде собратиям по перу, вплоть до того, что брал их на своё иждивение и делился с ними жильём. И ещё современники Бальзака вспоминали: «Наибольшее количество оставленных им автографов – это, быть может, расписки. Долги, долги, долги. Кредиторы, казалось, вылезали отовсюду: из-за печки, из-под кровати, из ящиков комода, из камина; одни проскальзывали сквозь замочную скважину, другие забирались через окно, как любовники; иные вы-

прыгивали из чемодана, как игрушечные чёртики из шкатулки с сюрпризом, а прочие проходили сквозь стену, будто через люк».

Имея беспокойный характер, Оноре ещё не раз будет прибегать к авантурным попыткам разбогатеть. Он создавал порой фантастические прожекты, например, выведение ананасов под Парижем, что должно было, по его подсчётам, приносить 400 тысяч франков ежегодно; или другое – разработка древнеримских серебряных рудников в Сардинии. Поразительно, но у Бальзака на самом деле были «золотые идеи». Почти все его деловые начинания, в которых он потерпел неудачу, приносили богатство другим людям.

Много легенд ходило о роскоши, которой он стремился себя окружать: трости с инкрустациями, хрустальные ручки на унитазах, своя картинная галерея с полотнами кисти великих мастеров. К слову, почти все полотна оказались поддельными.

Но то, что Бальзак слыл фантазёром и неистовым выдумщиком, – факт. Если давал банкет, то про каждую бутылку вина рассказывал невероятную историю. Чай, к примеру, который заваривали в его доме, лично собирала дочь китайского императора. Гости от удивления открывали рты. А Бальзак, насладившись своим рассказом, заявлял со смехом: «И вы поверили? Да я просто пошутил!».

В 1836 году, когда Бальзак купил акции газеты «Парижское обозрение», которая вскоре прогорела, его долг составил 100 тысяч франков. Десять последующих лет как проклятый он работал за письменным столом. Окончательно подорвал своё здоровье, но всё же рассчитался с долгами до последнего сантима.

Неистовый труд требовал непосильного напряжения, и Бальзак прибегал к возбуждающим средствам, главным образом к кофе, который прогоняет сон. Кофе, какой пьют простые смертные, оказывает своё действие всего недели две-три. «По счастью, этого времени достаточно, чтобы написать оперу», – говаривал Россини. Бальзак же продлевает этот срок. Он обнаружил, что, во-первых, кофе, истолчённый по-турецки, гораздо вкуснее молотого; что, во-вторых, кофе действует куда сильнее, если его залить холодной водой, а не кипятком; что, в-третьих, напиток будет оказывать своё действие на неделю или даже на две больше, если уменьшить количество воды, чтобы получилась гуща.

В этот период он отходил ко сну в шесть часов вечера, вставал в полночь и писал 12–14 часов подряд...

2.

На пороге своего тридцатилетия Бальзак берётся за роман, который при переиздании получил название «Шуаны, или Бретань в 1799 году». Если раньше

Оноре писал романы чуть ли не набело, то теперь он очень ревностно относится к каждому слову. Даже критики вынуждены были признавать, что писатель ни при каких обстоятельствах не поступался качеством своих произведений. «Как упрямый плавильщик, – по меткому образу поэта Теофила Готье, – он по 10–12 раз подряд бросал металл в тигель, если металл этот не желал заполнять все извивы литейной формы». Бывало, что типография подолгу ждала текст, а потом Бальзак внезапно присылал сразу две сотни листков, лихорадочно исписанных за пять ночей.

В марте 1829 года роман о шуанах выходит в свет и сразу привлекает к себе внимание читателей. Это очень необычное для того времени произведение: романтический сюжет разворачивается на реалистическом фоне, создаваемом исторически точным изображением среды, которая и определяет в своём социальном разнообразии характеры персонажей.

Следом выходят повесть «Гобсек» и роман «Шагреновая кожа». Его имя уже знают в Европе, в том числе и в России. В 1831 году бальзаковскую повесть «Вендетта» опубликовал журнал «Телескоп». Одним из первых оценил талант Бальзака Ф.М. Достоевский, который перевёл на русский язык роман «Евгения Гранде».

Как только имя Бальзака стало знаменитым, его стали окружать толпы почитателей, особенно женского пола. Он снисходительно относился к знакам внимания. Но однажды, 28 февраля 1832 года, ему передали письмо из Одессы. Дорогая бумага с водяными знаками, источавшая дивный аромат. Письмо было написано на превосходном французском и подписано «Чужеземка». Она по достоинству оценила творчество писателя, сделала несколько замечаний и... попросила поместить объявление во французской газете «Котидьен» (единственной газете, которую можно было в то время выписать в России) с условными фразами, чтобы она могла убедиться, что письмо дошло до адресата.

Бальзак заинтересовался таинственной незнакомкой и поместил в «Котидьен» следующее объявление: «Г-н де Б. Получил посланное ему письмо; он только сегодня может известить об этом через газету и весьма сожалеет, что не знает, куда ему адресовать ответ. Ч-ке – О. Де Б.».

А вскоре началась переписка, после которой в конце сентября 1833 года произошла встреча в швейцарском городке Невшателе. Перед романистом предстала богатая помещица графиня Эвелина Ганская. Об их встречах мало что известно, остались лишь письма писателя, полные любви и нежности, достойные сюжета для романа. Но только спустя восемь лет, вскоре после смерти графа Ганского, Бальзак приехал в Россию, где в Петербурге встретился с Эвелиной.

Казалось, они будут счастливы. Но соединить

судьбы влюблённые не могли. По законам российской империи русской помещице не разрешалось выходить замуж за иностранца, иначе она лишалась собственности. Нужно было ждать, пока дочь Эвелины достигнет совершеннолетия, сможет войти в права наследования и выделит матери значительную ренту.

Бальзак разрывался между возлюбленной, с которой он периодически путешествовал по Европе, и работой. В 1847 году весной Оноре и Эвелина отправились вниз по Рейну. Они любовались развалинами средневековых замков, стоявших на высоком левом берегу, видели и знаменитую скалу причудливой формы, на вершине которой, по преданию, восседает волшебница Лорелея, – своим пением она зачаровывает рыбаков, и их лодочки разбиваются об утёс.

Бальзак рассказал Ганской о том, как в 1834 году композитор Гектор Берлиоз познакомил его с великим немецким поэтом Генрихом Гейне, с которым в дальнейшем было немало приятных встреч.

Лишь 17 лет спустя после первой встречи (ещё один сюжет для романа!) Бальзак и Ганская сумели соединить свои судьбы. 14 марта 1850 года в костёле города Бердичева на Украине состоялось венчание. К тому времени писатель уже страдал неизлечимой болезнью, его дни были сочтены. Но Эвелина делает свой выбор. В одном из писем брату она подчёркивает:

«Гениальность этого человека электризует и поднимает тебя в высочайшую область духа. Его гений заставляет тебя вознестись над собой. И благодаря ему ты начинаешь понимать и постигать, чего не хватало в твоей жизни... Он любит меня, и я чувствую,

Иллюстрация к роману «Утраченные иллюзии»

что эта любовь – самое драгоценное из всего, чем я когда-либо обладала».

К творчеству Бальзака проявлял своеобразный интерес русский император Николай I. Причём он выступал в роли цензора. Царю чудилось, что Бальзак поддерживает и распространяет революционные идеи. Как-то начальник Третьего отделения генерал А. Орлов принёс Николаю I просьбу Бальзака о посещении России. Царь наложил резолюцию: «Разрешить, но со строгим надзором».

Посетив Петербург, писатель проявил интерес к истории России, делал пометки, изучал архивные документы. И очень жаль, что не сумел воплотить в жизнь свой замысел – написать историческую трагедию «Пётр и Екатерина», хотя он всерьёз начал подбираться к этой теме.

В жизни Бальзака было немало женщин, что в итоге привело к огромному количеству сплетен и нелепых историй, особенно после смерти писателя. Доподлинно известно, что официальных наследников у него не было. Хотя ещё в 1833 году, работая над романом «Евгения Гранде», Оноре посвятил его Мари-Луизе-Франсуазе Даминуа, которая ждала от Бальзака ребёнка.

С юности Бальзак мечтал о безумной страсти, о любовнице, которая была бы одновременно и знатной дамой, и куртизанкой. Он чувствовал, что художники, как и люди действия, испытывают порой потребность «неистово предаваться утехам, ибо существование, которое они ведут, ни в чём не походит на жизнь обыкновенных людей». У него была страстная натура, и его влекли эротические игры. Он был близок со многими женщинами, и все они пылко говорили о своём блаженстве. Бальзаку всегда нравились чувственные женщины, но он хотел также, чтобы его любовницы были и чувствительны, и умны, чтобы они способны были понимать его произведения, восторгаться ими и, быть может, даже вдохновлять его.

Он как никто знал и понимал женщин. Вот лишь один пример из романа «Шагреневая кожа»:

«Женщины, в силу какого-то особого склада своего ума, обычно видят в человеке талантливым только его недостатки, а в дураке – только его достоинства; к достоинствам дурака они питают большую симпатию, ибо те льстят их собственным недостаткам, тогда как счастье, которое им может дать человек одарённый, стоящий выше их, не возмещает им его несовершенств». Там же: «Истинная супруга, супруга по призванию, покорно следует за тем, в ком полагает она свою жизнь, силу, славу, счастье».

Бальзак прожил необычайно интересную и трудную жизнь. У него было немало кредиторов, завистников, критиков. Он совершал ошибки и безумства (любил повторять: «Всё, что делаешь, надо делать хорошо, даже если совершаешь безумство!»), менял симпатии и политические пристрастия. Но всегда

оставался независимым, благородным и в высшей степени порядочным человеком. Например, у него была заветная мечта – оказаться избранным в члены Французской академии, попасть в число так называемых «бессмертных», что давало большие льготы и безбедное существование. Однако узнав, что одновременно с ним баллотировался и Виктор Гюго, Бальзак тут же снял свою кандидатуру, убеждённый в том, что его коллега более достоин этой чести, чем он.

... Месяц спустя после венчания Бальзак и Ганская отправились в Париж. Писатель чувствовал себя всё хуже и хуже. Он слёг. Посетивший его Виктор Гюго сообщил друзьям: «Господа, Европа теряет сейчас гения!».

Бальзак умер в возрасте 51 года. Через три дня состоялись похороны. За гробом писателя шли Виктор Гюго, художник Гюстав Курбе, композитор Гектор Берлиоз, скульптор Давид д'Анже, Александр Дюма...

Жизнь Бальзака завершилась подобно роману «Человеческая комедия». Сколько раз он рассказывал, как человек всю жизнь мечтал о любви и вот наконец, кажется, достиг счастья, но лишь только он протягивает руку, чтобы схватить его, счастье ускользает.

Андре Моруа так заканчивает биографию Оноре де Бальзака:

«Он умирал, сгорев в огне своих желаний, истратив все силы в воображаемых действиях своих героев, умирал жертвою своего творчества. Несчастное детство и юность породили у него сверхчеловеческое честолюбие. Он хотел всего: любви, богатства, гениальности, славы. Несмотря на расстояние, казалось бы, непреодолимое, между отправной точкой и целью, он всего достиг. В воскресный вечер 18 августа 1850 года он лежал, простёртый, в украшенном им самом доме, убранство которого походило на его мечты о чудесах «Тысячи и одной ночи»; волшебница Чужестранка ради него покинула свой дворец и океаны хлебов; он стал средоточием того мира, который сам населил, в который вдохнул душу и которому суждено было пережить его. Но смерть, уже годы ходившая за ним по пятам, одновременно с ним пошла к конечной точке».

О Бальзаке можно рассказывать бесконечно. Но не лучше ли прикоснуться к его романам? Я обращаюсь в первую очередь к тем, кто ещё ни разу не читал произведения великого писателя. Поверьте, вы откроете для себя удивительный мир человеческих страстей и человеческих ценностей.

Закончить свои заметки я хочу так. В повести Бальзака «Тайны княгини де Кадиньян» есть строки: «– И это развязка? – спрашивает он в конце.

И отвечает:

– Да, для умных людей, но не для тех, кто хочет всё знать».

Евгений КРАСНИКОВ

МЕТЕЛЬ

1

Однажды я ехал на машине ночью по накатанной зимней дороге в заснеженной степи. Началась метель, снег бешено закружился в лучах фар, не давая никакого обзора. Вскоре я окончательно перестал понимать, куда еду, и упёрся в сугроб. Надо было вылезать из машины на разведку. Сугроб вырос на остатках бурьяна, а далее вроде бы уже нащупывалась твёрдая дорога. Пришлось, мысленно проклиная погоду, да и саму поездку, доставать из багажника сапёрную лопатку и откапываться. Но минут через десять я убедился в бесполезности моего предприятия, всё что мне удавалось отбросить, прокладывая колею, пурга следом нагло заметала, да и что там дальше, где дорога – неизвестно, всё было в мельтешащем мраке. Глухое раздражение, перерождающееся в отчаяние, невольно лишало воли, заставляя опускать руки. Замёрзший, распахивавшийся, я вернулся в тёплое нутро машины, решив ждать рассвета, сориентироваться, и тогда уже что-то предпринимать. В привычном теплом полумраке, под лёгкий озноб тихо журчащего двигателя я успокоился, даже попытался придать всей ситуации юмористическую окраску. Метель продолжала обстреливать мой автомобиль зарядами сухого снега, кристаллики которого, словно песчинки с шорохом били в стёкла, струйками неслись по капоту, бешено плясали, проносясь в световых облаках подфарников. Вскоре глаза привыкли к однообразной сумасшедшей картине, к попыткам метели проникнуть ко мне в салон, к неровному гулу ветра, я начал шёпотом повторять знакомое с детства: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...» Но как зверь она не выла, а скорее шипела и царапалась. Вскоре тело моё отогрелось, нервы притихли, и я под этот авангардистский аккомпанемент задремал.

Как долго длился мой сон, я не засёк, но в окружающем меня мире ничего не изменилось. По-прежнему было темно, бился в стёкла снег, сердито пел ветер. Чтобы стало чуть-чуть порадостней, я включил фары. В лучах света быстро неслись потоки снега, и всё же я снова решил проверить, далеко ли дорога, сколько можно стоять и жечь бензин.

Я вылез из кабины – конец света продолжался! Ветер не просто дул, он хлестал наотмашь колючим снегом, проникая под куртку, под перчатки, в сапоги. Машину замело почти по ступицы, но колёса провернуть ещё можно. Уклоняясь от агрессивного ветра, заряженного снегом, я побрёл по лучу, и уже через несколько шагов снег поглотил свет фар, и я понял, что заблудился. И мне показалось, что я совершенно один в мире: бесконечная темнота, бесконечный снег и единственный я. Сколько времени беспомощно и бессмысленно пробивался я сквозь пургу, которая яростно то ли плевала, то ли целовала меня в лицо. И где-то в гуле ветра слышалось какое-то брнчанье, и через минуту стало понятно, что это колокольчик. Я стал пробиваться на звук и в бело-чёрной сумятице начал проявляться чёрный силуэт и это оказался странный экипаж – возок запряжённый тройкой покрытых снегом, как попонами, лошадей. Лошади, упёршись в меня, остановились, кучер в тулупе с поднятым воротником и с заиндеветой бородой, наклонившись в мою сторону, спросил:

– Мил человек, а где дорога на Моховой? – потом спрыгнул с облучка, подошёл к окошку возка, поднял его и прокричал:

– Барин, тут человек прохожий! Станный какой-то, немец что ли?

Барин выглянул из окошка, неровный свет свечного фонаря осветил его голову в высокой меховой шапке, смуглое лицо, обёрнутое в бакенбарды, как будто это был Пушкин, и я тут же уверовал, что узнал его – да, Пушкин! Почему я не удивился, не знаю, но мне очень захотелось что-нибудь сказать ему. Хотя мгновением раньше мелькнула внешне трезвая мысль, что это загримированные артисты, или просто шутники – но тройка! Карета! В степи ночью, в метель! И я поверил, что это Пушкин. Мне отчаянно захотелось что-нибудь сказать ему. И я, преодолев смущение и застенчивость, неожиданно сказал, перекрывая шум ветра:

– Здравствуйте, Александр Сергеевич!

Поэт коротко вздрогнул, удивился, наверное, моей ярко красной куртке с логотипом «Russia», что-то ответил, похожее на приветствие. А кто-то другой, вроде бы и не я, вдруг быстро достал из кармана записную книжку и с карандашиком в петельке, раскрыл её и протянул ему в окошко:

– Дайте автограф, пожалуйста, распишитесь на память!

Поэт улыбнулся, снял перчатку с руки, взял книжку и размашисто во всю страницу по диагонали расписался и вернул книжку, которая сразу стала раритетом, сокровищем.

– Спасибо огромное, Александр Сергеевич! – крикнул я, и имя поэта звучало так вкусно, что хотелось его повторять вновь и вновь, – а это Вам, сувенир!

И протянул ему кохиноровский карандашик.

Пушкин взял маленький подарок, и в этот миг кучер с ноющей интонацией прокричал:

– Пора ехать, барин, лошади стынут! – полез на своё место.

Щёлкнул кнутом, лошади, перебирая ногами, сдёрнули пристёпанные полозья и возок покатило в снежную кутерьму. Напоследок окошко кареты открылось, и гениальная рука помахала, прощаясь.

Я, трогательно улыбаясь, махал вслед до тех пор пока метель не поглотила удивительный экипаж. Потом вспомнив про автомобиль, про нестихающую метель, которая была мне в левую щёку, когда я шёл сюда и, выбрав нужное направление, двинулся обратно. Свет от машины обнаружился на удивление быстро. Нырнув в своё гнездо, я извлёк из бардачка бутылку виски и подумал: «Вот бы её с Александром Сергеевичем распить!» Я несколько не удивлялся фантастической встрече, не искал объяснения, не сомневался, я просто уверовал в чудо!

И я, забыв о непогоде, с мечтательно радостным ощущением чуда крепко напился прямо в машине.

Кстати, драгоценный автограф я никогда никому не показывал, и об этом случае не распространялся.

2

Из письма А.С. Пушкина П.В. Нащёкину:
«...А по дороге случилось со мной, друг мой Павел, странное и чудное приключение. Попал я в ночь в снежную бурю, ямщик потерял дорогу, и тут возник из метели человек, выглядевший, насколько я смог разглядеть при свете фонаря, столь необычно, как и парижане не одеваются. Был он зимой с непокрытой головой, одетый в нечто вроде венгерки ярко красного цвета, только без шнура, но с сарисчон, с какими-то литерами на груди, в узких тёмных панталонах, заправленных в короткие сапоги и попросил он у меня оставить автограф в его записную книжку. Я любезно расписался его же изящным, имеющимся в ней карандашиком, похожим на стило. Он горячо поблагодарил, и оставил мне сувенир, тот самый карандаш, по всей видимости английский. Незнакомец растворился в метели, а я так и не мог догадаться, кто и откуда он был...»

Огромная, в тиснёном переплёте

*Читать я научился очень рано,
в четырёхлетнем возрасте, наверно.
Была война, был голод и бескнижье,
(или книги на растопку и сигарки),
но мать библиотеку сохранила
– по ней и научился я читать.
Я помню это сумрачное время,
мать по утрам спешила на работу,
а бабушка, вздыхая, сочиняла
из ничего подобие похлёбки,
я ж – бледное создание тех лет,
лишённый шоколадок и игрушек,
сидел часами возле этажерки
и рылся в книгах, я смотрел картинки
и что-то непонятное читал.
Из книг мне очень нравилась одна,
огромная в тиснённом переплёте,
где позолотой выдавлено было
военное такое слово «Пушкин»,
И я читал в той книге всё подряд,
Мне нравилось течение слов и звуков,
я даже не читал их, я мурлыкал,
они казались мне длиннющей песней,
я пел её страницу за страницей
на все мотивы, что я только знал.
Вначале книжки на бумаге твёрдой
был нарисован кучерявый дядька
– его как раз и называли «Пушкин».
Меня тогда смешили бакенбарды:
– Ма, посмотри, какая борода!
А мама мне рассказывала тихо,
что жил он при царе и был поэтом.
Все люди очень Пушкина любили,
а не любили только богачи.
Они его травили и убили.
А я уже знаком был с этим словом
и, как боец, сурово хмурил брови,
и спрашивал у мамы возмущённо:
– Мам, а Дантес, наверно был фашист?
И мне хотелось поскорей стать взрослым,
у папы, как придет взять винтовку
и этого Дантеса застрелить!
Читать я научился очень рано...*

ДУАЛИЗМ Анатолия ЛЕСНЫХ

Писатель Анатолий Степанович Лесных начинал как поэт. Уроженец крупного промышленного города, инженер-конструктор в своих стихах старался отразить ритм большого города, жизнь городского человека двадцатого века, романтику шестидесятых. В его лирике редко встретишь пейзажные зарисовки, пасторальные красоты, а главным лирическим героем был современный образованный человек, технарь, что роднило автора с таким поэтом как Илья Сельвинский. Но когда уже окрепший поэт Лесных перешёл работать из проектно-конструкторского бюро мастером в цех сталеπροкатного завода, то со сменой рабочей среды и трудового коллектива, в нём, по моему убеждению, произошла диалектическая переориентация творческих устремлений и предпочтений, и он начал писать рассказы. Его первые прозаические опыты были одобрены на литературных семинарах с участием известных московских писателей, и вскоре вышла первая книга автора А.С. Лесных «Тюльпаны». Но в прозе, как и в поэзии, главным героем оставался горожанин, в основном, с высшим образованием, несколько рефлексирующий и сомневающийся. Причём это отразилось и в жанровой библиографии его первых рассказов. Большая часть из них написана в традиционном реалистичном ключе, а часть сам хозяин пера представил как «гиперболизированные рассказы». В последующем А.С. Лесных написал много рассказов, а также крупных повестей, издал несколько сборников стихов. Но в этих произведениях отражалась другая эпоха и другие герои. Изменился и сам автор.

Евг. Красников

Напомним, что Анатолий Лесных был первым руководителем Орловского отделения Союза российских писателей, созданного в 1992 году. 1 мая 2019 года Анатолию Степановичу исполнилось бы 82 года

Анатолий ЛЕСНЫХ

ЛЁЖА НА ПРОВОЛОКЕ

Я лежу и смотрю в небо. Хорошо смотреть в небо... Солнце уже высоко, и я чувствую каждой клеточкой тела теплоту его мягких ласковых лучей. Мышцы расслаблены. Не демонстрирую их сейчас, хотя стоит слегка напрячься, и я сделаюсь весь налитой, как золотистый кукурузный початок. Мускулы мои не глыбисты, как у средневекового пахаря, а мелки и рельефны, тонко очерчены. Но сила в них что надо: если обвить капроновую леску вокруг предплечья, она лопнет тут же, шевельни только я одним пальцем. Но не их я сейчас демонстрирую. Я провожу сеанс равновесия на высоте трёх метров от земли.

Лежать на проволоке параллельно земле не всякому удаётся. Да и вообще лежать на проволоке очень трудно – даже и не параллельно земле. Я овладел этим мастерством в совершенстве исключительно из-за ненависти к Динке.

Никогда прежде я не испытывал с такой силой этого мерзкого чувства. Нет, никогда. Даже, помню, когда мне было лет одиннадцать и кот нашего соседа Осипа Лукича съел мою лучшую «Полтавскую» голубку, и то я не испытывал такой ненависти к этому коту. Хотя мне ужасно хотелось прикончить его в тот

же вечер. Меня не остановило бы то, что Сытик – так звали кота – сибирской породы. Но сам факт расправы над котом унижил бы меня в моих глазах.

Могу припомнить ещё несколько случаев, когда меня охватывало чувство, похожее на ненависть. Однажды я невзлюбил Вовку Коркина, который испугался полезть с нами в университетский сад. Но то была скорее жалостливая неприязнь, чем ненависть. Сейчас я пересмотрел к нему своё отношение. Ведь в этом саду росли яблони его отца, который писал о них какую-то диссертацию. Но ему повезло. Наверно, в тот раз мы не зацепили его яблони, потому что диссертацию он всё-таки написал и сейчас гоголем ездит на собственном «Москвиче».

Я не беру в счёт ту ненависть, что вспыхивает во мне, когда я читаю о зверствах фашистов или о подлости беляков, пытавшихся задушить революцию. Читать я люблю, научился ещё до школы. Мои любимые герои Овод и Чапай.

Батя всегда говорит, что обязан воспитывать сына в духе революционных идей, преданным своему народу... Он коммунист. Я слышал не раз, как о нём говорят; «Настоящий коммунист». И горжусь этим.

Дочитался я до того, что стал спать беспокойно, кричать во сне. Мама всполошилась и атаковала батю. Батя спохватился, что забыл о моём физическом воспитании, и вскоре я увлёкся спортом. На полную катушку. Но книги не оставил. И сейчас люблю читать о героях революции. И это не просто детская увлечённость, а необходимая потребность моего интеллекта. Я давно не мальчик. Мне уже около шестнадцати и меня часто называют парнем, потому что вымахал выше бати. И хотя я не бездумный пацан, но и сейчас, когда мне вспоминаются слова песни:

*Пусть конница мчится,
Пусть пули свистят,
Пусть красные белым
За всё отомстят.*

– всё во мне закипает, и хочется взлететь на коня, выхватить с лихим вызвоном шашку из ножен и ринуться в гущу беляков. И чтобы звезда на будёновке горела, полы шинели по ветру, и пускай бы мне прошило правую руку и кровь фонтанировала из неё, а я бы перехватил шашку в левую. Только посвист над головой, и храп коней, и топот, и звон стали, и вздыбленный мой верный боевой друг, мой лихой конь с великолепными серыми яблоками на боках. Я разил бы без устали. За Революцию, за Россию, за Чапая! Держись, беляки!

Эта ненависть – другое дело. Это святая ненависть.

Но я слишком разгорячился и теряю власть над собой, а мне это сейчас противопоказано. Иначе сорвусь с проволоки и рухну вниз, а надо лежать и лежать, невзирая ни на что, потому что вон она стоит за забором и наблюдает за мной. И, наверно, думает, что я не замечаю, как она пялит на меня глаза, думает, что я с восторгом разглядываю плывущие по небу эти пустые, бездумные, розовые облака. А я, если ты хочешь знать, ненавижу тебя.

Но признаюсь честно, что вот эта ненависть, такая ненависть у меня впервые. И непонятна мне она, потому что Динка ничего вроде бы плохого мне не сделала и, может, даже не пыталась.

Впервые я увидел её три месяца назад сквозь щель в загородке. Соседи наши продали свою половину дома и, когда переезжали новые жильцы, я подсматривал в щель.

С первого же взгляда я её возненавидел. Родители её таскали вещи в дом, а она стояла на дорожке и туфелькой подковыривала камешки. Ну и ноги у неё, доложу я вам. Тонкие и белые, как первосортные макаронины – дунь и переломятся. Тогда начинали цвести вишни, и она то и дело поднимала нос кверху, принимаясь. Ух, как мне хотелось дернуть её за нос, чтобы она его не задирала. После этого я не один раз видел её во дворе и на улице. Наверно, после каникул буду встречать и в школе. А что, как её сунут в наш класс? Этого ещё не хватало!

А теперь я вижу её с высоты проволоки, на которой сейчас лежу и делаю вид, что разглядываю облака и груши, которые висят у меня прямо перед глазами. Может, продемонстрировать срывание плода ртом, лёжа на проволоке? Нет, нет. Это рискованно. Можно загудеть. А я должен лежать во что бы то ни стало и делать вид, что любуюсь бездонным небом и пушистыми розовыми облаками. Пусть она сдурее от зависти! Ради этого я буду лежать не шевелясь.

*О, розовое облачко,
Плыви себе, плыви
Над миром моей солнечной
Придуманной любви...
Такие стихи я не перевариваю. То ли дело:
Нас водила молодость
в сабельный поход...*

Лежать на проволоке одно удовольствие. Лежишь себе под щедрым солнцем и дышишь полной грудью, отдыхаешь, наслаждаешься. Никогда не думал, что можно наслаждаться ненавистью.

А вот однажды я смотрел в щель между досками, а она сидела у себя во дворе и дула в трубу. Отец у неё музыкант, играет на трубе бас. Не понимаю, с чего это и её потянуло учиться игре на басу? Разве это ей под силу? Она вдыхала воздух всем своим существом, аж плечи приподнимались выше ушей, а потом дула в мундштук, глаза выпучила, но ничего у неё не получалось. Одно сипение. Иногда она напевала что-нибудь. Вот ужас-то! У неё абсолютно нет слуха. Я, конечно, и сам не мастак по части музыки, но полтона на слух ловлю запросто.

Вконец же она вывела меня из себя, когда я узнал, что она готовится стать артисткой цирка. Ну, уж это слишком. Чтоб такая козюля, да ещё артисткой цирка! Она хвалилась ребятам с нашей улицы, что умеет ходить по проволоке. Тогда-то меня и осенило. Я раздобыл трос, великолепный витой трос с лебёдки, и натянул его между двумя колами в сарае. Сначала надо было натренироваться в закрытом помещении и на небольшой высоте.

Хождением по тросу я овладел в несколько дней. А Ане даже удавалось подпрыгнуть над ним, повернуться в воздухе на 360 градусов и снова устоять. С каждым днём я прибавлял высоты. Но самым трудным оказалось лежать на тросе. И научиться этому было главной моей целью: я узнал, что эта циркачка так и не добилась успеха. Тренировался я очень упорно, тело моё покрылось рубцами, царапинами, ссадинами; на затылке, наверно, образовалась сухая мозоль и вытерлись волосы. Временами мне становилось не по себе от всего этого. «Ради чего?» – думал я. Но стоило увидеть Динку, как с новой силой вспыхивало во мне желание проучить её, насолить ей своим мастерством.

Вы представить себе не можете, как счастлив я сейчас. Вот лежу, вытянувшись в струнку, положив

ногу на ногу и по-наполеоновски скрестив руки на груди. Надо мной бездна неба. Вон голуби искрятся в лучах солнца. Голубей я водить перестал. Вырос. Как-то стыдно такому «фитилю» бегать с шестом, лазать по крышам, свистеть. Другое дело – вот так преспокойненько лежать на проволоке параллельно земле и знать, что Динка стоит и глазееет. И я готов голову отдать на отсечение, что у неё мурашки бегут по телу от зависти, от того, что никогда ей не добиться такого совершенства.

Я-то, конечно, делаю вид, что смотрю в небо, но ведь голова у меня слегка повёрнута, и мне видно её. Правда, из-за этого лежать неловко. Чтобы сохранять равновесие, я вынужден лежать на правой ягодице и левой лопатке. Изменять позу я не намерен: я ведь должен следить за нею и наслаждаться своим могуществом.

Само собой разумеется, что пролежать пять-семь минут – это одно. Когда я лежу недолго, то у меня такое чувство, словно я прилип к тросу, как к магниту. Мне даже кажется, помести я своё тело под тросом, и то буду висеть в воздухе. Но вот лежать долго всё-таки утомительно. Даже в постели лежать в одном положении трудно. А проволока, да ещё на трёхметровой высоте...

Я уже каждым позвонком чувствую тугой канат и чувствую, что начинают затекать ноги и как свело мышцы на шее. А она и не думает уходить. Взяла обруч, накинула его на себя и наяривает круги. И как только она держится на своих макаронинах?! А обруч у неё классный, переливается на солнце, сверкает. А глаза на её бледном лице тоже вращаются, как у механической куклы. Эх ты, циркачка! Умора!

Однако лежать становится всё трудней, я располагаю тело поудобней. Теперь трос проходит у меня вдоль всего позвоночника, и я вынужден смотреть только вверх, иначе грохну с этой высоты. Этого не должно быть. Я чувствую, что она наблюдает за мной и ненавижу её в этот миг ещё яростней. Ну чего паялится? Получила удовольствие, поняла зыбкость своих надежд и отваливай. Так нет же, стоит.

Я с большим усилием подаюсь немного вправо, чтобы снова трос пришёлся на левую лопатку. Продолжаю смотреть в небо. Облака всё плывут и плывут. Розовые. Груша перед глазами стала расплываться.

Потихоньку меня начинает охватывать ужас. А вдруг эта циркачка до самого вечера не уйдёт со двора? Конечно, я и сейчас могу прыгнуть отсюда, победа налицо. Но хочется лежать до тех пор, пока она не уйдёт. Насытиться, так насытиться! Однако дальше я едва ли протяну. Всё моё тело стало как сплошной отёк, ненависть моя растёт ежесекундно, как шишка на лбу после хорошенького удара. Ненависть растёт не только к Динке, но и к предмету моего совершенства – великолепно натянутому, витому проволочному тросу. Но я продолжаю лежать.

Неожиданно чувствую резкую боль. Я понимаю, что переместиться уже не могу, и продолжаю лежать в прежней позе, стараясь пересилить боль. А трос даёт знать о себе всё настойчивей, и мне начинает казаться, что он уже прорезал кожу и вот-вот расчепанит моё сердце на две половинки. Бедное моё сердце! Как оно натренированно билось в моей груди. А теперь ему приходит конец. Но я продолжаю лежать. Не понимаю, каким это чудом мне удаётся, ведь я совершенно не чувствую тела, не могу управлять ни единой мышцей.

И вдруг... Нет-нет, я не ослышался. Циркачка со своего двора обращается ко мне таким серебристым ледяным голоском, словно тебе в одно место вводят иглу, смоченную жидким кислородом.

– Послушайте, Герман, – говорит она. Да, меня зовут Германом. Звучит, не правда ли? – Я уже около пол часа наблюдаю за вами.

«Ага, – думаю я, – наблюдаешь!»

А она продолжает:

– Это сверх всяких норм. Вы, должно быть, не читали книгу режиссёра цирка Августа Полянского «Сеанс на проволоке». Он не рекомендует лежать свыше пяти минут.

«Что он знает твой Полянский? Его рекомендации рассчитаны, вероятно, на таких хилых, как ты. А я, как-никак, культурист, выписываю польский журнал «Sportowies». Ты, конечно, и не слыхала о таком. В переводе это значит спортсмен. И уже год, как я занимаюсь тренировкой своих мышц по рекомендации ведущих культуристов. Кроме того, я увлёкся системой йогов и кое в чём преуспел».

И я продолжаю лежать, глядя в небо, и молчать. Кукла ты механическая, неженка, циркачка, тоже мне! Я наслаждаюсь своей победой, я не чувствую никакой боли, и облака, розовые облака плывут и плывут над моей головой. Опять вижу синее бездонное небо, и вон голуби тают в вышине. И хочется запеть сейчас. Мысленно произношу слова песни:

Орлёнок, орлёнок,

Взлети выше солнца...

А что, взять и заорать её сейчас во всю мощь? Всё во мне ликует, кровь трассирует по жилам, как ток по проводам.

Но циркачка не унимается:

– Герман, я вам вполне серьёзно говорю. Это может привести к серьёзным последствиям. Вы напрасно упорствуете.

Я представляю, какие у неё сейчас удивлённые глаза и вытянутое в изумлении лицо. «Ага, попалась рыбка! Тоже мне, советчица».

– Как хотите, – почти всхлипывает она, – но это кончится для вас печально.

Ну, это уж слишком! Надо немедленно и достойным образом ответить ей. Но как лучше? «Замолчи!». «Тоже мне режиссёр!». Я открываю рот и поворачиваю голову: сейчас ты получишь своё, циркачка на

двух макаронинах. И вдруг смеаю, что совершил непоправимое – соскальзываю с троса, будто капелька ртути с зеркальной поверхности. Где небо, где солнце, облака и голуби? Земля словно сорвалась с пружин и устремляется на меня. Я успеваю скорчиться. Бац! Прямо на кирпич.

– Ах! – ухо улавливает голос циркачки.

Сейчас же, немедленно вскочить на ноги и сказать: «Вот видите, последовал вашему совету и совершил специальный соскок. Вы, конечно, подумали, что я сорвался». Мне повезло, что я рухнул по эту сторону забора, а ведь мог бы перевернуться и на её двор. Вскочить! Но дикая боль парализует меня.

Что такое? Я слышу топот, покачулся забор. А вот и её выпученные глаза появились над забором. Она ловко подтянулась, выпрямилась на руках и легко перебросила своё тело на мою сторону. Воздухом ей раздуло сарафан, мелькнули её макароны и розовые плавки. Фу ты! Ну ори! Торжествуй! Дуй в свою трубу бас, играй, победный гимн! Я невозмутимо смотрю вверх и вижу перед собой её бледное лицо, ресницы у нее выгнулись, губы дрожат.

– Вам больно? – спрашивает она.

Больно ли мне?! Хочется заскрежетать зубами. Ах ты! Думаешь, победа на твоей стороне? Подожди, мы ещё сочтёмся. Я научусь висеть в воздухе под тросом и строго параллельно земле. Зажму его между пяток и защемлю в лопатках, раскину руки и буду висеть «самолётиком». Не хочу смотреть в это бездонное синее небо, на эти розовые легкомысленные облака. Буду смотреть на землю и разглядывать, как снуют по ней муравьи, как они перетаскивают свою ношу и время от времени буду посматривать через забор и наслаждаться своей победой над тобой, потому что я ненавижу тебя, липовая циркачка. А под тросом обязательно научусь висеть. И он не будет втискиваться в мою копчиковую кость и лопатку, и не надо будет бояться, что он рассечёт моё сердце на две половинки.

– Это я виновата, Герман, – слышу я где-то далеко-далеко её хилый голосок.

– Почему это вы? – возмущаюсь я, но не слышу своего голоса, а только чувствую, как шевелятся мои пересохшие губы, и закрываю глаза, чтобы собраться с мыслями и ответить ей достойно. Одним сногсшибательным словом!

...Всё это произошло вчера. А сейчас я лежу в постели, на ногу мне наложили шину, и у меня такое чувство, что я продолжаю со вчерашнего дня лежать на тросе. Но я лежу в постели, потому в окно мне виден пустующий трос. Вон он, строго параллельно земле натянут между двумя столбами и блестит в лучах солнца, как серебряный.

Уж не галлюцинации ли у меня? Кошмар какой-то! Представляете?.. Ума не приложу, как это она вдруг оказалась на тросе. Да, да – она самая. Ну и вырядилась! Трико натянула, как заправская... Умора! Идёт

по проволоке, в руке у неё обруч, и вихляется, как со-сиска. На ногах красные тапочки, а в волосах голубая лента. У меня к горлу подступают спазмы от одного вида её. А уж идёт она! Как старушенция по льду – мелким бисером. Того и гляди, грохнет. На середине троса остановилась, набросила на себя обруч и...

Смотри-ка!.. Стала винтить круги, словно на земле. Всё быстрее, быстрее. Обруча уже почти не видно. Да и её самой. Будто растаяла. Только что-то маячит зыбкое в воздухе, да легонько вздрагивает трос. Вот бы он сейчас лопнул! Куда там! В ней весу, небось, как в сухой былинке. Я бы её, при желании, одной рукой зашвырнул на крышу, да писку не оберёшься.

Она начинает замедлять круги, выпрямляется. Вот сбросила обруч на землю, откинула голову назад, и, стоя на одной ноге, взяла рукой другую и тянет её вверх прямо носком до затылка. Замерла на мгновение, как цапля. Ух ты! Ничего не попишешь. Это финт, конечно. И вдруг... Что это с нею?! Задёргалась, завихрилась, затрясла руками. Твист или шейк? Я в танцах мало смыслю. Ну и разошлась... Не могу больше на это смотреть.

Я закрываю глаза. Мысли лихорадочно бьются, мне до коликов не по себе. Ну ладно же! Ещё посмотрим... Вот наступит зима! Я тебе покажу, ты у меня ещё повихляешься.

Да знаешь ли ты, что я в Чёртовом рву могу съехать на одной лыже с самой крутой горы?! Если бы ты это знала, небось не стала бы так выламываться. А ведь съеду! И не просто, на одной ноге, а «ласточкой».

Я открываю глаза. Невероятно! Ноги её вверху! Знаете, есть такой элемент в гимнастике – «берёзка»? Так вот, Динка его исполняет на тросе. Вытянула ноги вверх и не шелохнётся, как свеча. И красные тапки её горят на солнце, будто и впрямь огонёк. Потом она начинает медленно опускать ноги. Медленно, медленно – на нервы действует. Вот они коснулись троса, и она замерла. Лежит! Её почти не видно, ведь она ненамного толще самого троса, Представляете, лежит?! И конечно смотрит в небо...

Нет, не хочу, не могу её видеть!.. Смотрит в небо! Я-то знаю, как хорошо смотреть в небо.

А, пропади всё пропадом! Скорее бы зима, что ли...

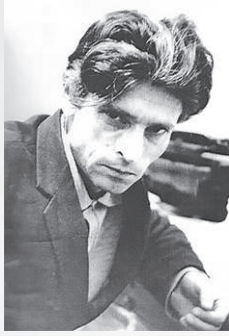
Нога моя разнылась, прямо нет сил терпеть. Глаза сами замуриваются от боли, и я не могу их открыть.

Лежу и думаю... Да мало ли о чём я думаю! Вы без особого труда можете угадать мои мысли. Только, пожалуйста, не спешите с выводами.

И последнее. Если вы вдруг увлечётесь тренировками на проволоке, то позвольте дать вам один совет. Натяните трос – лучше всего с лебёдки – между двумя столбами строго параллельно земле. Только параллельно. Это очень важно!

И самое последнее. Не думайте обо мне плохо, прошу вас. Помните, что всё ущербное в человеке мне чуждо, и что у меня, впрочем, как и у всех, если верить словам одной песенки, всё ещё впереди.

Николай ПЕРОВСКИЙ

Перовский Николай Михайлович (31.12.1934 – 13.09.2007) – поэт, прозаик. Автор более двадцати книг и множества публикаций в областных и центральных периодических изданиях. Член Союза писателей СССР с 1964 года. При жизни Николай Перовский не был удостоен правительственных наград и престижных литературных премий. Его награда – опубликованные книги и любовь читателей.

БЫВАЕТ ОСТРОЕ ПРОЗРЕНИЕ...

ЕЩЁ ЗАИГРЫВАЮ С МУЗОЙ

Лета к суровой прозе клонят...

А.С. Пушкин

Ещё заигрываю с музой,
отодвигая день и час,
когда я стану ей обузой,
как постаревший ловелас.

Игра – в природе человека,
тасует страсти шар земной,
но я в течение полувека
был верен музе, ей одной.

Мы накануне расставанья.
Уж не поплакаться ли мне –
пусть не в жилетку мирозданья,
а лишь в подол своей жене?!

И всё окончится чудесно:
моя законная жена
своей сопернице небесной
воздаст сторицею сполна!
2001 г.

ВЕСНА

Давай зима, на посошок
пригубим мартовской капли!
По свету носится слухок,
что на подлёте птички трели.

Весна с грачами на слуху.
Однажды ночью лопнут почки,
проснётся верба вся в пуху,
и лес в зелёной оторочке.

А этот зябкий березняк
и этот паводок весенний –
вселенский праведный сквозняк
в канун Христова воскресенья.

Две тыщи лет из года в год
дух торжествует над каноном
и каждый праздничный восход
кропит пасхальным перезвоном.
2000 г.

ТЕАТР

Душа и разум знают цену
самим себе, но вот вопрос:
взойдя на жизненную сцену,
что принимать на ней всерьёз?
Где башмаки, а где котурны,
где языки, а где клинки?
А в добродетели дежурной
злодейства зреют ли ростки?

И если спрятался под маской,
то соответствовать изволь,
но знай, что жизнь не стала сказкой,
что роль – она и в жизни роль.
В порфире Лира или Кира,
держа вселенную в горсти,
ты не забудь владыка мира,
в канаве место припасти.
2001 г.

ПРОЗРЕНИЕ

Памяти Сергея Наровчатова

Бывает острое прозрение,
как взрыв в мозгу, что ты живой,
что ненависть, любовь, горенье
в тебе с тобой и над тобой.

Ты только вскрикни, хлопни дверью
или засмейся – просто – вдруг –
и тут же ветер и деревья
тебя затянут в общий круг.

В тот милый круг, где всё живое,
где наслаждение и боль,
где правят общию судьбою
горенье, ненависть, любовь.

Мы в общем хоре все – солисты,
и даже тот кто безголос,
в своём, особенном, регистре
доносит шёпот свой до звёзд.
1964 г.

Гляди! Пушистый жеребёнок
резвится, пляшет, травы бьёт, –
почти духовный, как ребёнок,
почти абстрактный, как полёт.

На переломе и на стыке,
на тонкой дужке коромысл
струится космос безъязыкий,
времен и судеб тайный смысл.

И может, высшая минута
тебе даётся для того,
чтоб лишь коснуться абсолюта,
а не ослепнуть от него.

1986 г.

ПАУТИНА

Паутина в осиновых чащах,
паутина в берёзовых рощах,
сизый морок по миру летящий,
укрывает и выгон и площадь.

По тропинкам опавшего сада,
по дорожкам увядшего луга
прохожу я пастух листопада,
паутиной опутанный туго.

Разомлев от теплыни в полыни,
пауки понаделали пряжи,
запропала земля в паутине,
и никто не заметил пропажи.

1990 г.

КОЛОДЕЦ

Глубокий колодец,
обкатанный сруб, –
из бездны уродец
с ухмылкою губ.

Полдневные звёзды
оттуда видны,
неужто он создан
для той глубины?

Тяжёлою влагой
размыты черты,
каких-то полшага –
и он – это ты...

1988 г.

КОРНИ

Был я болен и тем виноват
перед миром людей и растений,
но однажды ушёл я в закат –
проводить удлиненные тени.

Я присел у слепого костра,
согревая озябшие руки,
и осенняя ночь, как сестра,
обняла меня после разлуки.

А когда от земного огня
глянул на небо в звёздных каплях,
мне почудилось, что зелены
источают младенческий запах.

Я не думал, откуда взялась
и с такой прямою воплотилась
неподсудная разуму власть –
обращать наказание в милость.

Я стоял, не стыдясь своих слёз,
между звёздами и зелеными
и меня не тревожил вопрос,
что считать в этом мире корнями.

1989 г.

В РАЙЦЕНТРЕ

В райцентре хоронили старика,
не знаю, кем он был на белом свете,
плыла машина, плыли облака,
старухи, старики, деревья, дети...

А на его рассудочном лице
такое затаилось выраженье,
как будто это он привёл в конце
весь мир в одностороннее движение.

Сдвигалось и смещалось всё в окрест,
живое и бессмертное покамест,
и старый домкультуровский оркестр
шёл во хмелю, хрипя и спотыкаясь,

И довели до места, и снесли
к пределу, где кресты стояли косо,
и с каждым комом сброшенной земли
слабее становился запах теса.

И стали расходиться, и оркестр
куда-то поспешал на именины,
а мне казалось – вбитый в землю крест
ухмылкой провожает наши спины.

1977 г.

ДИОГЕН

Вышел я в полдень с ночным фонарём,
стал я искать человека.
Встретился с деревом и с муравьём –
что за оказия? Эка!

Тот лихоимец, другой лиходей...
вдруг я споткнулся – и в яме,
глядь, а вокруг меня тыщи людей,
все, как один, с фонарями...

1986 г.

Валерий АНИШКИН

РОДНОЕ ГНЕЗДО

Рассказ

*Природа... будит в нас
потребность любви.*

И.С. Тургенев

Как-то я, поддавшись настроению отца, который не выпускал из рук томика Есенина и нет-нет да вспоминал то отчий дом, где прошло его детство, то своих сверстников, почти всех погибших в войну, с которыми бегал босоногим мальчишкой в лес, – а бескрайние брянские леса начинались в двухстах метрах от дома, – то яблоневый сад, завораживающий взгляд в период цветения, сказал другу Юрке:

– Не хочешь махнуть на пару дней в какую-нибудь глухомань?

– В какую ещё глухомань? – насторожился Юрка.

– Да есть такая. Родина отца. За Брянском, от Дубровки пятнадцать километров пёхом.

– А что там? – заинтересовался Юрка.

– Там Брянские леса, волки и медведи, банька по-чёрному и моя мудрая и добрая бабулька, которая накормит блинами и напоит чаем из самовара.

– А давай! – загорелся Юрка.

И мы стали собираться. Ехали налегке. Юрка раздобыл где-то унты, и они нелепо смотрелись под его модным пальто. Не лучше выглядел и я в лыжных ботинках, зелёных лыжных штанах и тоже в лёгком, как у Юрки, пальто. Ещё мой друг прихватил охотничье ружьё, когда-то подаренное его отцу, а к нему с десятков патронов.

– На медведя? – ехидно спросил я.

– На что придется, – не обиделся Юрка.

– Если на медведя, лучше рогатину, – серьёзно сказал я, пряча улыбку.

В рюкзаки мы запихнули только самое необходимое: шерстяные носки на смену, если промокнем, по паре банок частика в томатном соусе, колбасу да хлеб; так что, если бы не гостинцы в виде редких в меню деревенских жителей макарон, сахара, да карамели детям, рюкзаки болтались бы у нас за спиной, как сдутые шары. Отец мой обрадовался нашей поездке так, будто сам ехал с нами на встречу со своим детством; он как-то повеселел, суетился, давал ненужные советы и успокоился только, когда я, пропуская мимо ушей наставления на дорогу, вырвался из дома и поспешил на автостанцию, где меня ждал Юрка.

Через три часа мы добрались до Брянска, но долго ждали автобуса на Дубровку, так что успели перекусить в привокзальном буфете чаем и своим хлебом с колбасой да немного прогуляться по городу. А дальше транспортом могли служить только лошадь с санями из колхоза «Новый путь» деревни Галеевки, конечного пути нашего путешествия.

– Да это вы неделю можете прождать. Туда редко бывает okazия, тем более, зимой, – расстроили нас местные. – А вы пешком. Здесь не так далеко, километров десять или чуть больше. За пару часов хорошим шагом доберётесь.

И мы потопали своим ходом. Шли бодро, потому что время шло к вечеру, а темнело рано. За два часа мы поспевали как раз добраться дотемна.

Скрылась из вида станция, а потом и последние дома райцентра, и теперь вокруг нас расстиралось «белое безмолвие». Мы шли по едва обозначенному полозьями саней и пешеходами дороге; повали снег, и эти следы замело бы в мгновение ока, и сбиться с дороги стало бы делом пары пустяков. Слева от дороги вдали чернел лес, но вскоре дорога ушла в сторону, и лес остался позади. И снова мы шли по заснеженному полю. Снег слепил, и мы невольно прищуривали глаза, потому что смотреть на равнину с холмами, покрытыми белой слепящей массой снега, становилось невозможно. Сначала мы переговаривались, что-то рассказывали друг другу, потом замолчали и шли молча, механически двигая ногами. Я вспомнил Джека Лондона: «Нелегко оставаться наедине с горестными мыслями среди Белого безмолвия. Безмолвие мрака милосердно, оно как бы защищает человека, окутывая его своим покровом и сострадая ему; прозрачная чистота и холод Белого безмолвия под стальным небом безжалостны».

«Господи, – стыдливо подумал я. – Что такое эта наша недолгая прогулка по заснеженной равнине между двумя населёнными пунктами в десяток километров перед той величественной и страшной стихией, в которой выживали герои американского классика!».

Однако день клонился к вечеру, а мы не знали, как долго нам ещё предстояло идти. По времени мы уже шли около двух часов. Теперь лес показался справа. На сером небе обозначилась луна, хотя вокруг по-прежнему оставалось светло. Это от снега, который вдруг под луной засеребрился и сказочно засверкал. Стало быстро темнеть. Со стороны леса послышался протяжный вой.

– Собаки? – с надеждой спросил Юрка.

– Кабы не волки, – насторожился я.

Мы ускорили шаг и почти бежали, подгоняемые страхом.

Но вот впереди показались далёкие огоньки. Это окрылило нас, и мы, вздохнув с облегчением, несмотря на усталость, бодро зашагали к спасительному свету.

Дом моей бабушки стоял особняком на холме, отдельно от всех остальных домов, которых насчитывалось не больше трёх десятков, и располагался так, будто предназначался для обороны от нашествия монголо-татар. Это было глухое, но необыкновенно живописное место. С двух сторон дом окружал в низине широкий ручей с толстым, стёсаным топором для удобства перехода по нему бревном; метрах в двухстах от дома начинались Брянские леса, уходящие за горизонт, а за домом – огород, который переходил в поле без конца и края. Перед домом украшением стоял яблоневый сад, голый, но от этого не менее красивый, а в глубине примостилась у тына (Тын – частокот или забор из вертикальных брёвен или жердей.) ладно собранная бревенчатая банька.

Свет от окон бабушкиного дома отражался жёлтыми квадратиками на утоптанном снегу расчищенной дорожки перед домом. Я постучался в окно и почувствовал, как бьётся моё сердце, а волнение я ощутил, как при возвращении в родной кров после долгого отсутствия. Это странно, ведь я приезжал сюда всего два раза, и то давно. Видно работала генетическая память, которая шла от моих вековых корней.

Увидев меня, бабушка охнула, руки её сложились крестом на груди, и она заголосила, запричитала:

– Дитёнок! Ох! Бог послал радость! Ахти мне! Да с товарищем, с ангелом небесным! – запричитала бабушка.

Юрка стоял смущённый. Городской житель, далёкий от подобного проявления искренней, лишённой всякой фальши радости, он растроганно хлопал ресницами.

Как и в прошлые годы, когда бабушка приезжала к нам и когда мы ездили к ней в гости, одета она была так же, то есть так, как одевались в деревнях на Брянщине испокон веков: белая рубаха, расшитая крестом, понева из домотканой ткани и повойник на голове, а на ногах лапоточки с онучами, перевязанными тонкой бичевой.

Из-за занавески у запечья вышла моя тётка, младшая сестра отца Катерина. Она поправляла волосы, закручивая их в пучок на голове и застенчиво улыбалась.

Бабушка захлопотала вокруг русской печки, занимавшей без преувеличения полгорницы. Она сняла заслонку со свода печи, достала чугунок со щами и поместила туда другой чугунок, с варёной картошкой. Катерина накрыла стол, дала нам чистые рушники, расшитые крестом петухами, чтобы мы положили их на колени и, не дай Бог, не пролили щи и не капнули ещё чем на наши «дорогие» штаны. Катерина поставила на стол деревянные миски и положила простые без росписи деревянные ложки, сходила в сенцы, повозилась там немного и принесла бутылку самогона и солёные огурцы, а бабушка поставила чугунок со щами на середину стола, и мы сами большой деревянной ложкой – межеумком (*Межеумок – средняя деревянная ложка: «ни то, ни сё».*) или бутылкой (*Бутылка – большая широкая деревянная ложка.*) – налили себе в миски щи, от которых шёл умопомрачительный запах. Мы выпили по маленькому стаканчику самогона, но только потому, что с мороза и продрогли основательно, съели по целой миске щей с мясом, потом с огурцами – по паре целых картофелин, которые быстро разогрелись в долго не остывающей русской печке, и, сытые и разомлевшие, уснули богатырским сном на печи и спали, не слыша петухов, но отходя от сна от лёгкого скрипа половиц, от позвякивания ухвата о чугунную сковороду, на которой бабушка пекла оладышки, и от детских голосов и смеха. Это дети Катерины, восьмилетний Ванятка и пятилет-

няя Дашуня. Отец их, Степан Иванович, как зима пришла и закончились колхозные работы, отправился в Брянск на заработки.

Умывались мы студёной водой в сенцах, разбив хрупкую ледяную корочку ковшом. Завтракали яичницей с салом и оладышками. Я уже раньше ел блюда из печи, в которой даже верхушка сливок молока в кубане поджаривается до коричневой пенки и приобретает вкус не сравнимый с обычным кипячёным, а Юрка видел это в первый раз. И яичница, и оладушки имели вид пышный, объёмный и покрывались румяной корочкой. Такого на плите не приготавлишь, тем более на газовой.

Бабушка осталась довольна гостинцами, потому что всё это можно купить только в районе. Далеко, да и деньгами колхозников особенно не баловали, небольшие деньги могли появиться если только от продажи продуктов своего хозяйства. Конфеты же Катерина спрятала на полку, выдав ребятам по две штуки.

– Сейчас жить можно. Как Сталин этот умер, так облегчение пошло, – рассказывала бабушка. – Девки поют: «Пришёл Маленков, дал нам хлеба и блинков». А теперь и вообще хорошо: и скота держи, какого хошь, и налог помене, и на трудовни деньги дают».

«А ещё пели: «Ай, спасибо Маленкову – разрешил держать корову», – вспомнил я. Отец рассказывал, как жили в колхозе после войны. Единственным пропитанием у колхозника оставался его приусадебный участок, да своя корова. Это и не давало умереть с голода. Но, кроме того, он должен был со своего участка сдать государству какое-то количество картошки, яиц, молока и мяса. В больших семьях одеть детей было не во что. Часто сапоги носили по очереди. На огороде выращивали даже пшеницу, питались в основном картошкой, а лакомством служили капустные кочерыжки и то, когда солили капусту...

После завтрака Юрка уговорил пойти в лес. Мне бабушка нашла дедовы валенки, которые я надел вместо своих бесполезных в лесу лыжных ботинок. Валенки я никогда не носил и впервые ощутил блаженное удобство от этой обуви. Считается, что валенки – исконно русская обувь. Но нет, оказывается, к русским жителям валенки попали во время нашествия Золотой Орды. Монголы носили обувь, похожую на валенки, которая называлась «пима», а в России валять валенки стали недавно, конечно, если двести лет считать сроком небольшим.

Проводником к нам напросился Ванятка, а с ним увязалась собака Манька непонятной породы, которая жила при доме. Так что на охоту мы шли по всем правилам: с ружьём, проводником и собакой.

По дороге нам встретился дед в облезлой ушанке и драной фуфайке, в прорехах которой торчали клоки ваты. Дед нёс большую вязанку хвороста. Увидев нашу компанию, он сбросил хворост на снег, вытер пот со лба рукавом, поздоровался и спросил:

– А вы чьих же будете? Вижу, городские. Ай к Василине приехали, раз Ванятка с вами?

– Здравствуй, дед, – ответил я. – Я внук её. Погостить с товарищем на денёк приехал.

– Хорошее дело, – одобрил дед. – На кого ж с ружьём-то идёте?

– А на кого придётся, – сказал Юрка. – Может, зайца подстрелим.

– Зайца, значит. Это дело. Ну, давай вам Бог, – хихикнул дед в бороду, взвалил на себя хворост, но вспомнив вдруг, сказал, обращаясь ко мне:

– Скажи Василине, что мол Дарья зубами второй день мается, пусть зайдёт заговорит, а то прям беда.

И дед пошёл в деревню.

В лесу мы побродили с час, стараясь держаться протоптанных тропинок. Стоило нам отклониться в сторону, как мы начинали утонать в сугробах и возвращались назад. Зайцев мы не встретили, но видели заячьи следы. По крайней мере, Ванятка сказал, что это заячьи. По этому поводу мы ничуть не расстроились, а на выходе из леса Юрка пальнул по воронам, подняв их с насиженных гнёзд, и они, встревоженные, поднялись в небо и огласили окрестность беспорядочным карканьем.

Вечером Катерина истопила нам баню. Баня топилась по-чёрному, то есть без трубы, и весь дым оставался в помещении.

Натопив баню, Катерина открыла двери, чтобы вышла вся гарь, и оставила нас с Юркой, показав, как поддавать пар. Мы разделись в предбаннике, взяли берёзовые веники и смело вошли в парилку, обильно вылили ковш воды на камни, грудой лежавшие в углу; раскалённые камни зашипели, и пар окутал всё пространство так, что мы потеряли друг друга из виду. Стало жарко и нечем дышать, но мы всё же легли на полки и попытались похлопать себя по спинам, но через пару минут выскочили, одуревшие от жара, сначала в предбанник, а потом в сад и с маха бросились в сугроб, невольно издавая при этом дикие вопли.

Когда чуть охладилась, вернулись в парную и теперь уже смогли попариться как следует, колотя себя вениками по ногам, животам и спинам что есть мочи. Тела наши стали пунцово-красными, и мы, распарившись, снова ныряли в сугробы.

После бани мы пили душистый мятный чай из самовара с заваркой из смородиновых и вишнёвых листьев, пахнущий смоляным дымком, потому что кипятился на еловых шишках. Я не понимаю, как могло вместиться в нас столько чая! Мы выпили стаканов по шесть или больше, вприкуску с сахаром, без хлеба, опустошив чуть не половину ведерного самовара...

Провожала нас на следующий день бабушка со слезами, перекрестила на прощанье и долго стояла возле дома на горе, откуда дорога виделась почти до горизонта.

Кондратенко Алексей Иванович родился 2 января 1964 года в Воронеже. Окончил факультет журналистики Воронежского госуниверситета, с 1986 года работал корреспондентом газеты «Орловская правда». Доктор филологических наук, кандидат политических наук. Член Союза журналистов России с 1988 года, член Союза писателей России с 1999 года. Прозаик, публицист. В настоящее время – заведующий отделом БУКОО «Орловский Дом литераторов», профессор кафедры журналистики и связей с общественностью ОГУ имени И.С. Тургенева. Председатель правления Орловского областного отделения Российского общества историков-архивистов.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Военно-исторический журнал», «Известия Российской Академии наук», «Вестник Московского университета», «Форум», «Родная Ладога», «Сельская новь», «Подъём»...

Алексей КОНДРАТЕНКО

ОН МИРУ РАССКАЗАЛ О ПУШКИНЕ

Николай Александрович Мельгунов принадлежал к интеллектуальной элите России середины XIX века, был дружен с Пушкиным и Дм. Веневитиновым, Михаилом Глинкой и Грановским. Объехал всю Европу, но никогда не забывал о малой родине – даже имя себе в литературе взял Николай Ливенский. Мельгунов был уроженцем того самого уездного предместья, откуда родом философы Николай Данилевский и Сергей Булгаков, градоначальник Москвы 1812 года Фёдор Ростопчин, многие другие выдающиеся люди России...

Мельгунов родился в 1804 году в селе Петровское Орловской губернии (ныне это Измалковский район Липецкой области). Его предки всегда подчёркивали, что их род стародворянский и происходит от польского благородного выходца Яна Мингалева (Минигалова), который выехал в Москву при Василии Тёмном или в начале княжения Ивана III. Скорее всего, это была просто красивая легенда. Если заглянуть в словарь В. Даля, то легко найти значение слова «мельгун»: так южнее Москвы в народе издавна называли... повесу, охотника за женской симпатией. Видимо, далёкий предок будущего литератора славился похождениями ничуть не меньше, чем иной средневековый кавалер.

С конца XVI века Мельгуновы были уже на службе и «в пожаловании». При Екатерине II они получили герб с медведем. Отец Николая, отставной майор, владел в Орловской губернии большим имением в 300 душ.

С семилетнего возраста Николай имел гувернёра-швейцарца и русского учителя. (Кирпичников А.И. Указ. соч. С. 151.) Когда семья переехала в Харьков, воспитанием юного отпрыска руководили известный поклонник идей Ж.Ж. Руссо швейцарец И.Ф. Вернет и издатель журнала «Украинский вестник» Р.Т. Гонорский. (Гонорский Разумник Тимофеевич (1791–1819) – поэт, филолог, журналист. Родился в Туле в семье священника, учился в семинарии, затем в Ярославском Демидовском высших наук училище и Петербургском педагогическом институте, служил учителем в Курской губернии. В 1814 г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, одновременно преподавал здесь немецкий язык и словесность, давал частные уроки. Вместе с Е.М. Филомафитским издавал журнал «Украинский вестник», где публиковал свои переводы, литературоведческие труды. В июле 1819 г.

был утверждён в должности адъюнкта «по словесности российской». Умер в Харькове «от нервной горячки».) Мельгунов рос в университетской атмосфере, причём любопытно то, что университет в Харькове был создан стараниями масонов. К харьковской ложе «Умиравший сфинкс» принадлежал и попечитель Харьковского университета и учебного округа З.Я. Карнеев – близкий друг семьи Мельгуновых. Не отсюда ли интерес будущего литератора к фантастическим сюжетам, к мистике?

В ранние годы начался путь в литературу. В январской книжке «Украинского вестника» за 1818 год был напечатан перевод с французского прозы Сен-Шера «Приближение весны» с указанием имени переводчика – Николай Мельгунов. Но ему не суждено было стать студентом Харьковского университета. В тот же год он, по совету Карнеева, поступил в только что открывшийся пансион при Педагогическом институте в Петербурге. Здесь его учителями были К.И. Арсеньев (в скором будущем стал преподавать историю наследнику престола великому князю Александру Николаевичу), А.П. Куницын (один из педагогов пушкинского лицея), В.К. Кюхельбекер. В числе ближайших товарищей Мельгунова по пансиону – М.И. Глинка, а также Л.С. Пушкин, С.А. Соболевский... Тонкий наблюдатель и зоркий мемуарист Б.Н. Чичерин вспоминал с сожалением: «Даже лучшие его приятели говорили о нём всегда с некоторой иронией. Во всём его существе была некоторая медленность, неуклюжесть и тяжеловатость, которые для посторонних заслоняли его прекрасные качества и делали его малопривлекательным в обществе».

Огромное впечатление в юные годы на Мельгунова произвело большое путешествие по Европе. Вернувшись в Россию, в 1825 году он поступает на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел. В разряд «архивных юношей» одновременно с Мельгуновым попали Иван Киреевский, Дмитрий Веневитинов, Сергей Мальцов, двое князей Мещерских и ещё несколько человек. Им поручили разбор и опись старомосковских рукописных столбцов – занятие, что и говорить, унылое.

Архивное начальство вошло в положение новичков и требовало являться на службу только по понедельникам и четвергам. Но и этого времени для жизнерадостной молодёжи было достаточно, чтобы среди залежей манускриптов бурно

будущем стал преподавать историю наследнику престола великому князю Александру Николаевичу), А.П. Куницын (один из педагогов пушкинского лицея), В.К. Кюхельбекер. В числе ближайших товарищей Мельгунова по пансиону – М.И. Глинка, а также Л.С. Пушкин, С.А. Соболевский... Тонкий наблюдатель и зоркий мемуарист Б.Н. Чичерин вспоминал с сожалением: «Даже лучшие его приятели говорили о нём всегда с некоторой иронией. Во всём его существе была некоторая медленность, неуклюжесть и тяжеловатость, которые для посторонних заслоняли его прекрасные качества и делали его малопривлекательным в обществе».

Огромное впечатление в юные годы на Мельгунова произвело большое путешествие по Европе. Вернувшись в Россию, в 1825 году он поступает на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел. В разряд «архивных юношей» одновременно с Мельгуновым попали Иван Киреевский, Дмитрий Веневитинов, Сергей Мальцов, двое князей Мещерских и ещё несколько человек. Им поручили разбор и опись старомосковских рукописных столбцов – занятие, что и говорить, унылое.

Архивное начальство вошло в положение новичков и требовало являться на службу только по понедельникам и четвергам. Но и этого времени для жизнерадостной молодёжи было достаточно, чтобы среди залежей манускриптов бурно

обсуждать темы современные и исторические, а когда разговоры приелись, «любомудры» взялись за сочинение сказок. К тому же писали их сообща – каждый не более двух страниц, а в складчину получалось презабавно! Так постепенно образовались два общества (или, как их называли проще, два кружка): одно во главе с педагогом и переводчиком, орловским уроженцем Семёном Раичем, другое, тайное, – во главе с Дмитрием Веневитиновым (впоследствии «Общество любомудрия», а затем круг авторов журнала «Московский вестник»).

По словам участника тех событий А.И. Кошелёва, Мельгунов был «главным деятельным участником» веневитиновского кружка, существовавшего до 1828 года. Был вхож Мельгунов и в кружок Герцена. Огромное воздействие на его взгляды оказал Чаадаев, с которым начинающий литератор дружил с юности на протяжении всей жизни.

Дом Мельгуновых становится одним из центров культурной жизни Москвы: здесь временами жил М. Глинка, бывал А. Алябьев, нелегально приезжавший в первопрестольную из сибирской ссылки. С годами завязывается дружба с Жуковским, Белинским, Гоголем, многими другими известными людьми.

А знакомство Александра Пушкина с Мельгуновым началось, по-видимому, ещё во время посещений поэтом брата в петербургском пансионе. 16 сентября 1826 года Пушкин, Мельгунов, Соболевский и Погодин приехали на Девичье поле в Москве, где участвовали в большом народном гулянье. 29 апреля 1830 года Пушкин был с Мельгуновым и другими приятелями на новоселье у М.П. Погодина, где они написали коллективное письмо С.П. Шевырёву в Италию. Вместе с тем же Шевырёвым, а также с В.П. Титовым Мельгунов переводит книгу В.Г. Вакенродера «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного», послужившую эстетическим манифестом нового направления.

Парадоксально, но к творчеству своего доброго знакомого Александра Пушкина Мельгунов относился весьма требовательно и даже критически. Так, историк литературы А.И. Кирпичников обнаружил, что в письмах к Шевырёву (1831–1832 гг.) Мельгунов выражал свою неудовлетворённость поэзией Пушкина, критикуя драму «Борис Годунов» в целом и политические стихи («Клеветникам России», «Бородинская годовщина»). Эти оценки в значительной мере отражали идейное и эстетическое размежевание между Пушкиным и кружком «Московского вестника». Мельгунов увидел в «любомудрах» новую школу поэзии, идущую на смену пушкинской («Пора Пушкина прошла»; «На него не только проходит мода, но он явно упадет талантом»). Впрочем, это было, скорее, лишь настроение той поры. В последующие годы Мельгунов неизменно отзывался о Пушкине как о самом выдающемся поэте России, писал музыку на его стихи...

Между тем, служба Мельгунова в архиве продолжалась. В один день с А. Веневитиновым он был произведён из актуариусов в переводчики. Работая с документами, ливенский уроженец стал одним из первых в России библиографов, более того, одним из лучших знатоков новейшей библиографии. И карьеру свою закончил в должности помощника библиотекаря (по нынешней иерархии: заместитель директора библиотеки).

Какие пути лежали тогда перед тридцатилетним гуманистом, полным сил и замыслов? К примеру, с младых лет в Мельгунове крепло стремление стать издателем журнала. Ещё в январе 1831 года он получил от министерства народ-

ного просвещения разрешение на издание в Москве журнала «Журналист». В конце 1832 года, намереваясь приступить к изданию, он подал прошение в московский цензурный комитет «о перемене названия и программы не в сущности, а в форме, по плану, приложенному к поданному им прошению». Тогда московский цензурный комитет (отношение от 14 декабря 1832 года за подписью члена комитета Ивана Снегирёва), запросив архив министерства иностранных дел о личности Мельгунова и «о способности издателя выполнять принимаемую им на себя обязанность, также и о нравственной его благонадёжности». Хотя архив и был исстари одним из центров московской образованности, всё же категорический запрос цензурного комитета поставил его в затруднительное положение, и он поспешил списаться с Петербургом. 19 декабря 1832 года идёт из него бумага в департамент хозяйственных и счётных дел, сущность которой в следующих словах: «Архив хотя и аттестует г. Мельгунова как чиновника весьма способного в службе и поведения отлично-хорошего, но, не находя себя ни в праве, ни в возможности принять ответственность ручательства в издании журнала, покорнейше просит департамент хозяйственных и счётных дел, по новости сего случая, довести сие обстоятельство до сведения высшего начальства». Письмом от 30 декабря 1832 года департамент хозяйственных и счётных дел министерства народного просвещения рекомендовал архиву ответить московскому цензурному комитету, что «начальство не может принять на себя ручательство за издаваемые подчинёнными его журналы и тем подвергает себя ответственности в деле, для него совершенно постороннем», и советовал препроводить в комитет формулярный список.

Пробовал свои силы Мельгунов и в изящной словесности. Как беллетрист он был известен главным образом повестями и путевыми очерками. Был и автором исторического романа «Тьма и свет», героями которого стали просветитель Николай Новиков, молодой Карамзин, митрополит Платон. Мельгунов умел легко и приятно высказывать серьёзные мысли, разнообразить наблюдения и описания довольно интересными набросками повестей, «по духу времени и вкусу» умеренно романтических.

В 1834 году, после запрещения журнала «Московский телеграф», здешняя публика широко обсуждала новый издательский проект прежних любомудров Шевырёва и Погодина, задуманный как идейное противодействие официозным журналам Булгарина, Греча и Сенковского. Либералы увидели в новом издании возможность выйти за рамки салонного бытования на широкое поле общественной деятельности. В результате было решено издавать «Московский наблюдатель» на акционерно-паевых началах.

В числе организаторов-пайщиков журнала был и Мельгунов, в декабре 1834 года писавший в Петербург М. Веневитинову: «С будущего года в Москве будет издаваться журнал под названием «Московский наблюдатель». Этот журнал предпринят несколькими литераторами, из числа которых: Баратынский, Киреевский, Павлов, Погодин, Шевырев, Хомяков, Языков и пр. Предложено также Одоевскому и Гоголю. Редактором журнала избран Андросов. Мы все – постоянные сотрудники, надсмотрщики и участники... Капиталу на основание журнала положено собрать двадцать тысяч. Тысяча подписчиков окупает издержки. Что сверх того, делится между денежными соучастниками. До сих пор собрано более десяти тысяч. Мы все вносим по тысяче».

Общественно-литературная позиция журнала определилась с первого же номера, вышедшего в марте 1835 года.

Открывавшая издание статья Шевырёва «Словесность и торговля» указывала на пагубность «торговых», коммерческих оснований для подлинной, высокой литературы, в патетических тонах протестовала против превращения Сенковским, Булгариным и Гречем литературных ценностей в ценности рыночные. В конце мая 1835 года Мельгунов сообщал Шевырёву из Петербурга о встречах с Пушкиным у П.А. Вяземского и В.А. Жуковского и разговоре об условиях участия Пушкина в «Московском наблюдателе». Обещали ему участвовать Одоевский и Соллогуб. А ещё этот журнал вошёл в историю русской литературы тем, что здесь печатались стихи ещё никому не известного воронежского прасола Алексея Кольцова...

Кстати, нам известны песни и романсы Мельгунова на слова А.С. Пушкина (прежде всего романс «Я помню чудное мгновенье», 1832), Е.А. Баратынского, А.С. Хомякова, Н.М. Языкова, А.А. Дельвига, Ф.И. Тютчева. Проявился интерес к музыке в юные годы, когда познакомился в пансионе с Михаилом Глинкой. Мельгунов вспоминал позднее о своём друге: «В длинные зимние ночи, в летние петербургские сумерки он предавался полёту свободной импровизации, отдыхал за нею от головоломных занятий, от забот ученических. В этих звуках, дрожащих восторгом, высказывал он свои детские мечты, и свою томную грусть, и свои живые радости».

Мельгунов издавал произведения М.И. Глинки, организовывал открытые музыкальные собрания, где исполнялись произведения Глинки и других русских композиторов. Налаживал музыкальные связи России и Западной Европы, был верным спутником Глинки в его зарубежных поездках.

Самобытность русской музыки, по убеждению Мельгунова, должна состоять не в утилизации (характерное слово тех лет!) русских народных мотивов, а в соединении характерных черт итальянской, немецкой и французской музыки. Его перу принадлежат музыковедческие труды о творчестве Бетховена, Берлиоза, Вагнера. Свои музыкальные произведения он посылал И.С. Тургеневу для Полины Виардо.

В 1836 году Мельгунов уехал в Германию и Францию, где ему предстояло провести значительную часть жизни. Впрочем, и Россию не забывал. Мельгунов регулярно участвовал в знаменитых московских обедах в память Дмитрия Веневитинова, осенью 1837 года в Петровском работал над путевыми заметками о заграничных поездках, а летом 1842 года Шевырёв писал А.В. Веневитинову: «Мельгунов поехал по деревням своим. Он стал молодцом хоть куда. В сентябре вы увидите его проездом». Отзвуки «чернозёмных событий» внимательный читатель найдёт во многих произведениях Мельгунова. Так, действие повести «Свидетель» происходит в воронежском селе Дмитриевское: барыня взяла в любовники дворового и с ним задушила больного мужа. Свидетелем убийства оказался трёхлетний сын, который впоследствии и уличил мать и её сообщника...

За границей Мельгунов изучал немецких мистиков, философию и историю церкви, славянские древности. Следил за жизнью Московского университета. Вместе с Генрихом Кёнигом перевёл на немецкий язык «Записки сумасшедшего». Будучи связан с Н. Ленау, Ф. Грильпарцером, К.А. Фарнгагеном фон Энзе, Мельгунов способствовал развитию литературных связей России и Западной Европы. Дружил со знаменитым профессором Якобом Гримом (тот знал многие славянские языки и читал по-русски), передавал для него новые книги из России. Мельгунов первым дал Германии, а через неё и остальной Европе, «здравое и независимое, честное представление о нашей литературе, а русских писателей вводил

в круг идей Запада». Однако один из творческих замыслов на этом благородном пути в итоге стоил ему очень и очень дорого...

В 1837 году в Германии вышла книга Г. Кёнига «Literarische Bilder aus Russland» («Очерки русской литературы»), написанная им на основе бесед в Ганау с Мельгуновым (частью под его диктовку). Книга эта впервые в широкодоступной форме познакомила европейского читателя с главными представителями новой русской литературы и сыграла значительную роль в её популяризации за рубежом. «Очерки...» были первым полным обзором русской литературы на немецком языке, в котором вместе с историческим очерком содержалось и подробное описание её современного состояния.

«Получив известия о смерти Пушкина, – писал Кёниг, – западный читатель с удивлением обнаружил, что Россия может «в своём холодном климате производить людей с душою, способною к высокой поэзии». По Кёнигу, благодаря тому, что немецкая литература «сменила в России французскую и пустила крепкие корни», наступил новый виток в развитии юной русской литературы. Литераторы начали изучать немецких эстетиков и «критиков шеллинговой школы», молодое поколение «ищет философского основания этих направлений немецкого духа». Немецкое влияние привело к появлению «поэзии содержания»: Веневитинова, Хомякова и Бенедиктова. О стихотворениях Дмитрия Веневитинова Кёниг отзывался высоко: «соединили в себе глубокую мысль Гёте с юношеским одушевлением Шиллера». Веневитинов был, по мнению автора, «проницательный» и «глубокий» мыслитель: «прекрасный, стройный юноша. Его высокий лоб, прекрасные, выразительные черты лица <...> имели нечто внушающее и привлекательное».

По мнению автора, немецкую философскую и литературную традицию привносят в русскую культуру писатели-аристократы. Аристократизм определяется «не случайным рождением, а образованием и талантами», «тонкостью вкуса» и «приличием в тоне», которые писатели переносят «из своего общественного положения на свои сочинения».

В полемике с этим направлением сформировалось «плебейское» направление русской литературы, возглавляемое Н.А. Полевым, которое породило журнальный триумvirат Греча-Булгарина-Сенковского. Эти литераторы работают за деньги, и литература превращается в фабрику. «Перевес литературной промышленности над истинными литераторами». Промышленники пишут по 90 листов в месяц, а истинные – 90 строк в год.

Примечательно, что на фоне в целом благожелательного отношения Кёнига к русской литературе отзыв о журнальном триумvirате резко выделялся по тону. Творчество этих трёх названных авторов было попросту выведено за рамки настоящей литературы: «Таких людей должно почитать за нечто меньшее, чем писатель, и большее чем просто журналист». Эти литераторы «приобрели благосклонность публики единственно своим счастьем или ловким шарлатанством». Их монополия на литературном рынке привела к тому, что русские журналы стали кладбищем русской литературы. По мнению автора, Греч, Сенковский и Булгарин одобряют всё, «касающееся низших сил природы человеческой», и насмехаются над тем, что относится к «духовным, высшим ее потребностям».

Подобный отзыв о журнальном триумvirате и, в частности, о печально известном Булгарине входил в резкое противоречие с тем, что до сих пор писалось об этом литераторе на немецком языке. Кёниг подчёркивал: «сочинения Булга-

рина пользуются незаслуженным счастьем быть известными через переводы» и иронично пояснял, откуда они берутся: «известно, что Греч и Булгарин <...> не прочь были и сами отличиться некоторым патрицийским покровительством, и держали у себя на службе некоторых бедных французов и немцев, которые с охотой переводили мастерские произведения своих меценатов».

«Очерки...» имели успех в Европе: книгу переиздали в Германии, перевели на чешский и голландский языки, во французских и английских журналах были помещены подробные рецензии (имелись также сведения о переводе книги на французский и датский языки). Именно благодаря этой книге за пределами России начал распространяться критический взгляд на булгаринское творчество. Если в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза (1832) о нём писали как о «величайшем русском писателе», в то время как Пушкина называли «многообещающим поэтом», то в «Лексиконе» Отто Виганда (1839) сведения о Булгарине приводились уже по книге Кёнига. А в 1843 году в новой книге о русской литературе Г.-В. Вольфсона Булгарин характеризовался уже как автор плохих романов, который «понимает только низшую сторону жизни».

В России недоброжелатели объявляли Кёнига и Мельгунова нечестными и неблагодарными людьми. Кроме того, Мельгунова обвиняли в антипатриотизме. В Германии сразу после выхода книги началась бурная полемика на фоне событий 1835 года, когда были репрессированы писатели, близкие к «Молодой Германии», и Союзный сейм запретил их сочинения. Накануне приезда в Германию в 1840 году наследника престола великого князя Александра Николаевича вышли две брошюры Греча, направленные против «Очерков...».

Греч писал, что ни один немецкий журнал не принял от него критической статьи по поводу книги, написанной в духе младогерманцев. «Мельгунов, – подчёркивал он, – намеренно издал книгу на чужой территории, чтобы скрыться от ответственности за оскорбления», нанесённые Булгарину и Гречу. «Разоблачений» было множество: Мельгунов в своих беседах с немецким автором якобы не вспомнил всех литераторов земли Русской, утверждал, что «Екатерина была несправедлива к Радищеву», авторы называли Рылеева поэтом-гражданином (Греч: «хороших граждан не вешают»), Пушкин-де не ожидал в 1826 году ссылки и т.д. Завершался сей опус самовосхвалением Греча и одой Булгарину.

Кёниг отвечал на все выпады в свой адрес и в журнальных статьях, и в отдельной брошюре, где сочинения Греча назвал доносом, а Булгарина объявил своим личным врагом. В защиту Кёнига выступал и К.А. Фарнгаген фон Энзе.

В России ни Греч, ни Булгарин не участвовали в открытой полемике с книгой Кёнига, чтобы не способствовать её большей известности. Они жаловались в III Отделение и пытались добиться цензурного запрещения продажи крамольного издания в России. Но иногда и в русской печати появлялись мимолётные отклики. Так, например, Греч благодарил издателей выходившей в Берлине газеты «Магазин иностранной литературы» за то, что они вступились за «нашего литератора, Ф.В. Булгарина, обнесённого каким-то г-м Кёнигом, издателем литературного пасквиля под названием «Литературные очерки России» <...> Издатели «Магазина» опровергают слова г-на Кёнига, и говорят, что ему стыдно самому, не зная по-русски, повторять клеветы своего русского суфлёра г-на Мельгунова».

Мельгунов поначалу надеялся на то, что скоро в России будет опубликован перевод книги Кёнига, сделанный Вязем-

ским, который внесёт все необходимые поправки и уточнения. Мельгунов дважды пытался ответить на выпады Булгарина в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», но цензура не пропустила его статей. Не преодолев запретов, на собственный счёт издал брошюру «История одной книги», которая в 1839 году рассылалась вместе с № 4 «Отечественных записок». Мельгунов подчёркивал здесь крайне важное значение книги Кёнига для распространения в Германии истинно талантливой русской литературы. Однако в результате вмешательства цензуры в текст имени Булгарина и Греча не упоминались, читатели предложили смягчённый вариант: «некоторые из русских литераторов, которым правда глаза колола, находили эту книгу несправедливую и пристрастную».

Как раз в то время, когда брошюра Мельгунова находилась в цензуре, Греч и Булгарин подали очередную записку в III Отделение, в которой, кроме обвинений Мельгунова в аморальности, звучали и политические – в близости Мельгунова и Кёнига к движению «Молодая Германия»: «Мельгунов, московский учитель <...>, отправился за границу и там, при помощи одного писателя либеральной шайки, которая мутит и тревожит Германию (Генриха Кёнига), сочинил и напечатал пасквиль <...> Особенно всю месть и злобу свою г. Мельгунов излил на Булгарина. <...> он назван подлецом, изменником, шпионом, приговорённым к смертной казни (это преувеличение, Мельгунов такого не говорил. – А.К.) <...> Просим всепокорнейше подвергнуть сие дело исследованию: спросить у Мельгунова, действительно ли он, обойдя цензуру своего Отечества, которою ограждается личная честь граждан, продиктовал этот пасквиль Кёнигу. Если он отречется от сего, то заставить его напечатать о том объявление, с подписанием своего имени, во всех германских газетах, и тем возложить ответственность на Кёнига <...>; если признает себя соучастником, то подвергнуть его законной ответственности и суду как лжеца и клеветника».

После выхода брошюры Мельгунова обвинения в политической неблагонадёжности авторов «Очерков...» только усилились. Булгарин жаловался шефу жандармов Л.В. Дубельту: «На меня печатают пасквили за границею, наполняют эти пасквили самыми якобинскими идеями и оскорблениями противу правительства и лица Государя, и этот пасквиль, т. е. книга Кёнига о русской литературе, допущена в продажу в России <...>, тогда как Мельгунов, суфлер Кёнига – невинен!».

Хотя ареста не последовало, нападки сильно действовали на Мельгунова, у него появилось стойкое отвращение к «журналистике». С горечью он говаривал порой: «Матушка Россия и сиротка литература русская». И всегда вспоминал о том, как самоотверженно боролся Пушкин с пресловутым триумvirатом. Мельгунов даже подобрал образное сравнение, чтобы собеседнику был сразу понятен образ поэта и воина: он, подобно трудолюбивым колонистам Северной Америки, «одной рукой возделывал поле, а другой защищал его от набега диких».

Конечно же, судьба и деяния Пушкина вдохновили Мельгунова на полное гражданственности и оптимизма определение сути русского писателя: «Он должен быть, конечно, человек с талантом, но при том и ещё более – человек с твёрдым убеждением, с крепкой волей, с душою чистою. Он больше, чем писатель... От него требуют не одного дарования, но и благородства; надобно, чтобы слово его, которое имеет всю важность поступка, могло, как поступок, быть подвергаемо суду мнения и смело выдерживать его критику».

После изнурительной борьбы с Гречем и Булгариным Мельгунов стал куда реже приезжать в Россию, да и с тех пор практически никогда не подписывал публикации своим именем, а обычно псевдонимом «Н. Ливенский» и производными от него (Н. Л-ский и Л.). Как точно подметил А.И. Кирпичников, «его объявили умершим как раз на середине его литературной карьеры, за 27 лет до его действительной смерти, и, сколько знаю, такие преждевременных похороны не вызывали ни с чьей стороны возражения». «Очерки русской литературы» в русском переводе появились лишь четверть век спустя, в 1862 году...

Когда в 1842 году произошло окончательное размежевание западников и славянофилов, Мельгунов в накалённой идеологической обстановке пытался выступить примирителем противоборствующих мнений. Он поддерживал дружеские отношения как с «западниками» (П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский), так и со «славянофилами» (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков), более того, Грановского называл в числе чистых и благородных людей, даровитых, много сделавших и «ещё более обещающих». Мельгунов сотрудничал как в «Москвитянине», так и в «Отечественных записках» и обновлённом «Современнике». Себя он считал изгнанником, не принадлежащим ни к одной из партий, и говаривал славянофилам: «Вы для меня алхимики, ищущие золота в русской истории. Золота вы не найдёте, но набредёте на много хорошего и дельного, и, главное, пробудите в русских жажду самопознания».

Мельгунову был не по душе вечный спор в стане русских литераторов, он писал по этому поводу: «Мне тяжело видеть какой-то разлад между литераторами и дух исключительности, вследствие усиливающейся склонности к кружкам. Рад я, что сам не принадлежу ни к одному приходу и держал себя независимо от партий. Плохо отказываться от независимости своих убеждений ради такого или такого общественного лозунга; вдесятеро хуже играть ими и своей свободой из-за приходских интересов. Роль благочинных, попов и причта, право, не к лицу писателям».

Наверное, кто-то видел в этой примирительной позиции Мельгунова не что иное, как всё ту же старорусскую маниловщину. А один из исследователей его биографии сказал очень тонко, для понимающего читателя: «Мельгунов в личной жизни представляется мне типичным русским интеллигентным дворянином 40-х годов, ближайшее знакомство с которым может послужить прекрасным комментарием к романам и повестям Тургенева».

Петербург Мельгунов именвал северным Вавилоном. Он горячо поддержал первый роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (1846) – «одно из украшений современной литературы нашей». Мельгунов был сторонником не уничтожения, а уравниения собственности, сторонником в первую очередь религиозной благотворительности. Примечательно, что и в политику он шёл через... литературу: мечтал написать большой роман, а себя вести старался так, как подобало бы герою этого романа, – отсюда не ослабевавшая дружба с Герценом, который обосновался на чужбине. Роман должен был повествовать русскому читателю не только об отношениях западников и славянофилов, но о том, что в России должна появиться третья, высшая партия, которая примирит и тех и других. Это и была его главная идея – примирить непримиримых. Он писал: «Не Запад гниёт, а Восток процветает, но и на Западе и на Востоке одна часть народа, и самая значительная, носит в себе возможность возрождения и великого будущего, а другая, меньшая часть, действительно, гниёт и идёт к своей

погибели <...> Чем больше я знакомлюсь с крестьянами, с народом разных стран, тем более общего нахожу между ними <...> Сколько здесь (среди крестьян Нормандии. – А.К.) простоты, чистоты нравов и сердечности».

Мельгунов, судя по «Письмам с дороги», считал русского мужика практичным и ловким, неискренним (с помещиком), осторожным и насмешливым до крайности. Публицист был убеждён в том, что с крестьянами нетрудно сладить и сговориться и «без посторонних внушений», но не надо торопиться: «Только ради Бога, поменьше принудительных мер и побольше знания человеческого сердца, да в особенности русского сердца, ума, привычек, приёмов». Критиковал помещиков за их некультурность, отсутствие инициативы, поголовную «обломовщину».

Народу же, по Мельгунову, нужно просвещение, а не простая грамотность. Он негодовал по поводу запрещения «Современника» и «Русского слова», мечтал о журнале для народа, о дешёвых народных изданиях. Летом 1861 года Мельгунов вместе с С.Т. Славутинским (Уроженец Черноземья Степан Тимофеевич Славутинский (1821–1884) был старшим чиновником особых поручений при рязанском губернаторе, уйдя в отставку, стал известным публицистом – активный сотрудник «Современника», друг Н. Добролюбова. Однако радикальных убеждений лидеров «Современника» до конца не разделял, скорее, был демократом-просветителем.) составил брошюру для крестьян (не была издана, видимо, из-за цензурных препон).

Автор был убеждён в том, что в России общинное начало из-за истощения земель неминуемо будет ослабевать и уступит место частной собственности. Но «крестьянский мир» не исчезнет вместе с общинным владением – по мысли Мельгунова, на его место придёт артель.

К тому времени свои имения он уже продал – не хотел быть крепостником. Жил на гонорары, письма к редакторам униженно подписывал «Ваш батрак». Нищета одолевала в последние годы жизни. Добавим и то, что несмотря на обилие друзей, на женитьбу (это был поздний брак с иностранкой), Мельгунов в сущности всегда оставался очень одиноким человеком...

Умер Николай Александрович Мельгунов в Москве 4 февраля 1867 года. Газета «Голос» писала вскоре после его смерти: «Мельгунов был именно литератором, он жил всегда в кругу литераторов, был ими любим и уважаем, его мнения узнавали писатели всякий раз, когда хотели своё произведение в свет, и мнение это всегда было верно и основано на художественном чувстве, которым Н.А. обладал вполне... Мельгунов до конца своей жизни был идеалист и поэтизировал самые простые явления жизни».

О Мельгунове мало кто вспоминал на протяжении трёх десятилетий. Однако его позиция примирителя показалась достаточно значимой для предреволюционной русской интеллигенции, которая «отзывалась на умственные запросы времени». Уже упомянутый здесь уроженец Орловской губернии, историк и филолог, член-корреспондент Академии наук Александр Кирпичников, отложив в сторону все иные заботы, занялся разбором давнего архива Мельгунова. В итоге сложилась небольшая монография о творчестве и судьбе забытого земляка – её опубликовали в «толстом» журнале, а затем, в 1903 году, и в книге об истории русской литературы. Так всего за два года до первой революции «неуклюжий и медлительный» Мельгунов вновь испытующе обратился к читателю с вопросом: «Куда спешишь, новое поколение? Что ждёт нашу Россию-матушку завтра?»

Татьяна ГРИБАНОВА

С Н Е Б А Г Л Я Д Я Т О Б Р А З А

Старый дом на горе,
голубыми поющие сени.
Как веками велось,
на Божнице – Спасителя лик.
Здесь когда-то надеждой
так густо дышали сирени,
и созвездия счастья
плескал сквозь купавы родник.

На столе – самовар,
бузиною начищен до блеска...
Жизнь, как день, отцвела,
вечер выпит до дна.
По привычке рядом –
птицы райские на занавесках,
Только нитки поблёкли,
а солнце затмила луна.

Старый дом, где слышны
по ночам моих пращуров речи...
Всё наследство –
три карточки да полинялый рушник.
Только нет им цены,
как навеки утраченной вещи...
Ведь предать память сердца –
засыпать землёю родник.

НА СТРАСТНОЙ

Опять залоснятся
блинами с припёком проталины.
Заварится каша на талой,
нашёптанной ветром воде.
И всхлипнут сосульки,
сорвутся на плачи прощальные.
Потянется к северу
вслед за метельной судьбой
свиристель.

И вербонька птицей
над крышей вспорхнёт золотистая.
Захочет душа распрямиться
во весь предначертанный рост.
Вглядишься в себя,
словно в зеркало,
пристально-пристально.
И станешь налаживать с Господом
рухнувший в паводок мост.

Поле родное,
Суглинные прошивы,
Блудную дочь не отринь!
Грешной душою,
До нитки изношенной,
Пью твою горечь-полынь.

Чертополох,
Словно жало смертельное...

Что ж ты не взвыла, душа,
Или ослепла? –
Засеялась ельником
Торная деда межа!

Каюсь... рыдаю...
Нет силы, нет моченьки
Глаз от стыдобы поднять –
Выстыли поля
Пречистые оченьки...
Что в оправданье сказать?

Памяти матери

1

Ах ты, горе моё луковое, стинь, –
На все стороны такая благодать!
Обронила по заре косынку в синь,
Проросли по ней купавы – не собрать.

Ах ты, дождик, вдоль просёлка пыль прибей.
Что ж ты вызрела до срока черемша?
Клонит, стелет кисти поземи кипрей,
Манит в травы перепёлочка птушат.

Косяками, лебедями облака...
Ах, за ними не угнаться, не поспеть!
Бабью долю смысла времени река,
Зацепилась лишь косынка за повесть.

2

Ласковый ветер в июньском просторе.
Стёжка хлебами спешит.
Хутор заветный. Две груши на взгорье.
Радуга нижет зенит.

Сеет обочиной лютики лето.
Если пройти через мост,
То сквозь гирлянды берёзовых веток
Выкрестят дали погост.

Мама, в оградке твоей земляника
Сплет... Сирени окрест.
Не оттащить, обвила повилика
Прозеленившийся крест.

Где-то кукушка... как ходики тикает,
С неба глядят образа.
Светлою-светлою, тихою-тихою
Полнятся грустью глаза.

НАКАНУНЕ

Раскатилась солнца колесница.
Вербная пыльца – за край небес.
Ангелы Господни медуницей
Спозаранку причащают лес.

И душа кропится Горним светом,
Переворотив житьё-бытьё,
Словно мытарь, в рубище одета,
Верует: воскреснет, запоёт.

* * *

«Что ж ты всё о погостах, плетнях да ракигах? –
Говорят мне, – о важном, о главном пиши».
Ну, а я вот опять – о просёлках, дождями размытых,
О прогорклой судьбе земляков из глуши,

О ветрах на подворьях, заброшенных, страшных,
О полях, где ордою встаёт борщевик.
Всё – о русской деревне, а значит, о самом, о важном.
Так же важным, как Русь, как родимый язык.

ДОМОЙ

Стрепет парит над полями неброскими,
Берёзовая городьба...
Сёла, просёлки, деревни Орловские –
и жаль вы моя, и судьба.

Голосит ли кто над полынным угорьем?
Земли завдовевшейся зов?
Глядятся мне в душу пустые подворья
очаи Святых образов.

Здесь – корень. Здесь прадед мой, лыковый лапоть,
свой век за сохой вековал.
Отец здесь ржаного чуть кислую мякоть
на всех от краюхи ломал.

Ах, времечко-стрепет! И не оглянуться...
А в детстве тянулась кудель!
«Катилось, катилось яичко по блюдцу», –
бабуля вила повитель...

Холмы. И до неба, до Бога, – дорога –
рушник из замашных заплат.
Да стрепет парит над курганом положим
в отцветший геранью закат.

Отцу

Не таи обид на страничку, меня,
пред тобой, отец, всегда, как на духу.
В дом наш старенький, с гераньками в сенях,
я, как в юность, возвратиться не смогу.

Как живёшь, неисправимый Дон Кихот,
в окружении несчитанных ветрил?
«Под лежащий камень речка не течёт», –
помню... помню, ты всегда мне говорил.

И, бывало, хоть усталость валит с ног,
по трёхрядочке пройдёшься сверху вниз
да затынешь про Самару-городок,
а ещё про то, как любишь эту жизнь.

Не потёрлись ли у «ливенки» меха?
Так же в лад ей подпевает старый пёс?
И всё так же в серебристых петухах
по заре пылают окна на мороз?

А под Сретение, ислевав метель,
задыхаясь от предчувствия весны,
так же грозди осыпает свиристель,
словно детские, мои роняя сны?..

Не кори, отец, итак на сердце стынь.
Не забыть вовек мне твой горячий взгляд,
Не запить просёлка знойного полынь...
Захотела б – не сыскать пути назад.

* * *

Шалфейником, липовым цветом
пропах мой заветшалый дом.
Вчера забытые газеты
сквозняк листает под окном...
А там, по кромке палисада,
лишь только руки протяни,
последних тёплых дней отрада –
настурций радостных огни.
И дальше там, в лугах, отава
бежит раздольем во всю прыть,
и ласточки у переправы
прядут серебряную нить.
Вдруг этой ясной светлой ранью,
спросонья спутав явь и сон,
заворюжусь твоим дыханьем,
почувяв рук родных полон...

Ты – окольцованная птица!
К чему же сны? Который год
вдали от всех моих провинций
с другою жизнь твою течёт.
Нам так мучительно, так редко
судьба дарует быть вдвоём...
Знать, оттого перед рассветом
Виденья счастья полнят дом.

РОМАНС

Снова грай за окном – дожидаются птицы отлёта.
И листвой укрывает сентябрь города.
Дым осенних костров слаще самого сладкого мёда...
Терпкий вкус твоих губ не забыть никогда.

Может быть, оттого обхожу стороною вокзалы.
Корабли – не мои, не мои - поезда.
Даже вечности мне, а не лета блеснувшего мало...
Но не встретимся мы никогда, никогда.

Ни к чему мне одной недопетые августом песни.
Как сквозь пальцы дожди – дней пустых череда.
Пожалей, не пиши обещаний напрасных, будь честен.
Нам не встретиться снова с тобой никогда.

На душе – ни обид, ни упрёков, ни капли укора...
И – ни крохи надежды! Одна маята...
С глаз долой – вон из сердца!
Не вспомнишь ты имени скоро...
Только я не смогу без тебя никогда.

Михаил КОНЬШИН

ДЖУМБО

Таинственный дар

Часть вторая. СЛЁЗЫ СИРАКЛИЗ

(Современная сказка для детей и для взрослых)
Отрывок

В один из дней, когда Боб отправился в свою комнату на послеобеденный отдых, бабушка Диана, как обычно приготовила ему кровать и подошла к окошку, чтобы задернуть штору и открыть наружную форточку для притока свежего воздуха. Едва она успела это сделать, будто лёгкий ветерок тронул край занавески. И тут же в доме моментально стало темно, точно его накрыли тёмным-претёмным копаком. И вслед за этим наступившую темень раскрасили тонкие и колючие стрелы, красные, жёлтые, зелёные, сверкающие как молнии, и извивающиеся, словно змеи.

Ни бабушка, ни Боб даже не успели ничего сообразить. Бабушка так и замерла у окошка, не в силах двинуться с места или что-то произнести. А Боб, как сидел на кровати, так и остался сидеть, открыв от удивления рот.

В следующее мгновение они увидели человека, укутанного то ли в простыню, то ли в какой-то балахон с капюшоном на голове. Он стоял посреди комнаты, озираясь по сторонам, как загнанный зверь, готовый к прыжку. Боб вспомнил: именно его он видел неделю назад в театре, куда пришёл с этим самым букетом, чтобы показать его отцу. В тот день в театре тоже случилась точно такая же штука: стало темно, и только букет, который

он держал в руке, излучал такие же разноцветные импульсы и расцвечивал темноту.

Незнакомец, неведь как оказавшийся в комнате Боба, по всей вероятности, явно не ожидал ничего подобного. Он вертел головой, видимо, соображая, что делать дальше, затем кинулся к двери, ведущей внутрь дома, но тут же отпрянул назад, как будто его ошпарили кипятком. Потом грязно выругался, прыгнул к окну, грубо оттолкнул от него Диану и, ударив стекло ногой, разбил его и выпрыгнул вниз со второго этажа. Больше его не видели.

Через минуту, когда в доме снова стало светло, Боб подошел к окошку и, отодвинув створки, посмотрел вниз. Там никого не было, только осколки битого стекла рассыпались по траве. Во дворе было тихо, полетному ярко светило солнце, в саду беззаботно заливались птички, и ничто не напоминало о происшествии в доме.

– Боренька, это что же такое случилось? – пришла, наконец, в себя Диана. – Я чуть не умерла со страху! А с тобой всё в порядке? Ты не пострадал? Я очень за тебя испугалась.

– Нет, он меня не тронул, – как-то уж очень спокойно ответил Боб. – Он меня боится.

– Кто это он? Этот страшный бандит, который пробрался в наш дом? Произнося эти слова, Диана подошла к внуку и прижала его голову к себе. «Что ему нужно от нас? Он что, хотел нас ограбить?» – задава-

ла она вопрос за вопросом, впрочем, не рассчитывая получить на них хоть какой-нибудь ответ.

– Он ищет денежку, которую у него отняли, – ответил Боб, направляясь к двери, ведущей из спальни в гостиную. – Ну, ту девочку, которая стала монетой.

В эту минуту Боб даже не сообразил, что произнёс что-то лишнее. Ведь ни мама, ни бабушка знать ничего не знали о тех событиях, в которых Бобу пришлось участвовать. Последствия этой его неодуманно брошенной фразы были самыми печальными.

Пойдя в гостиную, Боб направился прямо к букету. Вокруг него ещё кружило едва заметное тёмное облачно и редкие слабые сигналы, словно миниатюрные молнии, затухая, ещё пульсировали в пространстве.

– Боренька, что это? – слышался за спиной голос Дианы. – Я ничего не понимаю! Может, ты мне что-нибудь объяснишь? Почему от этих цветов отлетают такие колющие стрелы?

– Они не колющие, бабушка, не бойся, – с видом знатока ответил Боб. – Просто так надо. Я тебе потом расскажу. Потом. Этот колдун их боится.

Слова внука озадачили бабушку.

– Какой колдун? Что ты такое говоришь? – ещё сильнее заволновалась она. – Откуда у нас колдуны? Нам надо срочно вызвать полицию. Этого бандита, который залез к нам в дом и разбил окно, необходимо поймать.

– Не надо, бабушка, полицию, – Боб взял её за руку и просительно на неё посмотрел. – Его всё равно не найдут, потому что он улетел. Он всегда так прячется. Но мы его когда-нибудь обязательно поймаем и Злату освободим.

Станные речи шестилетнего внука не на шутку испугали Диану. До самого вечера она ни на шаг не отходила от Боба, то и дело трогала рукой его лоб, определяя таким нехитрым способом, нет ли у него температуры. Но внешне Боб был совершенно здоров, ни на лице, ни в его поведении не проявлялось абсолютно никаких признаков заболевания. Больше того, он сделался весёлым и важным, то и дело возвращался в гостиную, смотрел на букет и, кажется, даже пытался с ним разговаривать.

Всё это вконец сбilo с толку Диану, она не выдержала и позвонила врачу. Врач приехал уже после того, как вернулась с работы мама. Диана, едва сдерживая слёзы, в картинках рассказала ей о том ужасном происшествии, которое случилось в их доме. Как неожиданно пропал свет, и отчего-то стало темно, будто ночью. Как в темноте они увидели злодея, который прокрался в комнату, а потом в панике бежал через окно, выпрыгнув в сад со второго этажа. И о странной перемене в поведении Боба, произошедшей сразу после этой истории.

– Я очень испугалась за него, и потому решила вызвать врача, – призналась Диана, глотая успокоительные пилюли. – Он все время торчит в гостиной и не отходит от букета. А ещё я заметила, он при этом

что-то шепчет себе под нос. Рассказывает про каких-то колдунов, и что кого-то там надо скорей поймать. И ещё он собрался куда-то ехать, – прикладывая пла-ток к глазам, сообщила Диана.

Про колющие разноцветные молнии, летавшие в темноте по всему дому, Диана почему-то не сообщила, может, в этот момент она просто забыла о них.

Вскоре приехал доктор, белокурая немногословная женщина с красным чемоданчиком в руках. Но с Бобом она возилась недолго.

Пощупала пульс, измерила давление, посмотрела язык и горло, затем спросила, как он себя чувствует, и, получив в ответ бодрое «лучше всех», засоби-ралась уходить.

– Мальчик совершенно здоров, – сказала она на прощанье. – Для волнения нет никаких оснований.

– Но как же! – отчаянно всплеснула руками обескураженная бабушка Диана. – Чем вы тогда объясните, что он разговаривает сам с собой? Рассказывает про каких-то колдунов?

– Не разрешайте ему долго сидеть за компьютером и больше гуляйте на свежем воздухе, – посоветовала детский врач, скрываясь за дверью. Мама Боба вышла её проводить. Уже на улице она осторожно взяла доктора за руку и тихо спросила:

– Скажите, а это происшествие никак не отразится на его психике? Он же ребёнок и мог просто испугаться того негодяя?

– По-моему, больше всего напугана его бабушка, – улыбаясь, проронила врач. – Мальчик просто воспринял это, как игру, забавное приключение. В его возрасте дети любят фантазировать, вот и выдумывают для себя разных колдунов и прочих сказочных типов.

Но, похоже, такой ответ маму никак не устроил. Вернувшись в дом, она усадила Боба возле себя на диван и стала настойчиво спрашивать, что он видел и чувствовал, когда вор оказался в его спальне.

– Он приходил не ко мне, – улыбаясь, отвечал Боб. – Я же говорю: он искал денежку. Он сначала её украл, а потом мы снова её нашли. Она теперь у дяди Алекса, это же его дочь. Мы с ней дружим, и она хочет, чтобы я с ней уехал в другую страну.

Мама слушала Боба, раскрыв от ужаса рот. Ничего подобного из уст ребёнка до сего времени ни разу не звучало.

– И где эта ваша денежка, которую сначала украл, а потом нашли? – продолжала мама свои расспросы. В каждом её слове теперь слышались недоверие и материнский испуг за ребёнка.

– Она живёт вот здесь, в моей ладони, – протянул Боб свою ладошку к маминому лицу. – Там появляется маленькое зеркальце, и она в нём сидит. Как в сказочном домике.

Бабушка, стоявшая рядом, от ужаса закрыла лицо руками. Она была уверена, что с внуком случилась несчастье, его детский ум не выдержал страшного испытания, иначе, чем другим объяснить эти его странные разговоры?!

Анастасия АГОШКОВА

И БУДЕТ ЛЕТО...

В издательстве «3-е ИЮЛЯ» вышла в свет вторая книга молодого поэта Анастасии Агошковой «И будет лето...»

Представляем некоторые стихи из этого сборника.

Сказка вторая

Там, где ночь целует небо,
ивам косы заплетая,
бродят рядом Быль и Небыль,
обойдя границы с краю.

Быль судьбой вполне довольна:
мир её стоит и будет
сотни лет стоять, вот только
в сказки там не верят люди.

Небыль длинными руками
открывает звёздный полог,
леших в чащи выпускает
и русалок в водоёмы.

Быль, на это хитро щурясь,
споря с младшею сестрою,
путает в траншеях улиц
всех людей, идущих строем
по своим домам с работы,
создаёт заторы где-то
на дорогах, гололёдом
обосновывая это.

Небыль расправляет плечи
и становится туманным
взгляд её: сидит на речке
чудо-юдо восьмиглавый,
восьмирукий, будто Шива...
И уже гадают люди,
что правдиво, что фальшиво,
будет сказка или не будет.

Мы с тобою точно знаем,
что бывает по-другому:
Небыль в небо выпускает
стаю огненных драконов,
Быль стирает все маршруты,
кроме самых безопасных.
Уживаются уютно
Небыль – в сказке,
Быль – не в сказке...

Там, где ночь целует смело
двух сестёр в прочнейшей связке,
сны твои рисуют небо –
общее в обоих царствах.

Три сказки для Алисы

(или «Маленькие сказки
для больших людей»)

Сказка первая

Над берегом скользит неясной тенью,
как будто выдыхая облака,
большой дракон по имени Арсений
и ищет, где же грань миров тонка
настолько, чтобы пересыпать звёзды
из мира, где людей и вовсе нет
в тот, где они нелепо и серьёзно
пугаются любых земных примет.
Ну например: перебежала кошка
дорогу им (так, просто заскучав).
Ну а дракон огромный – это точно,
как ни крути, к больницы и врачам.
А вот ещё примета: голубь, севший
на подоконник, мол, к дурным вестям
(дракон, аналогично залетевший
в квартиру вашу – видимо, к гостям)
И потому большой дракон Арсений
вздыхая, крепит звёзды к небесам.
А у людей проходит воскресенье,
им завтра надо быть к восьми часам
в местах где нет ни звёзд, ни даже сказок.
Дракон сердито крутит головой
и тень его, худа и долговяза,
на миг мелькнёт над старой мостовой.

Сказка третья

Пряча под крылами пепел,
перелётные жар-птицы
улетают и до лета
будут нам всего лишь сниться.
Южных стран снега не тронут,
там морозов не случится.
Ветер там горяч и молод:
забираясь под ключицы,
он песком сухим насыплет
в наши сны седое море.
Перелётные жар-птицы
вновь сливаются с прибором,
отражаются в закате
и в больших солёных волнах –
их до нас ещё докатит
ветер, что горяч и молод,
забираясь под ключицы,
обжигая нашу память...
Перелётные жар-птицы
скоро снова будут с нами.
Солнце собирает в стаи
Птиц с крылами золотыми
вот увидишь, снег растает,
будто сон, под утро схлынув.

Сколько холодам не биться,
обернутся по законам
перелётные жар-птицы
летом у тебя в ладони.

Здесь жара, а в каких-то трёхстах километрах – дожди.
Непривычно не думать о том, что дожди – у меня...
Я хотела б кричать в трубку "Жди, я приеду, жди!"
Я приеду конечно. Как раз на исход сентября.

Я приеду (и поезд вздохнёт, покидая перрон),
Я приеду (и лето молчит, покидая меня).
Ни один из оставленных мною когда-то домов
не откликнется. Только впустую слова отзвенят.

Да и слов то тех... Больше отчаянья и немоты.
Я приеду (хоть в пору в маршруты вписать "никогда").
У меня есть перрон, и стихи, и билеты. И ты...
И проносятся мимо, вздыхая по мне, поезда.

Алисе

Я просыпаюсь в три ночи, держу твою руку.
Мерю дыхание, как будто бы меряю пульс.
Окна зашторены. В комнате тихо и глухо.
Я ничего не боюсь.
Ничего не боюсь?
Вдох. Две секунды – и выдох. Тебе что-то снится.
Морщишься, мнешь одеяло, вздымается грудь.
Вдох. Две секунды – и выдох. Трепещут ресницы.
Я ничего не боюсь.
Ничего не боюсь?
Вот и вся жизнь у плеча – килограммов пятнадцать,
Вот и всё сердце, вся правда, вся радость и грусть.
Вновь закрываю глаза. И может так случиться –
Я ничего не боюсь.

Ничего не боюсь.

Руки твои целовать, как целуют крест
В церкви высокой добрые прихожане.
Если есть дом, то он из ста тысяч мест
В которых мы будем. И дом будет вместе с нами.
Не обретаем покой и не ценим мир
(всё создаётся сначала в любом вагоне).
Город под утро простужен, тосклив и сыр:
В нём всё случайность, кроме твоих ладоней.
Сколько ещё придётся пройти путей –
Это хранится кем-то в строжайшей тайне,
Только послушай: каждый свой новый день
Я измеряю нежным твоим дыханьем.

Все гении умерли рано, а я буду долго жить
в качестве компенсации за бесталанность.
Кукушка считает годы, лифт – этажи,
я всё считаю размеры написанной лжи
и капли воды из давно проржавевшего крана.

Ещё я считаю не встреченных мной прохожих,
дворовых собак и крикливых детей на площадках.
Считаю, что мы были так нестерпимо похожи,
вгрызаясь друг в друга, влезая друг другу под кожу...
И всё это было счастьем. Конечно, счастьем.

Мне сюда возвращаться – как выплывать из вод.
Наверху – ветви ивы, лодки и кислород...
Да никто не ждёт.
Все счастливые встречи случаются не со мной.
Мне сюда возвращаться несбывшейся, но живой:
по траве густой,
по людской молве – бессердечней тупого ножа,
что под ребрами проворачивают не спеша.
Я похожа на шар:
отпустили – и носит по высохшим проводам.
Если свесится нитка – конечно тебе отдам
и останусь там,
где оставила пять последних своих минут –
а в перронах нет смысла, если тебя не ждут
и не найдут
ни в тебе самой, ни в звенящих твоих словах,
ни в иных, прописанных кем-то другим правах,
позабывший страх.
Возвращаться сюда – как будто идти ко дну.
Измеряю привычную вроде бы глубину –
и тону.
Надо мной вода только бронзовых рыб вращает.
я всплываю, макушкой в рассвет врезаюсь,
и возвращаюсь.

Так любой из нас не находит места:
Во вселенной тысячи уголков.
Для кого останется наша честность,
Если каждый – заложник своих оков,
Идеально сделанных, по размеру –
Не слабеет цепь, не мешает звон.
Для кого останется наша вера,
Когда мы в себе её не найдём?
Изумляет лёгкость всеобщей казни –
Палачей не судят, вердикт не ждут.
Странный век похож на предсмертный праздник:
Заберись на стул. Затяни петлю.
Мирозданию становится слишком тесно.
Закрывай глаза, не смотри вперёд.

Так любой из нас не находит места.
И уже никогда его не найдёт.

Ночь разрывается пополам –
на часть, где светлее, и часть, где я,
на десяток писем с пометкой "спам",
на нехватку денег, часов, жилья,
на весеннее крошево сон-травы,
на подмётки, с которых слетает снег...
Не отмерь нам, Господи, ни вины,
ни одной из тысячи общих тем.

Эта ночь разрывается пополам,
Только я всё никак не пойму, зачем.

Людмила ИВАНОВА

Дорогой Алексей Афанасьевич!

(Неоконченная повесть)

Не знаю, как и поговорить с Вами на бумаге – теперь лишь мысленно, а ведь когда-то можно было пообщаться по-иному.

Когда мы прощались с Вами (до следующего свидания) – это было в Орле, когда мы: Вы, я и отец Игорь Гопанёнок только что вернулись из Болхова, где посетили старенькую внучку батюшки Георгия Коссова – Евгению Николаевну.

Вы говорили мне: «приходите ещё, пока на улице тепло, чайку в огороде попью, поговорим о том, сём ...», а я тогда что-то очень долго прособира-лась

– А когда собралась и пришла, то к тому времени Вас в Орле уже не было.

Как же я тогда расстроилась, всё думала как-нибудь поехать к Вам, но точного адреса Вашего в Орле никто из знакомых моих не знал. И вот, я сижу за письменным столом у окна монастырского, глядящего в пустые глазницы бывшего Болховского колхозного коровника и честно исполняю послушание матушки игуменьи Евфалии – в период её недолгого отсутствия: работать за письменным столом.

А матушка-то! Вчера было 22 Марта – день Вашей светлой памяти и матушка – то накануне этого большого дня (праздник – то какой большой) съездила к Вам на могилку, и я до сих пор нахожусь под этим впечатлением – даже записала что-то типа стихотворения в прозе и посвятила его Вашей светлой памяти.

Вспоминается наша самая первая личная встреча: накануне Благовещения Пресвятой Богородицы, за все-нощной, стоящие возле меня люди несколько раз на протяжении службы говорили о каком-то необычном старце, который одиноко живёт в хибарке – в домике садовом на какой-то усадьбе по соседству с Никольским храмом, а точнее, у старосты церковной Натальи, с которой я едва то знакома была.

В следующий праздничный день, идя на службу, после долгих размышлений, а именно: какой бы сделать подарок старику – из дома я захватила новенькие солдатские сапоги, идя через молочный рынок, что недалеко от

храма, по дороге купила огромную рыбину – горбушу, ведь на Благовещение разрешается вкушать рыбу и всё рыбное. Определив на время службы «гостинцы» в служебный домик, пошла в храм, отстояла Божественную литургию и, получив разрешение старосты Натальи посетить Алексея Афанасьевича (так звали старца), живущего у неё, отправилась в «путь».

Он оказался совсем близким, и вот я вхожу в полуоткрытую калитку указанного мне дома, девочка с крыльца рукою указывает в сад, где в цветнике, за грядками стоят несколько сплошь сарайчиков, и среди них выпирает садовыми окошками с дверью со стёклышками, завешенными старой тюлью, один, который и привлёк, естественно, моё внимание.

Подхожу робко, что-то беспокоит

внутри: пришла не званая гостья, а человеку может и не до чего.

Сетку с рыбой вешаю на растворённую дверь ближайшего впритык к дачке сарайчика, сапоги ставлю на землю. Тихонько стучу в дверь – ответа нет, решаюсь позвать по имени.

– Кто такая и зачем пришла? – слышен из-за затворённой двери голос.

– Я Людмила... из Орла.

– Ну и что? Зачем шла? Кто звал?

Я стою, совершенно растеряна и готова уже поворотить назад, но взгляд мой падает на сетку с рыбой ...

– Я вот рыбу принесла ...

– Рыбу? – это Наталья ...

Далее водворилась тишина, надолго.

– Да кто такая-то? Ведь не так просто шла то: чего сказать, спросить, видно надо, а то бы не пришла.

– Да нет ... Я не знаю зачем: услышала о Вас в храме – и пришла. Да ещё не только это... я в Спасо-Чекряке бываю часто – может Вам интересно?

– Зачем ходить экую даль, там ведь теперь никто не живёт.

– А у меня там свой интерес ...

– Это какой же ещё интерес-то?

И я «проснулась» будто:

– Я писательница, долго собирала материалы к образу сельского батюшки Болховского, протоирея Георгия Коссова, и не очень давно написала и издала о протоирее Георгии Коссове книгу под названием «Всех скорбящих радости». Вышла книга и 2000-м году, а в августе того же года, на поместном Соборе русской православной Церкви, протоирей Георгий Коссов был канонизирован (неожиданно для меня) во священноисповедники.

Говорю, а сама не открываю глаз от стёклышек за тюлью, где намечается явное движение... Затем чуть-чуть приоткрывается занавеска на одном из стёклышек, и за ним появляется любопытствующий серо-голубой глаз, а затем приоткрывается – сначала чуть,

а затем шире и шире – дверка и тоже чуть показывается узенькая полосочка человеческого тела, затем вперёд выдвигается босая нога в короткой оборванной штанине.

Я в это время перед ним ставлю на землю сапоги со словами: «Вот, батюшка, кирзовые, солдатские, сын Саша, когда из армии демобилизовался, купил у интенданта две пары солдатских сапог – одна пара вот достоялась до Вас...

И дверь распахивается настежь...

Со словами: «Да это не кирзовые солдатские, а настоящие яловые, офицерские!» – Алексей Афанасьевич подходит ближе, суёт в сапоги сначала правую, затем левую ногу.

– Ох, хороши, да в самый-то раз! Ох, и походим же мы с ними – потопаем! Ох и надолго же пойдут, на много лет! – притопывает на месте батюшка. – Ох и угодил! Вот спасибо-то.

А я в это время бессовестным самым образом откровенно разглядываю келью «старца»: в уголке тулится кирпичная печурка, за ней широкая лавка – на ней и спать можно – а напротив сколоченное из широких досок что-то наподобие громадного стола, сплошь уставленного полулитровыми банками, в каждой, из которой горит свеча.

Вот так мы повстречались с мудрейшим из мудрых Российских православных старцев. Говорили обо всём: о жизни, о вере, о церкви.

Как же я теперь сожалею о том, что за отговоркой «не имения времени», не заставила себя не откладывать на «потом» наши встречи с Алексеем Афанасьевичем! Сколько бы интересного и поучительного по жизни и вере могло бы тогда для меня открыться! Чего стоило только упоминание имени отца Георгия Коссова! Батюшка будто бы похорошел своим умным лицом и взглядом!

– Об отце Георгии он хорошо знал тоже, что и отец Георгий в лихие, но более поздние годы уже, переживал, когда таскали его по допросам органы! Мудр был до такой степени, что человеку в такое с трудом верилось, и старца увозили в психбольницу, чтобы, наблюдая за ним ежечасно, выведать его личное, главное: откуда у него эти невероятные познания премудрости жизни, дар видения и предсказания.

А когда в разговоре нашем тогда выяснилось, что у отца-то Георгия Коссова ещё и одна из внучек жива, старенькая уже очень и живёт – поживает в городе Болхове, Алексей Афа-

насьевич захотел, очень захотел с нею повидаться и познакомиться – как он выразился тогда: хоть взглянуть разок – какие хоть они, Коссовы-то, кровные-то батюшкины.

И мне пришлось организовать эту встречу. Почему-то большая часть событий следующего дня у меня как бы куда-то ушла из памяти – но что-то и запечатлелось.

Договорившись со священником отцом Игорем Гапанёнком, который был знаком и с Алексеем Афанасьевичем, и с Евгенией Николаевной (родной отец его долгое время служил в храме в Болхове, и всех Коссовых, живших тогда в городке, хорошо знал). На следующий день мы втроём на машине отца Игоря выехали в Болхов (Алексей Афанасьевич был чисто одет, в новеньких офицерских сапогах – и весь в ожидании ...).

Что было дальше, не помню, ни одного слова не запомнилось. Помню только, как мы вчетвером сидели в квартире Евгении Николаевны за круглым столом и говорили, говорили. Я слушала, но ничего из того, о чём говорили, не помню.

г. Болхов - монастырь

О, Господи...
Как тяжело и тревожно,
Зимой метельной стелется вокруг.
Преодолеть себя – как это,
Несомненно, важно,
Но как же утолить волненье,
Мгновенно вспыхнувшее, вдруг?
В душе моей рождаются стихи.
Твой дар бесценный
Чрез призму глаз чужих –
Как лёгок он и даже невесом.
А тот, кому в наследство
Я оставляю строки эти,
Прочтя мою к Тебе молитву,
С удивлением на меня и скажет:
– Удивлён.
Зачем? Зачем тебе, пишу,
Благому баловню судьбы,
Когда давно уж ты на «ты» со светом,
Себе подобных изумляешь без борьбы,
Зачем ты просишь воли Божьей,
Душевного покоя, тишины –
Создатель разве не вложил в уста твои,
Полураскрытые сейчас тревожно,
Свои волшебные, волнующие сны?
И призываешь помощь свыше...
А ты дерзни, попробуй приказать:
«Пусть день, как прежде, до глубокой ночи
Послужит мне отрадою опять.
Пусть он покажется мне
Легким и послушным
И другом скажется мне каждый человек.

Пусть только славные известия
Меня утешат
И мысли уладят.
И пусть вовек
Не прикоснётся ворон чёрный
К моей руке своим отточенным крылом –
Лихие беды впредь покоя не нарушат»,
– Ах, добрый человек...
Когда б ты знал, уверенный и смелый,
Ревнитель мой, поклонник дорогой,
Сколь слаб поэт и как несовершенен,
Какие муки сердца и как часто,
Как незаслуженно выносит он...
Когда б сумел нечаянно проникнуть
За эту дверь неслышно, как теперь, –
О-о... Как ты был бы удивлён –
И потрясён одновременно,
Увидя стан его согбенный,
Распластанный пред образом. Поверь...
И различил бы бледное чело поэта
Во тьме полночной призрачной тиши,
Огнями взора обращённое
С мольбою и надеждой
Мятущейся, измученной души:
«Всечудный Боже...
Дай мне предаться Твоей воле,
Во всякий день и час наставь –
И поддержи меня,
Открой Свою Святую волю
И для меня, и окружающих меня.
Как трудно жить...
О-о... Помоги, Великий Боже,
Всё то, что суждено в течение дня

Узнать сегодня мне:
Хорошее – благодарю Тебя,
Дурное – дай мне тоже
Принять безропотно и убежденным
В моей с Твоею общей правоте.
О, Господи, Всевышний, Милосердный,
Во всех моих делах,
В словах моих
Руководи моими мыслями и чувствами.
Не дай мне хоть на миг забыть,
Что в жизни моей трудной, бедной
В судьбе моей нелёгкой, суетной
Всё светлое, как этот тихий день погожим,
И тёмное, как ночь,
Всё предначертано, ниспослано Тобой.
Дай мне, Отец родной, великого терпенья
К Тебе подобным, щедрым,
И другим, дурным.
Ничем не огорчить
И не смутить их мищеньем,
Неразумием моим...»
И если суждено поэту
И утомление,
И все волненья прожитого дня
Перенести достойно столь и вдохновенно –
Он много раз ещё пошлёт Тебе,
Создателю Вселенной,
Свой тяжкий вздох,
Последний вопль измученных пловцов,
Молитву эту добрую и вечную –
Наследье преподобных старцев Оптиной,
Её многопечальных братьев
И Святых Отцов...

Валерий ЕВТУШЕНКО

Валерий Николаевич ЕВТУШЕНКО родился 5 мая 1952 года в небольшом кубанском городке Гулькевичи. На Кубани и прожил первые 18 лет своей жизни. Следующие два года жил в ГДР, а если сказать точно: проходил срочную службу рядовым солдатом в составе Группы советских войск в Германии. А дальше – поехало-понеслось: Ростов-на-Дону, Харьков, Орёл, Липецк, Краснодар, снова Орёл, потом, уже надолго, – Москва. Это только по прописке в паспорте, а так – месяцами жил по всему Советскому Союзу: от западного Калининграда до восточного Уссурийска, от северного Диксона до южного казахстанского Сарыозека.

Сначала работал в районной газете «Прикубанская искра», затем – в областной «Орловский комсомолец», потом – уже в центральной «Советский патриот». Переехав окончательно в Москву, до распада Советского Союза успел поработать ещё и в журналах: «Советское военное обозрение» и «Северные просторы»...

Продюсер российских художественных фильмов «Пионерка Мэри Пикфорд», «Поллианна», «Русская жертва» и других. Член Союза российских писателей.

В 2017 году в издательстве «3-е ИЮЛЯ» вышли две книги: поэтическая «Всё, что память хранит...» и сборник рассказов «В дороге».

* * *

Бывает, грусть волной нахлынет
По той родимой стороне,
Где мать-старушка всё о сыне
Тоскует тихо в тишине.

Бывает, так душа занует,
Помчишься в кассу брать билет:
«На скорый, на такой-то номер...»
Ответ кольнёт: «Билетов нет!»

Не долететь и не доехать,
От дел никак не убежать...
А мать всё ждёт весной и летом,
Зимою снова будет ждать.

И эта тяжесть ожидания
Её гнетёт, гнетёт опять.
Не от того ль в краю том дальнем
Безвременно стареет мать?...

29.11.1981

ЛИШЬ МАТЬ И РОДИНА ОДНА

Друзей по свету мы встречаем
И с ними пьём вино до дна,
Их будет много – это знаем:
Лишь мать и Родина одна!

Врагов немало наживаем
(Порой не наша в том вина),
Но, видя их, не забываем:
Лишь мать и Родина одна!

Жена неверна – слух прошёлся:
Другому сердцем отдана.
На ней свет клином не сошёлся:
Лишь мать и Родина одна!

И можно жизнь начать сначала –
Не будет прежнею она.
На свете нового немало:
Лишь мать и Родина одна!

26.06.1982

МАМИНЫ ГЛАЗА

* * *

РУССКИЕ БЕРЁЗЫ

Листва, догорая, багрянцем лоснится,
Рубиново тает закат,
А я вспоминаю знакомые лица
Надёжных и верных ребят.
И будто бы снова, с годами не в ссоре,
Шагаем уверенно в жизнь:
Знакомые окна родной нашей школы
Нам светят и в бездну, и в высь.
И, кажется, снова дрожащей рукою
Девчонок за плечи берёшь,
И нет в целом мире приятнее дрожи,
Чем эта стыдливая дрожь.
И нет расставаний, обид и обманов,
И горьких напрасных потерь.
Стучусь в окна школы: не поздно, не рано?
Закрываются и окна и дверь...

Берёзы, русские берёзы
Среднероссийской полосы!
По вёснам плачете, но слёзы
Не омрачают той красоты,
Которой путник очарован,
Которой сердце отдано,
С которой, в жизнь вступая новую,
По-новому стучит оно.
И, взор пленяя белоствольем,
Укрыв Россию белизной,
За древним русичей застольем
Повенчаны с моей страной.
.....
Во всей Европе не найдётся
Таких берёз – на вас похожих:
Без них Европа обойдётся,
Без вас Россия жить не сможет!

1972

1982

МАМИНЫ ГЛАЗА

Усталые веки и кудри седые,
Лицо дорогое, глаза дорогие.
В глазах этих милых моё отраженье,
В них каждый мой вздох, каждый шаг и движенье.
Успех мне сопутствует, вижу я, сразу
Глаза наполняет весенняя радость.
Беду предвещают осенние грёзы –
В глазах себя вижу, но вижу сквозь слёзы.
Я в жизни немало в глазах себя видел:
В одних – сквозь печали, в других – сквозь обиды.
Бывало, сквозь зависть, сквозь злобу смотрели,
Сгубить обещали, да вот не сумели...
Но стоит забыть, и вижу иные
Лицо и глаза для меня дорогие.

27.12.1976
Белгород

День был разбужен симфонией птичьей,
Глянул в окно – на дворе всё в снегу:
Белые улицы, белые крыши,
Пальмы белы на морском берегу!
Море белеет на отмелях белых,
А на тропинке – залиvistый смех:
Маленький мальчик совсем неумело
В маму бросает ладошками снег.
Белое облако в воздухе белом
Солнце закрыло своей белизной.
Белая память ко мне прилетела,
Белою птицей кружит надо мной.
Белые площади, только от света,
А не от снега, как этой зимой,
Я вспоминаю, мне чудится лето,
Буйная зелень и знойный прибой.
И молодые красивые лица,
И, навсегда распрощавшись с тоской,
Вдруг невозможно, нельзя не влюбиться,
И отрешиться от мысли такой...
.....
Лето – не вечно. Походкой несмелой
Я из зимы той уйти не могу:
Словно старушки, под шляпками белыми
Пальмы стоят на морском берегу...

* * *

День пройдёт и ночь настанет,
Будет новый день.
И когда-то нас не станет.
Тихо скрипнет старый ставень,
Догниёт плетень.
Крест могильный покосится
Ветрами раним.
Чёрный ворон вдруг приснится –
Страшный сон: огонь, темница,
Крест огромный с чёрной птицей...
.....
Под крестом ничто не снится,
И пусты того глазницы,
Кто лежит под ним...

14.05.1983
Орёл

ПОД НЕБОМ ПАРИЖА

Когда от Родины вдали
Я слышу траурные звуки,
Они поют мне о любви,
Что стала символом разлуки,
Что стала смыслом бытия,
И будто ангел так хранила...
Ушли друзья, уйду и я,
Уйдёт всё то, что сердцу мило.
И только Родина в дали
Заголосит, как мать о сыне,
Ветрами, сбросив горсть земли,
В могилу чуждую отныне...

15.07.2005

Карусельные лошадки,
Голубые фонари.
Ускакать бы без оглядки
В чисто поле до зари!
Позабыв про всё на свете,
Покуражиться с луной:
Все немножечко мы дети
Матери-земли одной.
Но лошадки монотонно
Всё выписывают круг,
По площадке, по бетонной
Рядом скачет детства друг.
Мне ж казалось, что умчусь я,
След оставив из пыли,
Да копытами лошадки
Не касаются земли...
Круг за кругом, круг за кругом
Едем, едем, а куда?
Так и «мчимся» друг за другом –
Ниоткуда в никуда.
Я кричу надрывно другу:
«Пересядь, смени коней:
Наблюдать езду по кругу
Всё больней, больней, больней!»
Но не слышит моих криков,
Гордо скачет старый друг,
Вызывая зависть дикую,
У приятелей, подруг...
Ну а я, отбросив вожжи
И солидные года,
Спрыгну с круга: лучше позже,
Чем не спрыгнуть никогда!

23.05.1995, Санкт-Петербург

* * *

То ли чудилось, то ли во сне
Представлялась всё даль голубая,
И девчонка, как будто бы мне
Улыбалась, в ту даль убегая.
Я кричал ей: «Постой, погоди!
Хоть минуту ещё, хоть мгновенье...»
Беспощадные годы-дожди
Погасили её отраженье.
И сегодня не чудится мне,
И во сне ничего уж не снится:
Взгляд застыл на безмолвной стене,
Скоро утро, а мне всё не спится.
Чуть забудусь и вижу в дали
Луг некошенный, небо седое,
Треугольно летят журавли,
Унося наши годы с собою.
Вижу, женщина лугом идёт,
Свищет ветер в холодных просторах,
Сына за руку молча ведёт
И в глаза мои смотрит с укором...

24.03.1978
Орёл

Бывают в жизни исключения,
Когда все правила не в счёт:
Течёт река против течения,
Не может течь, а вот – течёт!

Вот так и ты поймёшь однажды,
Что в жизни шёл не тем путём,
Что не бывает счастья дважды,
Что часто думал не о том.

Что шёл неровно, суетливо,
А надо было – по прямой,
Что беспросветно и уныло
Был не в ладах с самим собой.

Что мать любил не той любовью
И Родине не всё отдал:
Давал кредит душой и кровью,
Но всё же – больше занимал.

Что возраст, к счастью, не помеха
Быть юным в обществе юнцов,
Что ничего нет лучше смеха
И правды, сказанной в лицо!

Вся жизнь как праведная мука:
Нельзя фальшиво ноту взять –
Правдивость выбранного звука
В сердцах останется звучать.

2016

МОСКВИЧКЕ, приезжавшей в Сочи

А в Сочи – зима, между прочим,
Мы зябнем, хотя и не очень,
А в памяти – южные ночи
И пляжи сентябрьского Сочи.
И буйства зелени и чувств,
И между ними я мечусь
Надрывно, обалдело,
Как будто мне, раз сучусь,
Есть до природы дело.
И, помнится, в той суете
Встречались, только всё не те,
И день за днём сжигал не с теми,
И «речь толкал» всё не по теме...
Так осень в зиму уходила,
Ты по Москве уже бродила,
Наивно, с первым снегом, с грустью,
Считая Сочи захолустьем.
А в Сочи тоже, между прочим,
Пришла зима, и зимний Сочи
Закован в холод, как в гранит.
Лишь кипарисов зелень очень
Напоминает мне те ночи
И память о тебе хранит...

14.01.1982
Сочи

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

15 октября 1814 г. – 27 июля 1841 г.

*Как известно, зимой и весной 1831 года Пушкин и Лермонтов жили буквально в полу-
сотне метров друг от друга. На Арбате. Могли ли они встретиться и общаться?
Увы, история не сохранила об этом достоверных воспоминаний. Впрочем,
в среде исследователей бытует предположение, что Лермонтов мог стоять
в толпе в Храме Большого Вознесения на венчании Пушкина и Гончаровой.*

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 года в Москве. Отец его Юрий Петрович Лермонтов был армейским капитаном. Мать, Мария Михайловна, урожденная Арсеньева, являлась единственной дочерью и наследницей пензенской помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, происходившей из рода Столыпиных. Брак между родителями оказался неудачным, они постоянно ссорились, и Мария Михайловна предпочитала чаще бывать у матери, чем дома. Детство поэта прошло в Тарханах. Вначале за ним смотрела немка Ромер, женщина строгих правил, добросердечная и религиозная. Когда мальчик подрос, к нему приставили гувернёром немца Кнапа. Но по-настоящему Мишеньку опекали бабушка, тётушки и кузины. Был он всеобщим любимцем и баловнем. Елизавету Алексеевну очень беспокоило здоровье внука. Особое внимание уделяла она физическому развитию мальчика. Впоследствии Михаил Юрьевич, несмотря на свою инфантильную комплекцию, отличался от своих сверстников ловкостью, смелостью и физической силой так, что гнул шомпола и завязывал из них узлы.

В 1826 году Миша с бабушкой переехали в Москву, где мальчика определили в пансион Женро.

Стихи Лермонтов начал писать ещё в Тарханах. А в Москве в 1828–1829 годах им были уже созданы поэмы «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата», «Последний сын вольности», первая редакция «Демона». Все эти произведения, как и большинство творений поэта, были опубликованы только после его гибели.

В 1832 году Лермонтов переехал в Петербург, надеясь продолжить образование в Петербургском университете; однако ему отказались зачислить прослушанные в Москве курсы.

Чтобы не начинать обучение заново, Михаил Юрьевич, вопреки советам бабушки, сдал в ноябре 1832 года экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и был зачислен на правах вольноопределяющегося унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка. Два года провёл поэт в Школе, где его время было посвящено преимущественно строевой службе, дежурствам, парадом... По окончании Школы в сентябре 1834 года Лермонтов был произведён в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Он поселился в Царском Селе, где стоял его полк, и повёл буйную, рассеянную жизнь богатого офицера.

27 января 1837 года был смертельно ранен А.С. Пушкин. В тот же вечер по городу распространился слух о его смерти. На следующий день Михаил Юрьевич на одном дыхании написал первую часть стихотворения «Смерть Поэта». По свидетельствам современников, после кончины Пушкина 29 января «стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми».

7 февраля Лермонтов написал заключительные 16 строк стихотворения («А вы, надменные потомки...»).

Очень скоро «Смерть поэта» в полном варианте достигла Николая I. Император был глубоко оскорблён в лучших чувствах. И кем?! Корнетом, молокососом! Уже 18 февраля Лермонтов был арестован и помещён в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба. Началось политическое дело о «непозволительных стихах». Николай I приказал «... старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он...»

В феврале 1837 года был отдан высочайший приказ о переводе Лермонтова прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ. В марте он выехал к новому месту службы через Москву. Пока поэт находился в пути, в журнале «Современник»

было помещено его программное стихотворение «Бородино».

В январе 1838 года Лермонтов вернулся в Петербург. Пришло время его литературной славы. Поэт сразу был принят в пушкинский литературный круг – его приветствовали В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, П.А. Плетнёв, В.А. Соллогуб, семейство Карамзиных.

Из ссылки Лермонтов привёз целый ряд гениальных произведений, которые он публиковал по мере их доработки. Ещё будучи в ссылке, поэт анонимно напечатал в «Современнике» «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», в 1838 году там же появилась «Тамбовская казначейша». В марте 1939 года в «Отечественных записках» была напечатана «Бэла. Из записок офицера о Кавказе».

В 1840 году в Петербурге отдельными изданиями вышли единственные прижизненные книги Лермонтова – сборник «Стихотворения», где в числе других произведений были впервые полностью опубликованы поэма «Мцыри» и «Герой нашего времени». Однако подавляющее большинство произведений великого поэта было опубликовано посмертно.

Михаил Юрьевич ухаживал в то время за красавицей княжной Марией Александровной Щербатовой. Девушка нравилась и барону Эрнесту Баранту, атташе французского посольства в России. 16 февраля 1840 года на балу у графини Александры Григорьевны Лаваль произошла ссора между соперниками, во время которой Барант спровоцировал Лермонтова на дуэль, которая состоялась 18 февраля 1840 года на Парголовской дороге за Чёрной речкой. Сначала дрались на шпагах, причём Барант слегка оцарапал Лермонтову грудь, а у поэта переломился конец шпаги. Тогда перешли на пистолеты. Барант стрелял первым и промахнулся, Лермонтов выстрелил в сторону. На том противники помирились.

Однако, когда слухи о состоявшейся дуэли дошли до высшего начальства, Лермонтова взяли под арест и предали суду. Баранта выслали из России.

В начале мая 1840 года поэт в третий раз отправился на Кавказ и уже в июле участвовал в стычках с горцами и в кровопролитном сражении при реке Валерик.

В начале 1841 года Михаил Юрьевич приехал в Петербург и начал хлопоты об отставке. Но он не получил даже отсрочки и в апреле вынужден был вернуться в Пятигорск. Накануне выезда, 20 апреля, Лермонтов написал знаменитое стихотворение «Прощай, немытая Россия...».

Военное начальство разрешило поэту задержаться в Пятигорске для лечения на минеральных водах. Здесь в последние месяцы жизни Лермонтов создал такие шедевры, как «Сон», «Утес», «Тамара», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна», «Пророк» и другие. В Пятигорске Лермонтов нашёл общество прежних знакомых. В их числе был давний друг поэта Николай Соломонович Мартынов. Дружили они ещё со Школы юнкеров и почти никогда не прерывали отношений.

13 июля 1841 года на вечеринке у сестёр Аграфены Петровны и Надежды Петровны Верзилиных Лермонтов и Мартынов поссорились. Точно причина ссоры неизвестна.

Утром 15 июля Лермонтов, Пушкин, их приятельница Екатерина Григорьевна Быхолец ездили на пикник. Поэт был уверен, что всё обойдётся. Между 6 и 7 часами вечера того же дня Михаил Юрьевич Лермонтов был убит на дуэли. Пуля попала прямо в сердце.

Вначале поэта похоронили в Пятигорске. Но по прошению Е.А. Арсеньевой прах его перевезли в Тарханы, где и похоронили в семейном склепе 23 апреля 1842 года.

Николай Соломонович Мартынов был отдан под суд...

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

31 марта 1809 г. – 4 марта 1852 г.

Екатерина Александровна Хитрово в своём одесском дневнике приводит некоторые суждения Гоголя о Пушкине. Так, при разговоре о пожаре он сказал: «Пушкин всегда ездил на пожары и любил смотреть, как кошки ходят по раскалённой крыше. Пушкин говорил, что ничего нет смешнее этого вида». При этом Гоголь добавил: «В самом деле, жалко бедных!». В другой раз на вопрос княжны Репниной, был ли Пушкин импровизатор или творец, Гоголь ответил: «Пушкин был необыкновенно умён. Если он чего и не знал, то у него чутьё было на всё. И силы телесные были таковы, что их достало бы у него на девяносто лет жизни». И далее Гоголь сказал: «Я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой. Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться».

Великий русский писатель родился в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье помещика в 1809 году. Назвали Николаем в честь чудотворной иконы святого Николая, хранившейся в церкви села Диканька.

У Гоголей было свыше 1000 десятин земли и около 400 душ крепостных. Предки писателя со стороны отца были потомственными священниками, однако, уже дед Афанасий оставил духовное поприще и поступил в гетмановскую канцелярию; именно он прибавил к своей фамилии Яновский другую – Гоголь, что должно было продемонстрировать происхождение рода от известного в украинской истории 17 в. полковника Евстафия (Остапа) Гоголя.

В 1818–1819 Гоголь вместе с братом Иваном обучался в Полтавском уездном училище, а затем, в 1820–1821. В мае 1821 поступил в гимназию высших наук в Нежине. Здесь он занимается живописью, участвует в спектаклях – как художник-декоратор и как актёр, причём с особенным успехом исполняет комические роли. Пробирует себя и в различных литературных жанрах (пишет элегические стихотворения, трагедии, историческую поэму, повесть). Тогда же пишет сатиру «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан» (не сохранилась до нашего времени).

Окончив гимназию в 1828 г., Гоголь в декабре вместе с другим выпускником А.С. Данилевским (1809–1888), едет в Петербург. Здесь Гоголь делает первые литературные пробы: в начале 1829 г. появляется стихотворение «Италия», а весной того же года под псевдонимом «В. Алов» Гоголь печатает «идиллию в картинах» «Ганц Кюхельгартен». Поэма вызвала резкие и насмешливые отзывы и это усилило тяжелое настроение Гоголя.

В конце 1829 г. ему удается определиться на службу в департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. С апреля 1830 до марта 1831 г. служит в департаменте уделов (вначале писцом, потом помощником столоначальника), под началом известного поэта-идиллика В.И. Панаева. Пребывание в канцеляриях вызвало у Гоголя глубокое разочарование в «службе государственной», но зато снабдило богатым материалом для будущих произведений, запечатлевших чиновничий быт и функционирование государственной машины.

В этот период выходят в свет «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832). Они вызвали почти всеобщее восхищение.

Верх гоголевской фантастики – «петербургская повесть» «Нос» (1835; опубликована в 1836 г.), чрезвычайно смелый гротеск, предвосхитивший некоторые тенденции искусства XX в. Контрастом по отношению к и провинциальному и столичному миру выступала повесть «Тарас Бульба», запечатлевшая тот момент национального прошлого, когда народ («казаки»), защищая свою суверенность, действовал цельно, сообща и притом как сила, определяющая характер общеевропейской истории.

В Москве (1849–1850) Гоголь читает отдельные главы 2-го тома «Мертвых душ» своим друзьям. Всеобщее одобрение и восторг воодушевляли писателя, который работает теперь с удвоенной энергией. Весною 1850 Гоголь предпринимает первую и последнюю попытку устроить свою семейную жизнь – делает предложение А.М. Виельгорской, но получает отказ.

В октябре 1850-го Гоголь приезжает в Одессу. Состояние его улучшается; он деятелен, бодр, весел; охотно сходит с актерами одесской труппы, которым он дает уроки чтения комедийных произв., с Л. С. Пушкиным, с местными литераторами. В марте 1851 г. покидает Одессу и, проведя весну и раннее лето в родных местах, в июне возвращается в Москву. Следует новый круг чтений 2-го тома поэмы; всего было прочитано до 7 глав. В октябре присутствует на «Ревизоре» в Малом театре, с С.В. Шумским в роли Хлестакова, и остаётся доволен спектаклем; в ноябре читает «Ревизора» группе актёров, в числе слушателей был и И.С. Тургенев.

1 января 1852 г. Гоголь сообщает Арнольди, что 2-й том «совершенно окончен». Но в последних числах месяца явственно обнаружились признаки нового кризиса, толчком к которому послужила смерть Е.М. Хомяковой, сестры Н.М. Языкова, человека, духовно близкого Гоголю. Его терзает предчувствие близкой смерти, усугубляемое вновь усилившимися сомнениями в благотворности своего писательского поприща и в успехе осуществляемого труда. 7 февраля Гоголь исповедуется и причащается, а в ночь с 11 на 12 сжигает беловую рукопись 2-го тома (сохранилось в неполном виде лишь 5 глав, относящихся к различным черновым редакциям; опубликованы в 1855 г.). 21 февраля утром Гоголь умер в своей последней квартире в доме Талызина в Москве.

Похороны писателя состоялись при огромном стечении народа на кладбище Свято-Данилова монастыря, а в 1931 останки Гоголя были перезахоронены на Новодевичьем кладбище.

Нестор Васильевич Кукольник, нежинский соученик Гоголя, рассказывает, что у директора гимназии Ивана Семёновича Орлая в Полтавской губернии, в Миргородском уезде, было маленькое имение, при котором состояло всего шесть душ. Имение это находилось по соседству с деревней матери Гоголя. С этим обстоятельством связан следующий забавный случай. Иван Семёнович не жаловал, если ученики во время занятий оставляли классы и прогуливались по коридорам, а Гоголь любил такие прогулки, а потому не мудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходил сухим из воды при помощи одной и той же проделки. Завидя Ивана Семёновича издали, он не прятался, шёл прямо к нему навстречу, раскланивался и докладывал: «Ваше превосходительство! Я сейчас получил от матушки письмо. Она поручила засвидетельствовать вашему превосходительству усерднейший поклон и донести, что по вашему имени идёт всё очень хорошо». – «Душевно благодарю! Будете писать к матушке, не забудьте поклониться и от меня и поблагодарить». Таков был обыкновенный ответ Ивана Семёновича, и Гоголь безнаказанно продолжал свою прогулку по коридорам.

ЧУДЕСА В КОНВЕРТЕ

АНОНИМКА НА СЕБЯ

Николай КАЛИНИН

Пожилый житель окраинного микрорайона «Спасский» Тимоха Мазурин гнал на продажу самогон. Милиционеры сделали закупку и тут же произвели обыск. Дед от греха отдал им две бутылки настойки и тысячу рублей. Мирно разошлись.

Через некоторое время пришли те же двое.

– Старина, ты уж извини, но инициатива не наша. Жалоба на тебя, анонимка. Женщина просит прикрыть твою лавочку, мужика спаиваешь зельем. Показывай.

Тимоха сунул им тысячу рублей. Уходя, менты посоветовали:

– Ты тут поаккуратнее.

Деду так хотелось проучить вымогателей, но долго придумать ничего не мог.

Той же зимой умерла Тимохина супружница, и это стало для него как бы сигналом: хватит, надо с этим делом заканчивать. И вот тут-то, когда закончил, нашло на него просветление. Сел, написал в милицию на себя анонимку: мол, Мазурин продолжает спаивать мужиков.

Как и ожидал, пришли двое, но уже другие: молодой крепыш – сержант, и высокий капитан, много старше. Этот потряс анонимкой, дал почитать. Тимоха похмыкал, ругнул «доносчиков» и говорит:

– Ребята, бросил я это дурное дело.

– Так уж и бросил, – усмехнулся старший.

Стали шарить. В том, что браги нет, убедились быстро, а вот две бутылки нашли в диване.

– Вот где она, голубка, – обрадовался офицер.

– Да не самогонка это, – неуверенно сказал дедок.

– А мы посмотрим. Не надо волноваться, старина.

Капитан отвинтил колпачок, бросил испытующий взгляд на деда и взял содержимое на язык. Завинчивая, сплюнул и спросил:

– Что за жижка?

– Так это... старуха моя недавно умерла. Обмывали, и вот оставили, чтоб слышать её живой голос с того света. Так говорят.

Лицо у капитана исказилось, картуз на голове шевельнулся. Он бросился к выходу, и через окно послышались звуки рвоты. Молодой выскочил к нему, а дед – следом. Сказал с порога:

– Ребятунки, зайдите, я вам стол соберу, помяните мою старуху покойницу, мир её праху.

Ответом ему был мат с угрозами.

ЗЛОВЕЩАЯ ЧАСТУШКА

Свадьба в райцентре набирала обороты. Здесь был участковый милиционер, две учительницы – весёлые старушки, сельские жители и даже затесался один член КПРФ, заполитизировавший свадебную компанию. Наевшись и наговорившись, гости стали вылезать из-за стола. Пошла пляска под гармонь. Рядом с невестой сидела её подружка, а с женихом – дружок, сослуживец по Чечне; он был вызван из далёкого города. Засидевшийся дружок сказал:

– Пойду-ка разомнусь.

– Давай, Лёх, сбавай лезгинку, – напутствовал жених.

Лёха протиснулся, дождался очереди и, вызвав из ряда сидящих спиной к столу толстушку средних лет – похоже, диабетчицу, пустился в пляс. Крутанувшись около неё, выдал:

«Я не врач, ни гинеколог,

Просто парень деловой.

У невесты нету девства,

Я ручаюсь головой».

– Лёха, поддай жару, – гаркнул жених, подняв над собой кулак.

Подруга невесты взглянула на неё недоумённо, а толстушка в долгу не осталась. Распахнув руки, остановилась перед мужчиной в сизом костюме и при галстукке:

«Участковый, участковый,

Разбери мои дела.

Я ни с кем не переспала,

Почему я родила?»

Участковый выдвинулся вперёд, помедлил и выкрикнул, протянув к ней руки:

«Дорогая ты Маруся,

Разобрал твои дела.

Ты забыла, с кем кутила,

В стельку пьяная была!»!

– Ох-ха, – подхватил Лёха под общий хохот и пошёл с присвистом впрыска, то приближаясь, то отдаляясь от партнёрши. В это время к нему подошли двое – брат и отец невесты, гневно подняли его за плечи:

– А ну-ка, пойдём, посмотрим, как ты рискуешь головой. – Лёха покорно пошёл с ними на улицу. Жених закричал вслед:

– Эй-ей-ей, поосторожней там!

Он выскочил за ними, но было уже поздно; Лёха отплевывался, вытирая нос и губы платком. Жених обратился к тестю:

– Вы что, народного юмора не понимаете?

– Это ему для науки, чтоб знал, где и как юморить.

– Ну, батя, нашёл время для разборок. А вдруг он прав.

– Сашок, иди на место, а то и тебе врежу, – предупредил брат невесты. А в доме шумело и гремело:

Без меня меня женили,

Я на мельнице застрял.

Приезжаю весь в муке,

Она – сидит на сундуке

ГАРАЖНЫЕ ЛЮДИ

Жорка хил, мал ростом, но криклив и петушист. Когда он узнавал о новом повышении цен на бензин, на папиросы, на водку, то под пьяную руку требовал расстрела, виселицы, резания на части высшим чинам. В знак уважения к старым временам, когда год за годом снижали цены, он пристроил в гараже среди подвешенных камер, прокладок, фильтров цветной портрет Сталина.

Спиртное в том или ином виде гаражная братия всегда находила, не хватало денег на закуску. Хмелел Жорка после первой-второй рюмки, начинал ругать правительство, президента и непременно повторял фразу: «Сталина бы на них». Если ему поддакивали – успокаивался, если возражали – заводился, но драться по причине своей щедрости был не в силах. В знак непримиримости выбрасывал последний ко-

зырь – перед портретом снимал картуз деголлевской формы и произносил примерный монолог, доходя до истеричности:

– Отец, поднимись ради бога. Нет сил моих больше смотреть на этот бардак. Наведи порядок в стране дураков, на тебя вся надежда.

В завершение Жорка целовал отца Иосифа в буйные усы, не стеснялся слёз. Кампания продолжала свои разговоры, не обращая внимания на привычную сцену. Если здесь был самый пожилой из автолюбителей по прозвищу Аксакал, побывавший в лагерях за то, что не подписал благодарственное письмо колхозников товарищу Сталину, то он поддерживал Жорку, опираясь на мысль, что Сталин не знал о безобразиях на местах, ибо ему забивали буки вот такими фальшивыми письмами.

Однажды Жорка поведал Аксакалу с глазу на глаз тайну, давно всем известную: жена загуляла. Тот попытался утешить, что слухи могут быть ложными, но Жорка знал, что говорил. После этого сказать им обоим было нечего. Жорка опустил на колени перед портретом и, против обыкновения, заговорил, приложив руку к груди:

– Родной Иосиф Виссарионович, знал бы ты, как тяжело жить. Поднимись, дорогой человек, погляди, что творится. Нету порядка без твоих законов. Ох-ох, с-сука, не прощу я ей...

Аксакал тихо вышел из гаража, а Жорка остался здесь ночевать.

ЛИФТ ДЛЯ ДУРАКОВ

На второй день свадьбы, как бы подводя итог этому торжеству, самые близкие родственники жениха и невесты из столовой пошли посмотреть видеокассету – кому ж не хочется посмотреть на себя взглядом объектива. Но тут случилось ЧП. Часть кампании застряла в лифте. «Пленники» сначала громко шутили, хохоча и подначивая друг друга, но по мере того, как вызов лифтерши всё больше казался бессмысленным, шутки стали затухать. Первыми зароптали женщины, застучали в дверь.

– Эй, кто-нибудь там, найдите лифтершу.

Пришли на помощь свадебные, послали за лифтершей.

– Господи, мне уже дурно от вашего перегара, – сказала в сердцах пожилая женщина.

– Тут не до этого, у меня желудок расстроился – нет спасу, – отозвалась молодая и крикнула:

– Черти полосатые, где вы?

Захныкал ребёнок – девочка лет пяти.

– Чтоб она сгорела, эта страна дураков, – нервно выкрикнула дама в шубе из шкуры степного волка. – Когда закончится эта идиотская демократия. Жить стало тошно.

Наконец пришла лифтерша.

– Чего галдите? Вы что, порядка не знаете? Набились, как селёдки в банку, а теперь кто-то вам виноват?

Она то поднималась по лестнице вверх, то опускалась к себе в лифтерную, и даме в шубе показалось, что умышленно затягивает время.

– А вот посмотрите, – сказал один из уравновешенных мужчин протрезвевшим голосом. – В стране дураков сто сорок семь миллионов, если верить статистике. И только мы тут, семь человек, самые умные. Я-то, старый пердун, зачем сюда полез? Вот, читайте: грузоподъёмность триста пятьдесят килограмм. А у нас тут все пятьсот.

На несколько секунд все затихли. И тут лифт взвыл, пошёл вверх.

– Слава богу, поехали, – сказала женщина с расстро-

ным желудком.

ЖГУЧАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Когда бездетная тётка Олимпиада похоронила мужа и вынуждена была со своими хворями переехать в другую деревню к младшему брату, её устроили в старую хатёнку, сложили печку и она так притёрлась к тёплым кирпичам, что совсем перестала выходить на улицу. Для больных суставов сама нашла облегчающее средство – йод, а он заглушал все другие запахи. Свежему человеку трудно дышать в её доме, а для неё тут был свой микроклимат. Однажды вывели её на солнышко, но от чистого воздуха ей вдруг стало дурно. Так и жила она год за годом в своей душной келье.

На печке Олимпиада как рыба в воде. Память у неё светла, воспоминания бесконечны. Если кто зайдёт проведать – выберется, отягощённый её прошлым, не скоро. Однако собеседников становилось у неё всё меньше.

Любит Олимпиада рассказывать про покосы, которые были лучше нынешних праздников, про мужа, который поколачивал её из ревности, про тёплые давние лета и частенько поругивает нынешнюю погоду, нынешние порядки. Вклиниться в её монолог было тяжело.

– Теперь никто никому не указ, распустились люди, не почитают бога. От того и все болезни. Сколько людей страдают от высокого давления. Бывало хоть воши высасывали дурную кровь...

Олимпиадина племянница больше всего боится вшей и часто меняет старухе бельё, создавая ей тем самым неудобства.

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

1946 год. Засуха, голод. Тётка Акулина весной купила поросёночка. Рассчитывала потерпеть до Покрова дня, там и разговеться. А на нищету, известно, все несчастья. В июле поросёнок слёг, покрылся розовыми пятнами. Акулина посоветовалась с мужиками. Одни говорят: красные пятна страшнее чёрных, это похоже на сибирскую язву. Другие припугнули какой-то новой чумой.

Не стала Акулина ждать исхода, прирезала страдальца. А сало тонкое, нежное, разрывает душу. Но она строго наказала детям: от греха подальше, не трогать пока ничего не прояснится.

Глядь, по деревне идёт побирушка.

– Тётя, я аж с самого Мариуполя, не подадите Христа ради.

– Обрадовалась Акулина, разговорилась с ней.

– Оставайся на ночлег, чем богаты, тем и поделимся.

– Да мне бы с собой. Две-три деревеньки ещё пройду до вечера.

– Оставайся, оставайся. Я салца тебе отрежу. Поди, ноги гудят.

Осталась. Принесла ей Акулина сала, странница тут же и съела, не веря такой щедрости. До ночи рассказывала про украинскую голытьбу. Утром встала, свежа как огурчик.

– Тётя, на дорожку не отрежете кусочка?

– Нет, голубка, не прогневайся. Мужик на фронте остался, а их у меня четверо. Я уж и так тебя пожалела. Вот когда назад пойдёшь...

Когда та вернулась, жива и здорова, отрезала ей Акулина ломтик, проводила и собрала за стол ребят. Давай они трескать салцо без хлеба.

Выжили с божьей милостью.

Когда тётка Акулина вспоминала это, в самый переломный момент рассказа она издавала такие звуки, что трудно было понять: смеётся или плачет.

Геннадий ФРОЛОВ

Геннадий Васильевич Фролов (род. 31 января 1947 года, Курск) – русский поэт и переводчик. Детство и юность будущего писателя прошли в Орле, куда в начале 1950-х из Курска переехали родители. В 1971 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького, учился вместе с Николаем Рубцовым, Юрием Кузнецовым. Был близким другом последнего. После института живёт в Москве.

Член Союза писателей СССР с 1987 года. Работал в издательствах «Современник», «Советский писатель», в московских литературных журналах. Член Императорского Палестинского общества с 2007 года.

Первые стихи опубликованы в 1965 году в газете «Орловский комсомолец». В последующие годы стихи печатались в журналах «Юность», «Новый мир», «Наш современник», «Грани», «Мы», выпусках московского «Дня поэзии», а также в различных альманахах и сборниках.

Известен как переводчик с языков народов СССР.

Премия Афанасия Фета Союза писателей России за вклад в поэзию; премия журнала «Наш современник» за 2002 год; премия Константина Бальмонта; литературная премия имени Александра Прокофьева «Ладога» (2015).

...И НЕТ НАМ ПРОЩЕНИЯ

КРЫМ

Синее небо, лиловое море,
Серая галька с потёками соли,
Лозы, сплетённые в грубом узоре,
Снова припомнились мне поневоле.

Всё же для русского сердца, признаюсь,
Странно родны эти дальние дали,
Чайки стремительной тень вырезая,
Прохот лебёдки на близком причале.

Нет, не о неге я тёплого рая,
Не о цветущих магнолиях парка,
Не о закате, что, нежно сгорая,
Встал над водою, как пёстрая арка.

Нет, не о ночи, пробитой, как сито,
Золотом звёзд, не о блеске рассвета,
Не о беспечности той, что сокрыта
В каждом мгновении южного лета.

Всё это тысячу раз воспевали –
Горы и небо, и пену прибоя.
Нет, я о том, что мы их потеряли,
Сами отдали без всякого боя.

Что же ты, Миних, не встанешь из гроба,
Что ж ты, Потёмкин, горящей глазницей
Не обернёшься к нам, гневаясь, чтобы
Пламя стыда опалило нам лица!

Где ж вы, Нахимов, Корнилов, Тотлебен,
Где ж ты, Истомин! – восстаньте из праха.
Нету ни Крыма, ни моря, ни неба –
Нет ничего, кроме жалкого страха!

Заняты внуки иными делами,
В правнуках нет ни любви и ни силы.
Господи Боже мой! что ж это с нами,
Что ж сотворили мы с родиной милой!

И понапрасну я к предкам взываю.
Некому взять их оружие в руки,
Некому больше от края до края
Снова пройти сквозь страдания и муки.

Армий победных не встанут солдаты,
Нет, неподъёмен им гнёт отвращения
К слабым потомкам... Позор нам – расплата!
Предали их мы – и нет нам прощенья!

Пить нам теперь чашу Божьего гнева,
Желчью давиться до смертного пота,
Слушая скрежет иудина древа –
Мачты последней Российского флота!..
1992

НАКАНУНЕ ПАРАДА

(У памятника Пушкину)

И разные стояли люди,
И наблюдали сотни глаз,
Как зачехлённые орудья,
Качаясь, плыли мимо нас.

Как вырастали в мраке тайны,
Как стадо мамонтов сопя,
Самоуверенные танки,
Тремя глазницами слепя.

Как в бликах мертвенного света,
Не зная ни добра ни зла,
Изящно двигались ракеты,
По-рыбы вытянув тела.

Как проходили ряд за рядом
Машины, полные солдат, –
Как ты, и я, и все, кто рядом,
Мы в этот миг дышали в лад.

Как мы смотрели в сумрак стылый,
До боли стиснув кулаки,
Когда со сдержанною силой
Пред нами двигались полки.
.....

Так я писал тому уж боле
Лет двадцати. Но понял вдруг,
Что прославляю поневоле
Коммунистический недуг.

Весь бред интернационала,
Души растлившейся грехи! –
И омерзительно мне стало:
Я эти выбросил стихи.

Но вот сегодня на рассвете
Открыл глаза и в тот же миг
Нежданно вспомнил строки эти
И вновь записываю их.

Нет, не в порыве жалкой лести
Они мной были сложены.
Я пел о доблести и чести
Моей любви, моей страны.

Я пел о прежней громкой славе –
И были помыслы чисты! –
Стараясь сквозь гримасы яви
Прозреть бессмертные черты.

И ныне, ставя к старым строфам
Строфу за новою строфой,
К Америкам или Европам
Я обращаю голос свой.

Да, вы сейчас нам не грозите, –
Но с похвалою на устах
Вы к нам по-прежнему таите
Всё те же ненависть и страх.

Я знаю цену вашим дружбам
И миротворческим словам.
О, как – бессильным и недужным! –
Вы аплодируете нам.

О, как сияют ваши лица,
Как размягчаются черты,
Когда сползаем мы к границам
Времён Ивана Калиты.

Когда Россию рвут на части,
Как штуку красного сукна,
Народы, кои в час несчастья
Спасла от гибели она.

За веком век, за сыном сына
Она за них бросала в бой!
.....
Ещё застонет Украина
Под католической пятой.

Среди удушливого дыма,
Под грохот польских батарей –
Лазурь захваченного Крыма
Ещё предстанет перед ней.

Ещё балтийские народы
Свой перед Русью вспомнят долг,
Когда раздавит их свободы
Тевтонца кованый сапог.

Ещё с вождей грузинских чары
Слетят, как ржавые листы,
Когда обрушат янычары
С церковей поруганных кресты.

Да, долгих семь десятилетий
Мы все несли проклятья груз.
Так что ж на брезжущем рассвете
Вы рвете нити кровных уз?

Как будто бы безгрешны сами,
На нас одних взвалили грех!
.....
Иль тем виновны мы пред вами,
Что пострадали больше всех?

Иль, может быть, в азарте мнится
Вам всем, что из небытия
Уже вовек не возродится,
Не встанет родина моя?

Напрасны эти обольщенья!
Распад, сумятицу, разброд,
И нищету, и униженья –
Всё русский вынесет народ.

Я говорю кавказским звёздам,
Я говорю памирским льдам,
Что снова – рано или поздно! –
Но мы ещё вернёмся к вам.

Не в ярости, не мести ради,
А лишь на ваш призывный глас,
Ибо не в силе Бог, а в правде,
А правда Божия у нас!

И что мечтания Китая,
Европ, Америк ли возня, –
Когда воскреснет Русь Святая,
Как птица Феникс из огня.

Всё будет так, а не иначе.
Мы вновь пойдём, коль грянет срок,
На Запад умственный – и алчный,
Жестокий, женственный Восток.

Снесём все беды, как сносили,
Единым пламенем горя,
За нашу веру, за Россию
И православного царя!..
1967, 1992

Андрей Вознесенский в коротком эссе о Юрии Казакове писал в 1984 году: «Новое поколение читателей, увы, не знает Казакова, критики не упоминают о нём. Он незаметно исчез из литературного обихода, как исчезают из нашей флоры лесные ландыши. Его создания не переносят загрязнения среды. Они связаны с общим процессом увядания природы. Рассказы Казакова нужно вносить в белую книгу защиты природы».

Великолепный рассказчик, тончайший стилист Юрий Павлович Казаков умер 29 ноября 1982 года. Тридцать семь лет назад. А родился девяносто два года назад, в 1927 году.

Дважды – в 1975 и в 1978 годах – бывал в Орле. Опубликовал в «Орловском комсомольце» два последних своих рассказа («Свечечка» и «Во сне ты горько плакал»). Впервые. Очерк Дмитрия Порушикевича «Вы ещё увидите небо в алмазах» был опубликован в мае 1978 года в «Орловском комсомольце».

«ВЫ ЕЩЁ УВИДИТЕ НЕБО В АЛМАЗАХ!»

– А ПОМНИШЬ, какой день был тогда? Помнишь?!
– спрашивает он.

Конечно, я помню тот день. Мы лежим в санях, на сене, макушки осин и дубов скользят над нами по просветлённому небу, а на ветвях, на сухих листьях – свежий снег.

Между деревьев и на полянках – пунктирные параллели звериных следов. Ни зайца ни одного, ни лисы, ни оленей, ни кабанов мы не видим, а только недавние их следы – тот мчится наперерез нам, а тот долго сопровождает, приблизившись к саням. Егерь везёт неторопливо, показывает, рассказывает.

А ведь поездка наша в Неруссовское охотничье хозяйство не удалась. Начались неудачи в день приезда, накануне санной прогулки. Начались с того, что машина, не доехав полутора километров до дома охотника, забуксовала в глубоком снегу, и мы долго вытаскивали её, прежде чем отпустили в Орёл. А мороз давал о себе знать.

На нетерпеливый стук наш никто не отозвался. Только голодное повизгивание собаки обещало, что егерь всё-таки должен появиться. Он пришёл, когда мы успели намёрзнуться. Тогда узнали мы о главной своей неудаче: охоту в урочище запретили. Сообщил егерь о запрещении тихо, но раздражённо. И не понял я, относилось ли раздражение к запрещению или к нашему приезду. Полтора месяца назад, в великолепную пору осеннего гона, когда он, Алексей Петрович Стёпочкин, показывал мне своё обширное хозяйство, мы с ним «железно» договорились, что если будет писатель из Москвы, то Алексей Петрович примет нас как надо. Не знал он тогда о предстоящем запрещении? Или знал?

Егерь выдал нам одеяла, открыл одну из комнат гостиницы.

Я всё ещё надеялся, что охота состоится. Всё ещё не верил, что не оправдал надежд человека, которого приглашал и ждал и к приезду которого готовился...

К середине ночи батареи нагрелись, чуть потеплело в комнате.

– НУ ЧТО, – тоскливо спросил меня утром он, – поохотились?

Ему нездоровилось. Поездка наша рушилась окончательно.

И тогда мы вышли из дома и увидели ярко-медные стволы сосновой рощи и синие, пересёкшие двор тени от них, и напрягшиеся над поверхностью пруда жёлтые прутья камыша, и свежий, бегущий вдоль берега заячий след, и увидели запряжённую для нашего отъезда лошадь, и егеря, который нёс к саням большую охапку сена.

– Когда б ты ещё смог прокатиться на санях?! – обрадованно сказал писатель.

И начался тот день. Точнее, даже не день, а несколько часов. Потому что потом опять всё было не так, как хотелось, всё, кроме этой незапланированной санной поездки.

ИЗ МОСКВЫ, из абрамцевской своей академической дачи приехал он в Орёл вечерним цхалтубским поездом. И когда после такси ввалились мы с его рюкзаком, с зачехлённым ружьём, с какой-то синей нейлоновой сумочкой ко мне, начал он доставать из этой сумочки, из рюкзака охотничьи колбаски, сыр «Рокфор», магазинные ржаные лепёшки и под конец, когда увидел, что подарки его нравятся, вытащил варёных речных раков. Пошёл у нас тогда пир, пошли разговоры.

А вспоминать и рассказывать он умеет. И слушать его ничуть не меньшая радость, чем читать им написанное. Рассказывает Юрий Павлович так, словно чи-

тает законченную вещь, насыщая её интонационными оттенками, мимикой, гипнотизируя слушающего обаянием сильного, чуть заикающегося голоса. Рассказывает неторопливо, со множеством подробностей, с отступлениями, которые не отвлекают от действия, а вплетаются в него, внося особую занимательность. И не только её, а может быть, и совсем не её, потому что это неверно сказано – «занимательностью».

Подробности дополняют, делают более объемлющей картину, как бы раскраивают действие, помогая прочувствовать мысль.

Она стержень его рассказов – выношенная, выстраданная, определённая мысль. Ведь работая над рассказом (не над устным, конечно!), он бьётся над тем, «как выразить тайный, божественный смысл, т.е. где его высочайшее проявление», ищет то внутреннее, философское, которое «надо поймать. Поймаешь – и тогда можно перед этим писать о чём угодно, хотя б даже и о том, что «с неба звёздочка упала».

Казаков рассказывает... Видимо, это входит в процесс его работы над произведением – такая устная «прогонка» эпизодов, деталей, выверка слов. В минуты особого подъёма он даже читает «с листа» неоконченные вещи. Прочтёт и спросит:

– Ну как?

А что «как»? Здорово! Да и что другое можешь сказать ты, неискушённый почитатель его таланта, когда сам Паустовский, прочтя первые его рассказы, сказал ему: «Вы думаете, я вас буду учить? Это я у вас должен учиться».

И ЗАПОЛНИЛИ тесную кухоньку воспоминания о Рдейском крае. И снова мы шли топким болотистым сосняком, снова медленно ползла под нами изматывающая тропа, проложенная, может быть, ещё во времена монахов и действующего Рдейского монастыря, тропа, державшаяся на корявых белёсых корнях, которые вцепились в губчатую почву, а когда сосенкам становилось невмоготу и болото прорывалось к поверхности, тропа начинала култыхать по жердям. Снова мы задыхались в зарослях ядовитого болотного багульника, снова коптели в трубе рыбацкой избушки щуку, жарили в крышке от котелка грибы.

И не об этом «антураже» вспоминал сейчас Казаков, а о людях деревушки Остров, уютной зелёной деревушки из двадцати добротных с деревянными мощёными дворами изб которой только шесть были не заколочены, деревушки, куда автолавка заезжает лишь зимой, потому что в другое время не пускают болота. Эпизоды быта, цепко подмеченные детали хозяйственного уклада, чёрточки характеров жителей, с которыми пришлось разговаривать, выстраивались в нечто цельное, завязывались в сюжет. Рождался будущий рассказ.

Может быть, это только мои домыслы...

То, о чём он говорил, было мне знакомо и незнакомо. Знакомо, потому что я ведь это тоже видел. Незнакомо, потому что это уже было новым, красочным, это

уже был кусок жизни той вымирающей деревушки, пойманный и осмысленный.

А я, про себя, вспоминал в тот момент, как пронзительно, захватывающе читает Казаков стихи Гумилёва, читает среди ночи, в палатке, когда снаружи нудит дождь. Как самозабвенно поёт он мощным поставленным голосом, поёт у костра, перед избушкой, среди озёр: «Тяжёлым басом гудит фугас, ударил фонтан огня...»

А как он расталкивает нас на заре в сарае:

– Ребята! Небо в алмазах проспите! Смотрите, какой восход!

ЕГЕРЬ всё кружит нас по лесу, сани мягко скользят, поскрипывает сбруя. Осины сменяются ельником, за дубками идут берёзы, а там и сосны, совсем молоденькие, с голубоватым отливом, и поверх них – неподвижные спины трёх лосей. Повели ушами, полуобернулись в нашу сторону, нехотя тронулись, словно поплыли по верхушкам сосенок, промелькнули между ветвей их тонкоствольные длинные ноги.

– А ПОМНИШЬ, Митя, как мы по лесу на санях ехали, и какой был солнечный день, и запах сена, и лоси... Вот миг, ради которого и стоило всё-таки прокатиться из Москвы.

Мы сидим на веранде его дачи – просторного дома с мансардой, где они большую часть года живут вдвоём с матерью Устиной Андреевной.

Дом прочный, но требует ремонта. И ремонт идёт, идёт медленно, потому что подходящих мастеров поблизости нет, а из Москвы, подходящие, приезжать не соглашаются.

Приходится обращаться к халтурщикам, которые что-то поделают и уходят.

Такая канитель мешает писать. В холодные месяцы дом надо топить, и Юрий Павлович каждое утро идёт за углем, который хранится под навесом, и, возвратившись с полным ведром, топит котёл.

Но сейчас лето, веранда наполнена солнцем, и лес, который подходит к даче и занимает пол-участка, насыщен светом, истомой, и лишь в глубине сберегает он свой сумрак.

И этот лес, и этот дом живут уже в рассказах Казакова, написанных там, наверху, в кабинете с большим светлым окном, с длинной по всему периметру книжной полкой, в комнате, где находится лишь то, что нужно для работы, и куда сам хозяин, освободившись от утренних домашних дел, поднимается всякий раз, неизменно, как и всякий раз, о чём бы ни шёл в его доме разговор, он так или иначе приходит к темам литературным.

Он стоит у окна, рослый, широкоплечий, сознающий свою силу, знающий себе цену. На нём зеленая выцветшая рубаша, брюки от туристского костюма. Не знаю, идёт ли ему классическая выходная одежда (наверно, идёт), но эта, простая, придает капитанское величие его осанке. Он подходит к столу, садится напротив меня, закуривает.

Устинья Андреевна приносит чай, наливает нам в стаканы, себе – в чашку, пододвигает мне печенье, сахар, ревниво прислушивается к разговору.

– Вот сидим мы здесь, на этой веранде, а как изумительно за окнами, и не потому, что там светит солнце. Что может быть прекрасней дождливого ненастного дня! Естественно, если ты не раздет под дождём. Человек должен быть счастлив и благодарен, я не знаю кому – матери или природе... Если мне удастся показать это счастье, эту радость человеческого бытия, тогда я буду считать, что очень правильно гляжу на этот мир. И ведь в чём вся штука? Ведь это самые лживые наши представления о людях, что один положительный, а другой – отрицательный.

Говорит он страстно, глаза оживлены, на обширном лбу сгущаются морщины. В паузах он глубоко затягивается папиросой.

Я спрашиваю, не собирается ли он писать роман.

– Конечно, роман дисциплинирует, роман – это ритмичность, ежедневная работа, в машинке заложена страница, одну-две посмотрел и – дальше, а рассказ... Я пишу быстро, за два дня, а то и за день, потом пусто-та... До следующего рассказа, который может возникнуть в какой-то миг сразу, он даже может присниться, мой собственный рассказ. И вот он уже виден, сверкает как жемчужинка, чувствуется на губах... У меня обычно действуют один, два, ну три человека. Для романа этого недостаточно. И повествование в романе – развёрнутое, длительное, а у меня длительное не получается...

Как-то, ещё в первый свой приезд на дачу Казакова, я, пытаясь взять интервью, спросил у него, кто, по его мнению, крупнейший современный писатель.

– Лев Николаевич Толстой.

Интервью у меня тогда не получилось, видимо, потому, что хозяин не был на него настроен. А может быть, не был настроен я, может быть, сказалось моё волнение: как-никак попал в гости к писателю, признанному и в кругах литературных, и в среде читательской; к писателю, чьими рассказами «Трали-вали», «Адам и Ева», «На полустанке», «Проклятый север», «Тедди» (да что перечислять!) зачитывались мы с друзьями, наперебой читали друг другу вслух, трепетно встречали каждый новый рассказ и сейчас ожидаем с неменьшим трепетом; к писателю – лауреату французской и итальянской литературных премий. Переживал, получится ли беседа. А он всегда готов говорить о литературе, о своих взглядах на неё, о работе своей и о планах. И в это время забываешь, что ты – читатель, а твой собеседник – писатель, писатель большой, известный, у которого на полке – более трёх десятков увесистых томов его рассказов, изданных в Советском Союзе и за рубежом, писатель, чьи рассказы входят в хрестоматию русской литературы и о творчестве которого написано множество дипломных работ, написаны и пишутся диссертации. Тебя не пришибает этот

1975 г. Новгородский Кремль. Дмитрий Порушкевич и Юрий Казаков

человек, потому что разговаривать с ним легко и он хочет и ищет общения с тобой. И забываешь, что ты моложе его возрастом, забываешь, потому что молод он по своим порывам, по отсутствию назидательности, молод в своей жадности к жизни, в своём стремлении увидеть что-то новое и готовый для этого сорваться в поездку в любой край.

– Если бы ты знал, сколько у меня неоконченных рассказов. И каких! Если бы – не говорю, вернуться вспять в возрасте – если бы не стало у меня сейчас дома, т.е. не было бы вообще, шлялся бы я по-прежнему по России, снимал бы комнаты в разных местах или в домах творчества, – сколько бы я наработал!

А ТЕМ временем баня, которую мы ждём, истоплена. И мы идём туда, в глубину двора, к орешнику. Небольшая, с предбанничком, с чердачком и трубой, она срублена из осин с дачного участка по инструкции и под присмотром Казакова.

На нас наваливается горячий запах сухого дерева. Юрий Павлович зачерпывает ковшом воду и льёт на камни. Белый в первое мгновение пар, вырвавшись из топки, растворяется. Когда пару становится достаточно, на камни, за неимением кваса, Казаков плещет пиво. Тянет солодом, хмелем.

– Ну как? А?! Залезай на полку.

ВЕЧЕР, когда мы выходим, уже нельзя назвать вечером, хотя это ещё и не ночь в полном смысле, а что-то неуловимо среднее между ними. Вот сейчас. Ещё два-три мгновенья...

Звёзды свежие, блистающие.

Я стою, жду, когда это произойдёт, когда окончательно ночь заполнит небо. Хотя ведь не она, не ночь приковывает к себе, а звёзды, пронзительные, и впрямь алмазные. И надо ли быть звездочётом или астрономом, чтобы читать их.

«Ничего, ребята, вы ещё увидите небо в алмазах!» – вспоминается мне фраза, не раз слышанная от Казакова в походе по Рдейскому краю.

ДМИТРИЙ ПОРУШКЕВИЧ
1978 г.

БОЛХОВ. ПЕДКОЛЛЕДЖ

Просветительская акция «Спасите пушкинский язык» стартовала 28 января. Первый адрес – Болховский педагогический колледж, где более ста учащихся приветствовали писательский десант: Татьяну Грибанову, Геннадия Майорова, Алексея Кондратенко и Михаила Коньшина.

Более 30 библиотек и учебных заведений области выразили желание пообщаться с людьми, которые пишут на русском языке и трепетно относятся к литературному наследию отечественных классиков.

На встрече звучали стихи, рассказы, шёл заинтересованный разговор о молодёжном сленге, ненормативной лексике, которые подобно раковой опухоли разрушают общий уровень культуры, тормозят развитие творческой личности.

Бороться с низменными привычками способно лишь желание вырваться из порочного круга посредством более пристального изучения лучших образцов отечественной и мировой литературы. И ещё орловские писатели предложили ребятам попробовать свои силы в своеобразном конкурсе сочинений (в стихах и прозе), который даст шанс наиболее талантливым продолжить совершенствовать своё творчество и возможно продолжить образование в высших учебных заведениях на бюджетной основе.

Первые заявки уже наполняют редакционный портфель альманаха «Тургеневский бережок».

Фото Вячеслава Митрохина

Краткая фотолетопись географии акции «Спасите пушкинский язык» (февраль - май 2019)

КРОМЫ

ОРЁЛ. БИБЛИОТЕКА ИМ. А.С. ПУШКИНА

Александр Сергеевич ПУШКИН

6 июня 1799 – 10 февраля 1837

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моём, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель –

Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.
1830

Краткая фотолетопись географии акции «Спасите пушкинский язык» (февраль - май 2019)

Владимир Михайлович МАРАХИН,
глава Должанского района, в недавнем прошлом руководитель одного из лучших
сельхозпредприятий нашей области – ООО «Луганское». Умелый организатор,
человек неординарный в решениях и поступках.

Гордиться землёй, на которой живём

Тот, кто не был в посёлке Долгое последние три-четыре года, будет немало удивлён теми изменениями, которые здесь произошли. Меньше стало серых унылых красок, больше света и свежести.

Только в прошлом году строительные, ремонтные и реставрационные работы затронули в райцентре и на территории муниципалитета более чем сто различных объектов, которые финансировались как из регионального, так из местного бюджета. В результате появился новый асфальт и пешеходные дорожки на многих поселковых улицах, они стали уютнее, чище. Обустроены места отдыха, газоны и клумбы, открылась целая сеть современных торговых точек и сервисных служб. Отремонтированы десятки километров межпоселковых дорог, а также школы, Дома культуры, сельские клубы.

Жизнь в посёлке как бы получила второе дыхание. Одно за другим проходят различные культурные и спортивные мероприятия. В Долгое всё чаще приезжают гости из других районов и соседних областей, радуются и удивляются происходящим здесь переменам.

Владимиру Марахину, чья жизнь с юности связана с должанской землёй, настроения людей, их заботы и чаяния известны, как никому другому.

– Скажу так: ещё совсем недавно должанцы слабо верили в перспективы своего посёлка, да и всего нашего района, – рассуждает Владимир Марахин. – То есть, по сути, не верили в будущее. А не верили по одной простой причине: мало внимания уделялось социальным вопросам, улучшению качества жизни людей, развитию культуры. Нужно было во что бы то ни стало изменить эти настроения, вернуть людям веру.

Несколько лет назад, став во главе района, Владимир Михайлович вместе с командой единомышленников взялся за решение этой непростой задачи. Были разработаны муниципальные программы, наладили должное взаимодействие с региональной властью, стали активно привлекать инвестиции не только в экономику, но и в социальную сферу.

– Настоящим событием для всего района, – рассказывает Владимир Марахин, – стало открытие в посёлке ледовой арены с искусственной заморозкой льда, раздевалками и гостиницей для спортсменов. Сотни

ребят, да и взрослых тоже, встали на коньки, занимаются хоккеем, фигурным катанием и просто отдыхают в свободное время. Люди приходят сюда целыми семьями, свободных мест на катке не бывает всю зиму.

Помощь в строительстве этих очень нужных объектов оказало правительство города Москвы, выделившее на эти цели финансовые средства в размере 36 млн. руб. А построить ледовый каток, сделать современный ремонт в гостинице помогло то самое хозяйство, в котором много лет проработал сегодняшний глава района. Техника, материалы, рабочие руки – в общей сложности к тем «собянинским» миллионам добавились ещё миллионы от «Луганского».

Сейчас неподалёку от ледового стадиона строится футбольное поле. Уже уложен газон, сделаны беговые дорожки, места для болельщиков.

Ещё одним подарком для жителей посёлка стал отремонтированный Дом культуры, или, как теперь принято называть, Культурно-досуговый центр. Новенькая сцена, со вкусом оформленный зал и фойе, удобные кресла для зрителей... Все районные праздники, смотры и конкурсы художественной самодеятельности, другие значимые мероприятия проходят здесь при переполненном зале.

В апреле в Культурно-досуговом центре состоялось открытие областного праздника детской книги, «книжкины именины», как называли его раньше. Посёлок Долгое объявлен областной столицей детской книги-2019. В гости к ребятам и их родителям приехали писатели из Орла, члены жюри международного литературного конкурса «Спасите пушкинский язык», которые заняты поиском талантов именно на местах, в русской глубинке.

– У нас, как и везде на Орловщине, очень много талантливой молодёжи, – говорит Владимир Марахин. – И рисуют, и пишут стихи, занимаются в кружках прикладного искусства и рукоделия. Это для них, кто придёт нам на смену, мы стараемся создать достойные условия для жизни и творчества, обеспечить работой, помочь в решении различных бытовых вопросов. Мы хотим, чтобы на наших улицах, в детских садах и школах всегда звучали ребячьи голоса, чтобы должанцы гордились своей прекрасной землёй.

Николай Михайлович УШАКОВ,
кавалер ордена «Знак Почёта», заслуженный работник сельского хозяйства
Российской Федерации, Почётный гражданин Орловского района,
многоопытный руководитель одного из самых известных хозяйств
Орловщины ЗАО «Берёзки»

О ТОМ, ЧТО БЕСЦЕННО

На этой земле я прожил уже достаточно лет. Был свидетелем разных событий, и горьких, и прекрасных. Вместе с людьми, кто живёт и работает в пригородном хозяйстве «Берёзки», прошёл немалые испытания в 90-е годы прошлого столетия. За те сорок шесть лет, что руковожу предприятием, всеми корнями и всеми фибрами души прикипел, прирос к этому уголку Орловщины, который стал мне поистине дорогим. Здесь теперь моя семья, мои дети и внуки. Здесь всё то, ради чего было отдано столько сил. Можно сказать, здесь прошла моя жизнь.

Но есть на земле ещё одно место, куда возвращаешься раз за разом, и в мыслях своих, и сердцем. Это село Ушаково что в Колпнянском районе, где жили мои родители, где могила отца-фронтовика. Наверное, и фамилия нашего рода пошла тоже отсюда, по названию населённого пункта. А, может, наоборот, село было названо в честь Ушаковых, верой и правдой служивших Отечеству.

Видимо, человек так устроен: где бы ни жил, в какие бы края ни забросила его судьба, его неизменно тянет туда, где родился, где прошло его детство. Такое место мы называем своей малой Родиной, и эта привязанность вполне естественна, потому что она впитывалась с материнским молоком, с первыми шагами по этой земле.

Я всегда приезжаю в родное село, когда есть такая возможность, чтобы просто пройти по улице, поздороваться с людьми, которые ещё живы и которые помнят меня, посидеть на берегу маленькой речки Фошня, в ко-

торой пацанами ловили рыбёшку.

Отцовского дома, простого, совсем не богатого, крытого в те времена под солому, давно уже нет. И отца своего я не помню, потому что увидеть его не успел. Он пришёл с войны в январе 1946-го, больной, простуженный, с орденами и ранами. Но долго пожить не успел: осенью того же года его не стало, война сделала своё чёрное дело. Нас, четверых детей, растила и тащила на своих плечах мама.

Детские годы были тяжёлыми, но, мы, деревенские пацаны, радовались тому немногому, что есть. Я любил трудиться, пас коров, работал с мамой и братьями на колхозном поле. Но был шаловливым, так все говорят. В школе любил математику, физику, химию. Книжки читал запоем, особенно фантастику, приключения. Жюль Верна обожал, увлекался этим писателем.

Сказки, конечно, как все дети, Пушкина в первую очередь. Но профессию выбрал вполне земную, то есть, непосредственно связанную с работой на земле.

Вашу идею о пушкинском языке считаю очень удачной. Язык наш богат, колоритен во всех проявлениях. Я сам с удовольствием использую всю его красоту, в том числе и народную. Действует порой безотказно.

Но ведь надо же знать, что, где и кому говорить! Порой, когда слышу, как разговаривает молодёжь, хочется уши заткнуть и куда-нибудь спрятаться.

Работать надо с молодыми людьми. Учить, объяснять, растолковывать. И дома, и в школе. Потому что язык, как ни крути, это наше общее и бесценное достояние.

Сказки Бежина луга

Писатели и журналисты Орла летом 2018 года стали гостями литературно-песенного фестиваля «Бежин луг», прошедшего в День Казанской Божьей Матери в селе Тургенево Чернского района Тульской области

Первое, что мы увидели, подъезжая через реку Снежедь к селу, – это воспетый писателем знаменитый Бежин луг, который и сегодня поражает своей красотой, светом и простором.

Основная программа праздника проходила именно здесь, но из-за дождя орловцы смогли посетить только мероприятия, организованные в центре села, бывшего имения отца Тургенева – Сергея Николаевича.

После ссоры с матерью Варварой Петровной в 1850 году писатель переселился сюда вместе с семьёй брата Николая и под впечатлением от многочисленных охотничьих наблюдений именно здесь, в отведённой ему комнате под крышей бумажной фабрики, приступил к рассказу «Бежин луг» и написал такие шедевры, как «Певцы» и «Свидание», украсившие цикл рассказов «Записки охотника».

На площади, окаймлённой каменной церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы, которую уже реставрируют, музеем писателя, открытом в бывшем здании бумажной фабрики, школой, построенной на фундаменте помещичьего дома, и тенистой двухвековой липовой аллеей, поклонники писателя-земляка собрались отметить его 200-летний юбилей.

Организаторы праздника подготовили для гостей обширную культурно-просветительскую программу, в которой учли все возрасты и вкусы почитате-

лей таланта Ивана Сергеевича. Об этом рассказала помощник режиссёра фестиваля «Бежин луг» **Елена Харькова**, к слову, выпускница Орловского государственного института культуры. В красивом костюме помещицы времён Тургенева она приветливо встречала всех, показывая, на каких площадках в данный момент проходят те или иные мероприятия. А здесь одновременно проходили мастер-классы народных ремёсел Тульского центра народного творчества, работала почта «Открытки Бежина луга», привлекала внимание художественная выставка «Тургеневский вернисаж», привлекали многочисленные киоски с сувенирами и тульскими сладостями.

– Фестиваль «Бежин луг» мы проводим в Тургенево уже в 35-й раз, – пояснила Елена Геннадьевна. – Нынешний стал кульминацией многочисленных праздничных мероприятий, приуроченных к 200-летию нашего земляка. К празднику готовились всем регионом, проводили не только выставки и конкурсы, премьеры и презентации, но и благоустраивали село Тургенево: мостили дороги, восстанавливали и ремонтировали исторические объекты, приводили в порядок Бежин луг...

В программе фестиваля впервые помимо лучших фольклорных коллективов Тульской области и мастеров-прикладников принимают участие и театры региона, подготовившие премьеры по произведениям Тургенева.

Отрывки из этих постановок увидели и орловцы. В знак солидарности с тремя десятками самых горячих зрителей мы не сбежали из «театрального зала» под открытым небом, на который не в первый раз за этот фестивальный день хлынул ливень.

Тем более не дрогнули артисты академического театра драмы им. Горького, его Новомосковского филиала и областного ТЮЗа. Тоже под зонтиками они выбегали из «костюмерной» палатки на такой же, как скамейки, наспех сколоченный подиум и, невзирая на ливень, который захлёстывал и за рампу, играли летнюю солнечную благодать – сцены из спектаклей «Первая любовь», «Нахлебник», «Бежин луг».

В этом же «зале» между спектаклями состоялось и подведение итогов первого Международного литературного конкурса «Бежин луг», приуроченного к юбилею.

Среди его дипломантов и орловские литераторы, члены Союза российских писателей **Дмитрий Порущкевич**, **Валерий Анишкин**, **Анастасия Агошкова**. Недавно принятому в ряды Союза орловскому журналисту и литератору **Михаилу Коньшину** на празднике был торжественно вручён членский билет.

– У каждого из нас свой Тургенев, – признался Михаил Иванович. – Мой начинался с «Муму», на все времена трогательной истории, которая учит любви, милосердию, состраданию. В юности вос-

хищался Рудиним, не сразу принял философию Базарова относительно природы, и всегда, особенно теперь, удивлялся образности и музыкальности тургеневского языка. Его рассказы – это маленькие шедевры. В них нет ярких захватывающих сюжетов, зато какие характеры, какая глубина проникновения в самую суть, в душу героя, будь то дворянин или крестьянин. Я не знаю, кто бы мог так описать повадки зверей и птиц, тончайшие переходы в состоянии природы, связь её с человеком. А рассказ «Певцы» считаю одним из лучших в мировой литературе.

...Вокалистов в тот день было много – от любительских фольклорных сельских ансамблей, солистов областной филармонии до «серебряного голоса» **Олега Погудина**, чей концерт поздно вечером собрал на Бежином лугу самых «дождестойких».

Но кульминацией праздника стал не его концерт и даже не поющие световые фонтаны и фейерверки в полночь на лугу, а открытие памятника Тургеневу в центре села.

По замыслу скульптора **Виталия Казанского**, чьи предки-священники служили в местной церкви, писатель присел на скамью отдохнуть и рядом, положив голову на его колено, примостилась его верная собака.

Валентина НОВОШИНСКАЯ

Фото автора, Леонида Тучина, из архива ОРО СРП

В ГОСТИ К ТЮТЧЕВУ

9 ноября 2018 года мы отметили 200-летие нашего великого земляка Ивана Сергеевича Тургенева.

5 декабря – 215 лет со дня рождения поэта Фёдора Ивановича Тютчева.

6 июня 2019 года встретим 220-летие Александра Сергеевича Пушкина.

20 мая вспомним другого выдающегося литератора – Оноре де Бальзака, который родился 220 лет назад.

В канун юбилея Ф. Тютчева делегация орловских писателей (ОРО «Союз российских писателей») посетила музей-усадьбу поэта в Овстуге и библиотеку в г. Жуковка. Акция называлась «В гости к Тютчеву».

Но для Валерия Георгиевича Анишкина эта поездка запомнится особо. Дело в том, что он родился в Жуковке в 1938 году, но в младенчестве малыша перевезли в Орёл, куда на работу отправился по распределению его отец – инженер молокозавода. С тех пор В. Анишкин всё никак не мог выбраться на историческую родину. Целых 80 лет!

И вот теперь его мечта осуществилась. Он посетил центральную библиотеку г. Жуковка, где в присутствии главы района А.В. Давиденко и директора библиотеки В.И. Гришенюк вручил коллективу несколько своих книг, которые, надеемся, вызовут интерес у читателей. Сам же юбиляр признался позднее, что эта поездка на родину вдохновила его на создание серии рассказов о путешествии в детство.

В библиотеке г. Жуковка. Справа глава района А.В. Давиденко, рядом писатель Валерий Анишкин и В.И. Гришенюк

ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что наши писатели больше посещали Спасское-Лутовиново и Ясную поляну. А вот Овстуг, имение, где родился Фёдор Иванович Тютчев, оставалось как бы в стороне. Но на этот раз, в канун его юбилейного дня рождения, орловские писатели позабыли про неотложные

дела и хвори. Благо, гостеприимные хозяева из санатория «Жуковский», что в 20 километрах от Овстуга, за символическую плату предложили остановиться у них до и после посещения музея-усадьбы поэта. Да ещё прислали в Орёл комфортабельный автобус, чтобы забрать гостей, а потом вновь доставить до дома.

Конечно, в начале июня, когда в Овстуге проводится традиционный праздник поэзии, погода более благоприятная. Но и на пороге зимы, поездка оказалась плодотворной и запоминающейся.

Три дня пролетели, как одно мгновение. Уезжали писатели с массой впечатлений и положительных эмоций, потому что экскурсоводы открыли много нового, ранее неизвестного широкой публике о жизни и творчестве талантливого литератора и государственного деятеля.

